

ДУЭЛИСТЫ

(ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО).

А. ЧУЖБИНСКАГО.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНІЕ А. Ѳ. БАЗУНОВА.

1872.

Типографія Н. Скарятина, на углу Фонарнаго пер., д. Франка.

Дуэлисты прежняго времени не составляли особой касты, но водились во многихъ полкахъ, особенно кавалерійскихъ и преимущественно гусарскихъ. И теперь еще не исчезли преданія о житьѣ бытьѣ коренныхъ гусаръ, но анекдоты о той отдаленной эпохѣ, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, становятся теперь чѣмъ-то миѳическимъ и принимаютъ видъ легандарныхъ сказаній. Для современнаго гусара уже не мыслимы тѣ баснословные рубаки, которые выдѣлывали чудеса какъ на полѣ битвы, такъ и на мирныхъ стоянкахъ, и красносизые носы которыхъ свидѣтельствовали объ ихъ усердномъ поклоненіи Бахусу. Эпитетъ лихой кавалеристъ въ большинствѣ случаевъ относился къ гусару, и гусару непременно коренному, прилагательное, теперь даже можетъ быть непонятное для многихъ. Со времени учрежденія гусарскихъ полковъ было ихъ немного, и они то стали называть себя коренными, въ отличіе отъ такъ называвшихся, «вновь испеченныхъ» гусаръ, переименованныхъ изъ драгунъ. Между этими двумя категоріями долго существовала рѣз-

кая рознь, и офицеры пикировались довольно часто. Даже въ настоящее время, когда уровень образованія значительно поднялся въ арміи, еще встрѣчается антагонизмъ между иными оружіями, что же было лѣтъ тридцать, сорокъ тому назадъ, когда образованные люди служили преимущественно въ колоновожатыхъ, инженерахъ и въ артиллеріи? Я не хочу этимъ сказать, что въ арміи не было людей воспитанныхъ, ибо образованные офицеры попадались во всѣхъ полкахъ, но они составляли незначительное меньшинство и будучи развитыми, даже просвѣщенными личностями, подчинялись уровню своего общества. Отдѣльно каждый изъ нихъ могъ быть образованъ, но въ массѣ полкъ имѣлъ свои нравы и обычаи, и общественное мнѣніе получало инниціативу — въ пѣхотѣ отъ ротныхъ, въ кавалеріи отъ эскадронныхъ командировъ. Я не говорю о службѣ, но о частной жизни офицеровъ, которые кочевали по югу, западу и центру Россіи. Кавалерія размѣщалась преимущественно въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, гдѣ продовольствіе было дешевле. Съ учрежденіемъ военныхъ поселеній, масса конницы группировалась въ Харьковской губерніи и Новороссійскомъ краѣ, но это были кирасиры и уланы; а гусары, распредѣлялись по войскамъ дѣйствующихъ корпусовъ, и только уже впослѣдствіи, когда сформировался такъ называемый сводный кавалерійскій корпусъ и открылись поселенія въ Кiев-

ской и Подольской губерніяхъ, иные коренные гусары распрощались съ вольными стоянками, и то на извѣстное время.

Но разсказъ нашъ относится къ болѣе отдаленной эпохѣ. Кавалерія раздѣлялась на тяжелую и легкую: къ первой принадлежали кирасиры, драгуны и конная артиллерія, ко второй гусары и уланы; средину занимали конные егеря, въ которыхъ иные полки отличались прекраснымъ обществомъ офицеровъ. Тяжелая кавалерія брила усы по примѣру пѣхоты, и это маловажное обстоятельство нерѣдко служило предметомъ насмѣшекъ и препирательствъ. Легкіе кавалеристы подсмѣивались надъ тяжелыми, называя послѣднихъ талагаями, а эти честили первыхъ стрекозами; но тѣ и другіе острили надъ пѣхотою, которая въ свою очередь имѣла возможность чваниться передъ гарнизою. Разумѣется тутъ не было ненависти или искренней вражды, и нерѣдко всѣ роды оружія сходились дружески, но такъ уже велось изстари, и при встрѣчѣ антагонистовъ происходили порою довольно крупныя схватки. Стоило гусару или улану, проходившимъ мимо кирасиръ или драгунъ, произнести слово «бритусъ», чтобы вызвать взрывъ ругательствъ въ родѣ «стрекозы», «гончей» и т. п. и только безотвѣтственная гарниза выслушивала равнодушно свою кличку, да незлобивые инвалиды не обижались, когда обзывали ихъ «крупою.» Я это

говорю о солдатахъ; офицеры почти никогда не обмѣнивались подобными названіями, хотя и потѣшались другъ надъ другомъ и болѣе колкими выраженіями.

Вслѣдствіе этихъ обычаевъ, конечно, происходили дуэли, но случались онѣ и между однополчанами за рѣзкое слово, даже за взглядъ, казавшійся оскорбительнымъ, не говоря уже о соперничествѣ въ любви и волокитствѣ, которыя такъ часто порождали самыя кровавыя распри. Страннымъ можетъ показаться, что товарищи въ своей семьѣ, гдѣ въ старинныя времена господствовало такое братское согласіе, гдѣ члены этой семьи возставали единодушно за обиду, нанесенную кому-нибудь изъ собратовъ, мыслимы были кровавыя распри между собою, а на самомъ дѣлѣ онѣ случались, и преждевременно вычеркивали изъ списка живыхъ не одну жертву. Тутъ главную роль играли такъ называемые дуэлисты. Это были люди, раздѣлявшіеся на двѣ категоріи: на дуэлистовъ, выходившихъ на поединокъ за каждую бездѣлицу, и на такихъ, которые только подзадоривали другихъ къ дуэли, не принимая сами ни малѣйшаго въ ней участья. Въ то время поединокъ рѣдко бывалъ смертельнымъ, потому что дрались часто на сабляхъ до первой раны и гораздо рѣже стрѣлялись; между тѣмъ какъ теперь почти не рубятся, а если и выходятъ на дуэль на пистолетахъ, то дѣло оканчивается катастрофою. Случались, конечно, и сабель-

ныя раны смертельныя, однако большая часть этого рода поединковъ не приводила къ очень печальнымъ результатамъ, ибо сабельную дуэль всегда можно было кончить, тогда какъ въ два выстрѣла на короткой дистанціи легко причинялась смерть или смертельная рана. Рубаки или бреттеры, не смотря на весь свой задоръ и на всю свою придирчивость, меньше вредили, нежели офицеры, подъуськивавшіе другихъ, разжигавшіе вражду единственно съ цѣлью добиться дуэли, и которые, устроивъ поединокъ, считали дѣло свое поконченнымъ, устраняли себя отъ всякихъ послѣдствій, и развѣ только пили мировую вмѣстѣ съ другими, если условіе было драться до первой крови. Понятно, что поединки строго наказывались, ибо въ уголовный кодексъ еще не было введено тѣхъ, хотя и рѣдкихъ изъятій, по которымъ допускались дуэли впослѣдствіи; но само начальство, особенно въ кавалеріи, смотрѣло на это едва не сквозь пальцы и старалось замять дѣло даже въ случаѣ катастрофы. Одинъ полковой командиръ, нѣкогда усердный рубака, былъ извѣстенъ тѣмъ, что если его ночью иногда будили по какому-нибудь экстренному случаю, первыя его слова по пробужденіи были: „кто? кого?“ Дѣло рѣдко доходило дальше начальника дивизіи, развѣ уже совершалось что-нибудь необычайное, чего невозможно было скрыть. Такъ, напримѣръ, въ двадцатыхъ годахъ два офицера рубились

въ губернскомъ городѣ на соборной площади, или подъ Вознесенскомъ на смотру происходила дуэль на маршѣ къ плацу. Послѣдняя была замѣчательна. Уланъ оскорбилъ гусара, дѣло должно было кончиться на мѣстѣ, туже минуту, и какъ у обоихъ пистолеты были заряжены холостыми зарядами, то гусаръ предложилъ къ услугамъ пуговицы отъ ментика. Такъ и стрѣлялись, у гусара прострѣлена была нога его же собственною пулею и довольно опасно. Здѣсь по крайней мѣрѣ мотивъ былъ достаточно серьезный. Дуэлисты другой категоріи или лучше сказать аматеры чужихъ дуэлей, вели себя очень осторожно, заботливо уклоняясь отъ всякихъ столкновеній, по видимому хлопотали жить въ ладу со всѣми; но чуть между кѣмъ-нибудь затѣвалась самая пустая ссора, которая легко могла кончиться миролюбивымъ образомъ, они являлись тутъ какъ тутъ, поджигали обѣ стороны, употребляя всѣ усилія раздуть вражду до крайнихъ предѣловъ и успокоивались лишь тогда, когда противники назначали часъ и мѣсто. Конечно, подобныхъ личностей было немного, но онѣ существовали, и не одна изъ нихъ безвременно сводила въ могилу благородное существо или отравляла молодую жизнь, которая дорого платилась за выслушиванье коварныхъ змѣиныхъ совѣтовъ. Теперь „иные дни, иные нравы,“ и хотя, какъ всякому извѣстно дуэли не перевелись, да и вѣроятно никогда не пе-

реведутся, потому что кровавая расправа какъ-бы присуща и единицамъ и массамъ, однако въ настоящее время немыслимы тѣ бреттеры, ни тѣ дуэльные маклера, которые водились не только въ арміи, но и между помѣщиками.

Въ одномъ обширномъ мѣстечкѣ западнаго края остановился штабъ —скаго гусарскаго полка, а эскадроны размѣстились по уѣзду. Торговое мѣстечко, набитое евреями, обыкновенно шумное лишь въ дни базаровъ, съ приходомъ полка закипѣло другою жизнью, и по грязнымъ улицамъ не только зашевелились евреи, усилившіе свою дѣятельность, но начали появляться и экипажи окрестныхъ помѣщиковъ, пріѣзжавшіе прежде лишь по праздникамъ въ приходскій костелъ. Черноглазыя панны съ любопытствомъ присматривались къ гусарскимъ офицерамъ, которые не успѣвъ еще познакомиться въ уѣздѣ, собирались въ полковую штабъ-квартиру. Въ мѣстныхъ лавкахъ явились предметы роскоши, а маленькая и единственная ресторація приняла обширные размѣры, хозяинъ которой, предпріимчивый еврей, выписалъ порядочнаго повара и завелъ новую обстановку. Въ гусарахъ служили обыкновенно люди богатые, ибо кромѣ пріобрѣтенія дорогаго мундира и отличной лошади, офицеру требовались еще средства на широкую жизнь, которая входила въ программу кореннаго гусара. Встрѣчались полки, гдѣ по-

ложительно не служили бѣдные люди, избѣгавшіе попасть въ то общество, гдѣ каждый почти тратилъ большія деньги, и гдѣ человѣку съ малымъ или ограниченнымъ состояніемъ приходилось весьма неловко. Бывали исключенія, но очечь рѣдко, что какой-нибудь офицеръ, произведенный изъ чужаго полка и оказавшійся отличнымъ малымъ, но безъ средствъ, принимался въ среду полка и потомъ уже дѣлался баловнемъ, которому товарищи братски помогали, не оскорбляя его самолюбія. Но эти исключенія встрѣчались изрѣдка, а большая часть бѣдняковъ, попадавшихъ въ гусары, да еще въ богатые полки, переходили въ другаго рода кавалерію. Въ старину не знали мишуры, которая завелась уже въ послѣдствіи, и чтобъ имѣть доломанъ, ментикъ и чакчиры съ золотымъ или серебрянымъ приборомъ, да еще и не въ одномъ комплектѣ, требовалось офицеру порядочной поддержки изъ дому при жалованьи, напримѣръ, корнету 510 руб. ассигнаціями.

Въ описываемомъ полку служилъ народъ богатый, по преимуществу помѣщики западныхъ и малорусскихъ губерній; у многихъ были собственные экипажи, у иныхъ повара, а два, три имѣли даже охоту съ доѣзжачими и егерями. Полковой командиръ былъ русскій, а потому не водилось нѣмцевъ, которые во первыхъ не охотно служили въ гусарахъ, а во вторыхъ еще неохотнѣе посту-

пали въ полки, гдѣ нѣмецкій элементъ не игралъ значительной роли. Правда, богатые остзейскіе бароны попадались въ гусарахъ, но все-таки тамъ, гдѣ можно было пріютиться подъ нѣмецкое крылышко, а описываемый полкъ состоялъ даже подъ начальствомъ русскаго начальника дивизіи. Только въ немъ и имѣлось нѣмцевъ, что одинъ ротмистръ, который былъ въ отпуску, да лѣкарь, но за то послѣдній до такой степени былъ нѣмцемъ, что состоя на службѣ около двадцати лѣтъ, отвратительно говорилъ по русски. Для лѣченія солдатъ ему разумѣется нужно было только умѣть ругаться по русски, что онъ и исполнялъ съ грѣхомъ пополамъ, а офицеры всегда прибѣгали къ помощи мѣстныхъ гражданскихъ врачей, ибо этотъ лѣкарь былъ извѣстенъ своимъ невѣжествомъ въ медицинѣ. За то онъ былъ порядочный кутила и металъ охотно банкъ и штосъ. При дуэляхъ же должность его исполнялъ старшій полковой фельдшеръ, который въ турецкую войну научился лѣчить стрѣлянныя и рубленныя раны. Сперва Карлъ Карловичъ горячился и протестовалъ, предлагая свои услуги, но офицеры сказали, что если онъ будетъ мѣшать, то ему предложатъ поискать другаго мѣста. Карлъ Карловичъ махнулъ рукою и пересталъ вмѣшиваться въ это дѣло, разсчитывая что выгоднѣе лишиться практики, подъ часъ не весьма

безопасной, чѣмъ потерять нѣсколько тысячъ, которыя приносила ему метка въ азартныя игры.

Штабъ, и лейбъ-эскадронъ отлично расположились въ мѣстечкѣ, а полковой командиръ занялъ часть роскошнаго палаца, владѣлецъ котораго жилъ постоянно въ Варшавѣ. Штабные офицеры поселились во флигелѣ, эскадронный командиръ и его офицеры помѣстились въ лучшихъ домикахъ мѣстечка, предоставляя пріѣзжимъ товарищамъ свои квартиры; для тѣхъ же изъ послѣднихъ, кому не доставало пристанища, существовали заѣздные дома, что въ западныхъ губерніяхъ обозначаетъ постоялые дворы, обыкновенно многочисленные на проѣзжихъ трактахъ. Прибывавшіе изъ дальныхъ эскадроновъ разсказывали о новыхъ знакомствахъ, и вскорѣ всему полку стало болѣе или менѣе извѣстна программа зимнихъ удовольствій, не включая поѣздокъ въ Кіевъ, Одессу и даже въ Варшаву, хотя послѣдняя конечно доставалась на долю немногихъ.

Полковой командиръ, самъ богатый человѣкъ и кромѣ того получавшій отъ полка тысячъ сорокъ ассигнаціями въ годъ, жилъ открыто, разъ навсегда пригласивъ къ себѣ обѣдать какъ штабныхъ такъ и всѣхъ пріѣзжавшихъ офицеровъ и даже юнкеровъ, и потому у него въ квартирѣ ежедневно происходилъ пиръ, а по праздникамъ гремѣла музыка.

Будучи самъ истымъ гусаромъ отъ репейка до помпона, какъ выражались въ то время, полковникъ Кала-

матовъ умѣлъ искусно соединять въ себѣ типы строгаго исполнителя по службѣ и радушнаго гостепріимнаго хозяина. Это былъ настоящій русскій баринъ, записной охотникъ съ борзыми, которыхъ держалъ нѣсколько десятковъ на своей походной псарнѣ. У Каламатова была разрублена лѣвая щека на дуэли еще въ корнетскомъ чинѣ и его знали за извѣстнаго рубаку, который даже не за долго до полученія полка дрался съ какимъ-то коннымъ егеремъ, котораго положилъ на мѣстѣ, и не смотря, что былъ очень строгъ въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, на поединки смотрѣлъ довольно снисходительно, если при нихъ соблюдались извѣстныя формальности. Въ особенныхъ случаяхъ, онъ самъ ѣздилъ къ начальнику дивизіи и даже къ корпусному командиру, при какихъ-нибудь выходившихъ изъ ряду обстоятельствахъ, когда уже нельзя было замять дѣло домашними средствами.

Каламатова любили подчиненные, и полкъ его стоялъ всегда въ первыхъ нумерахъ по фронту. Ремонтеру онъ прибавлялъ по пятидесяти рублей на лошадь, эскадроннымъ командирамъ уступалъ большіе проценты на фуражъ, за смотры давалъ нижнимъ чинамъ на водку собственныя деньги, вслѣдствіе чего пользовался огромною популярностью. За то же требовалъ онъ отъ своихъ подчиненныхъ положительнаго знанія службы, не отступая

отъ малѣйшихъ условій ни на волосъ, и если только замѣчалъ неисправность въ комъ бы то ни было, изъ мягкаго обходительнаго человѣка дѣлался звѣремъ: офицеровъ распекалъ, сажалъ подъ арестъ и даже удалялъ изъ полка, юнкеровъ ставилъ на часы и посылалъ дежурить на конюшню, а унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ наказывалъ палками до безобразія. Надобно однакожъ сказать правду, что ему рѣдко приходилось прибѣгать къ карательной системѣ, ибо каждый подчиненный изъ кожи лѣзъ, чтобъ безупречно исполнить свою обязанность, и потому въ полку Каламатова не только всѣ ѣздили превосходно, знали эскадронное и полковое ученье, а и вообще не отступали отъ военной дисциплины самые избалованные офицеры, стоя на караулѣ не снимали формы и не ложились спать, чего нельзя было сказать о прочихъ кавалерійскихъ полкахъ того времени. Одного не могъ достигнуть Каламатовъ—и хоть этотъ недостатокъ тоже относился къ службѣ, однако самъ полковый командиръ смѣялся при видѣ своихъ безплодныхъ усилій выучить гусаръ маршировать по пѣхотному. Въ этомъ случаѣ онъ былъ проникнутъ тогдашнимъ духомъ истыхъ кавалеристовъ, которые на пѣшій фронтъ смотрѣли довольно свысока, вообще маршировали отвратительно, увѣряя, что у настоящаго кавалериста ноги должны быть немного выгнуты, и что ему въ рейтузахъ съ леями, въ

огромныхъ шпорахъ и при саблѣ, ходить журавлинымъ шагомъ, какъ они выражались, было неудобно.

Черезъ мѣсяцъ по приходѣ полка въ—скій уѣздъ окончательно выяснились отношенія гусаръ къ мѣстнымъ жителямъ и многіе изъ молодыхъ офицеровъ успѣли уже влюбиться, и въ мѣстечкѣ готовились къ зимѣ открыть разъ въ недѣлю собранія.

Однажды осеннимъ утромъ полковой оберъ-факторъ названный такъ въ шутку офицерами, но дѣйствительно весьма расторопный и неутомимый еврей, самовластно принявшій на себя обязанность доставлять гусарамъ все требуемое и исполнять малѣйшія ихъ прихоти, донесъ штабнымъ, что ночью пріѣхалъ и остановился въ лучшемъ заѣздномъ домѣ переведенный въ полкъ изъ гвардіи поручикъ Брязанцевъ. Всѣ знали о переводѣ его тѣмъ же чиномъ въ армію, но во первыхъ никто не ожидалъ такого скораго прибытія, а во вторыхъ не имѣлъ ни малѣйшаго свѣдѣнія объ этой личности, а потому пріѣздъ новаго офицера произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе, такъ какъ общество полка было дружно и дорожило пріобрѣтенною издревле доброю славою. Въ—скій полкъ даже трудно было попасть, какъ по неимѣнію вакансій такъ и по тому щекотливому разбору, которымъ общество отли-

чалось при просьбѣ какого нибудь претендента на переводъ. Оно болѣе всего любило пополнять убыль изъ контингента своихъ же юнкеровъ, которые во время службы въ нижнемъ чинѣ усвоивали постепенно полковые нравы и обычаи и выказывались рельефно со всѣми своими достоинствами и недостатками. Въ обществѣ офицеровъ существовало даже такое обыкновеніе, что если товарищи съ *ты* переходили на *вы*, то старшій фельдшеръ обыкновенно осматривалъ свои хирургическіе инструменты. Подобное расположеніе вело къ тому, что офицеры—скаго полка вели себя чрезвычайно деликатно и не смотря на кутежи и подъ часъ буйство съ посторонними, были между собою очень вѣжливы. Кадеты, выходившіе въ этотъ полкъ недолго уживались въ немъ, ибо не могли освоиться съ мыслью, что въ кружкѣ товарищей надобно было держать себя осторожно и взвѣшивать даже слишкомъ условную неумѣстность шутки. Но вы не думайте, чтобъ это былъ какой нибудь картезіанскій монастырь; напротивъ въ полку жили очень дружно и весело, но только при условіяхъ короткаго знакомства и тѣснаго товарищества. Трудно передать всѣ оттѣнки полковыхъ приличій, но они существовали собственно по преданіямъ, и многіе рубаки искренно стѣснялись ими.

Вотъ почему прибытіе Брязанцева возбудило интересъ въ обществѣ и всѣ нетерпѣливо ожидали его появленія.

Часу въ одиннадцатомъ у полковаго адъютанта засѣдала обычная компанія за столомъ, покрытымъ синимъ сукномъ, на которомъ полковой лѣкарь металъ штосъ для желающихъ. Передъ Карломъ Карловичемъ разложены были въ порядкѣ асигнаціи и чинно стояли кучки голландскихъ червонцевъ. Человѣкъ пять понтировали, а два или три офицера, не принимая участья въ игрѣ, потягивали пуншъ, бывшій тогда въ большой модѣ у военныхъ, особенно у гусаръ. Всѣ были въ сюртукахъ, кто въ эполетахъ, кто безъ эполетъ, одинъ хозяинъ сидѣлъ въ рубашкѣ. Послѣдній проигрывался; ему не везло.

Въ передней послышалось бряцанье сабли о шпоры и въ комнату вошелъ молодой офицеръ въ полной формѣ, лѣвая рука котораго висѣла на чѐрной шелковой перевязкѣ.

— Могу я видѣть господина полковаго адъютанта? сказалъ онъ.

— Сію минуту, отозвался адъютантъ, бросившись въ другую комнату,

— Имѣю честь рекомендоваться, поручикъ Брязанцевъ, переведенный въ вашъ полкъ.

— Очень пріятно, отвѣчалъ адъютантъ, выходя въ сюртукѣ, и немедленно познакомилъ пріѣзжаго со всѣми присутствовавшими.

*

— Я не знаю въ которомъ часу принимаетъ полковой командиръ.

— На это нѣтъ опредѣленнаго времени. Присядьте пка. Не угодно ли стаканъ пуншу и трубку?

— Трубку попрошу, а пуншъ мнѣ вреденъ.

— Какъ! гусаръ не пьетъ пуншу? замѣтилъ одинъ офицеръ

— Никогда не пью, но если ужь необходимо, чтобъ не разстроить компаніи, то предпочитаю чистый ромъ.

— А это дѣло другое.

— Эй! подать поручику трубку и стаканъ рому! Садитесь. А сія наука вамъ знакома? продолжалъ адъютантъ указывая на карты.

— Какъ вамъ сказать! Не особенно.

— Въ бостонъ играете? спросилъ сѣдой маіоръ.

— Играю, но предпочитаю скороспѣлку.

— И люше, воскликнулъ лекарь:—какой эту игру бастонъ, шортъ знайтъ. Не угодно ли?

— А въ самомъ дѣлѣ, сказалъ адъютантъ: — пока я пріодѣнусь садитесь и поставьте.

— Руку вѣрно ушибли? спросилъ квартермистръ улыбаясь.

— Ушибъ, отвѣчалъ Брязанцевъ равнодушно.

— А вотъ нашъ Эскулапъ къ вашимъ услугамъ, молвилъ адъютантъ тасуя карты.

— Нашъ Эскулапъ лучше мечетъ чѣмъ лѣчитъ, замѣтилъ молодой корпетъ, которому везло.

— Господинъ корнетъ, сказалъ маіоръ:—вы еще такъ недавно надѣли эполеты, что я позволю себѣ напомнить вамъ, что шутки иногда бываютъ умѣстны, а иногда неумѣстны.

Корнетъ покраснѣлъ. Брязанцевъ быстрымъ взоромъ окинулъ общество.

— Ифанъ Ифанышъ! зашемъ канфузитъ малатой шиловѣкъ, ви видалъ какъ онъ частливо игралъ, не надо трогай.

Офицеры засмѣялись. Между тѣмъ Брязанцевъ, передъ которымъ стоялъ стаканъ рому, отставилъ свою трубку, поднялъ съ полу ташку, добылъ оттуда кошелекъ, вынулъ нѣсколько голландскихъ червонцевъ, попросилъ у корнета выдернуть ему на счастье карту и накрылъ ею свои деньги.

— Идетъ! сказалъ онъ.

— А много? спросилъ лекарь.

— Сосчитаемъ послѣ, а убьете, такъ для васъ все равно.

— Карашо. Ви играитъ на томная?

— Могу и открыть. Девятка.

Лекарь далъ девятку. Брязанцевъ загнулъ карту.

— Прикажете полюшитъ?

— Зачѣмъ? Я иду дальше.

Лекарь стасовалъ новую талію.

— Уголъ, сказалъ Брязанцевъ.

— И всо дефятка?

— Она самая.

Девятка снова выиграла.

Лѣкарь нахмурился.

— Ви не бироте денга?

— Нѣтъ не возьму.

Брязанцевъ перегнулъ свою карту извѣстнымъ способомъ.

— Значитъ на семъ кушей, отозвался маіоръ.

— Вы угадали.

Девятка опять выиграла.

Брязанцевъ равнодушно перегнулъ ее иначе и оставилъ.

Лѣкарь распечаталъ новую колоду и началъ тасовать съ неистовствомъ.

— Это шортъ знаитъ што за карта! воскликнулъ онъ: —это дефятка пуститъ меня на міръ.

— Пуститъ по міру, докторъ! замѣтилъ кто-то.

— Э, все рафно, только надо ее убивайтъ.

Но и на этотъ разъ девятка выиграла.

— Однако, господа, смотрите, есть ли что въ банкѣ? сказалъ маіоръ.—Сколько у васъ червонцевъ, поручикъ?

Брязанцевъ подвинулъ свое золото.

— Семь, отвѣчалъ онъ.

— Пятнадцать кушей, это сто пять червонцевъ. Кажется, Карлъ Карловичъ, твой банкъ фю, фю!

— Будемъ посмотрѣть, говорилъ лѣкарь, считая деньги.—Нѣтъ, оставаится шервонцовъ двадцать. Угодно дорывайтъ? обратился онъ къ Брязанцову.

— Никогда не дорываю: мнѣ нужно идти на тридцать одинъ кушъ, и я меньше не поставлю.

— У меня правило не закладывай второй банкъ, пока не сорывайтъ первый.

— А у меня правило идти выше, не отгибаясь.

— Ну что, Карлъ Карловичъ, сказалъ маіоръ:—наскочила коса на камень?

— Эта дефятка, шортъ ее побери!

— Вы поблагодарите Сонина, замѣтилъ квартермистръ, указывая на корнета, получившаго недавно замѣчаніе:— это онъ ее вытащилъ.

Лѣкарь не отвѣчалъ ни слова и ожидалъ ставокъ.

Игра снова завязалась.

— Ну что? спросилъ хозяинъ, входя въ сюртукѣ съ эполетами, при саблѣ и обращаясь къ Брязанцеву.

— Взялъ пятнадцать кушей.

Отъ большаго?

— Отъ семи червонцевъ.

— Значитъ нашъ Эскулапъ прогорѣлъ?

— Проклятой дефятка!

— Теперь мы можемъ идти къ полковнику, вѣроятно онъ оставитъ васъ обѣдать, а послѣ что нибудь придумаемъ.

— Я готовъ; только позвольте просить васъ спрятать золото: въ ташкѣ носить тяжело, а кармана нѣтъ.

— Съ удовольствіемъ, сказалъ адъютантъ, взялъ золото и отнесъ къ себѣ въ спальню.

Когда Брязанцевъ вышелъ въ сопровожденіи хозяина, офицеры какъ бы машинально посмотрѣли ему вслѣдъ.

— А каковъ новенькій? сказалъ квартермистеръ.

— Какой-то шортъ!

— Ничего ни вижу особеннаго, замѣтилъ высокій штабсъ-ротмистръ:—какіе-то эдакія манеры.

— Ну, ужъ вы со своею критикою, молвилъ маіоръ:—человѣкъ пьетъ ромъ голякъ, играетъ не отгибаясь, да и рука на перевязкѣ—кажется довольно.

— Видали мы...

— Да кто изъ насъ не видѣлъ! однако доказательства на лицо.

— Доказательствъ особенныхъ нѣтъ, а посмотримъ что дальше будетъ.

— Тамъ что ни говорите, а сто пятъ червонцевъ у Карла Карловича вонъ изъ кармана.

— Можетъ и назадъ возвращайть.

— Онъ, или червонцы?

— И онъ, и шервонецъ.

— Ну, на счетъ червонцевъ вилами писано.

Послѣ этого понты углубились въ свое дѣло.

По докладѣ адъютанта полковой командиръ немедленно вышелъ въ залу.

— Честь имѣю явиться—поручикъ Брязанцевъ.

— Очень радъ. Вы что-то скоро.

— Къ чему же медлить, полковникъ?

— Вы однакожъ больны, вѣроятно ушибли руку?

— Ушибъ, отвѣчалъ Брязанцевъ.

— И скоро надѣетесь поправиться?

Полагаю, что черезъ мѣсяцъ буду здоровъ.

— Суровскій! сказалъ полковникъ, обращаясь къ адъютанту:—зачислите поручика въ лейбъ-эскадронъ.

— Слушаю-съ.

— А вы, господинъ Брязанцевъ, если угодно, милости просимъ каждый день обѣдать.

— Покорно благодарю, за честь поставлю.

— Мы правду сказать не очень довольны, если къ намъ переводятъ офицеровъ, но вы на исключительномъ положеніи.

— Я не просился.

— Знаю, и потому мы васъ принимаемъ какъ добраго товарища. Теперь дѣло полковаго командира кончено, а какъ Иванъ Сергѣичь Каламатовъ я васъ спрашиваю: вы танцоръ или фронтовикъ?

— Танцую я, полковникъ, недурно, и во фронтѣ никогда не получалъ замѣчанія.

— Значитъ и то и другое. А лошадь?

— Парадную ведутъ. Тысячи три стоитъ.

— Ладно. Я обѣдаю въ два часа, сказалъ полковникъ любезно протянулъ руку и кликнулъ адъютанта въ кабинетъ.

Брязанцевъ отправился на квартиру.

Наступилъ декабрь съ своими холодами, мятелями и цѣлымъ рядомъ празднествъ въ окрестности, гдѣ гусары завели обширный кругъ знакомства и переѣзжали съ бала на балъ, устремляясь иногда и въ сосѣднія губерніи. Въ штабъ разъ въ недѣлю акуратно съѣзжались въ собраніе офицеры и помѣщики. Одинъ магнатъ писалъ къ владѣльцу мѣстечка въ Варшаву, и выпросилъ разрѣшеніе устроить собраніе въ парадныхъ комнатахъ палаца, котораго очень небольшой отдѣлъ занималъ полковникъ Каламатовъ; и балы были блестящіе. Иной разъ они длились по два дня, если смотря по расположенію духа, полковой командиръ приглашалъ общество къ себѣ на танцовальный вечеръ.

Брязанцевъ велъ жизнь довольно уединенную. Когда онъ выздоровѣлъ и явился на службу, то всѣ нашли его ѣзду безукоризненную, лошадей вѣликолѣпными и вообще онъ оказался очень исправнымъ. Между тѣмъ въ средѣ офицеровъ, съ которыми онъ успѣлъ перезнакомиться, Брязанцевъ не нашелъ пріязни, какой можно было ожидать по нѣкоторымъ даннымъ, и даже ни въ комъ не вожбуждалъ симпатіи хотя это, по видимому, не произ-

водило на него впечатлѣнія. Онъ держалъ себя очень прилично ни въ комъ не заискивалъ, никого ни задѣвалъ, но смотрѣлъ на всѣхъ съ холоднымъ равнодушіемъ, какъ бы поселившись временно среди случайныхъ товарищей, съ полною увѣренностью оставить ихъ въ скоромъ времени. На балахъ видали его рѣдко, но если появлялся, то принималъ участье въ танцахъ и танцовалъ превосходно, а дамы вообще находили его интереснымъ, не смотря на то, что онъ не отличался особымъ угодничествомъ. Въ этомъ случаѣ Брязанцеву много придавала интераса стоустая молва, которая дѣлала изъ него какого-то героя, тѣмъ болѣе что никто не зналъ ни его прошлой жизни, ни даже причины почему такой богатый, образованный офицеръ выписанъ изъ гвардіи въ армію тѣмъ же чиномъ. Конечно рука на перевязи очень ясно говорила въ чемъ дѣло, но все-таки съ кѣмъ онъ дрался, за что, и за это ли выписанъ? оставалось покрыто мракомъ неизвѣстности, ибо онъ не сходился коротко ни съ кѣмъ и по обычаямъ полка о подобныхъ вещахъ не разспрашивали. Въ карты онъ игралъ неохотно, но если нужно было поддержать компанію, то проигрышъ свой онъ ограничивалъ сотнею другою, а при выигрышѣ не оттибался и постоянно шелъ выше по одной картѣ, которая первая ему выдергивалась, чаще всего онъ срывалъ банкъ и больше всѣхъ обижалъ Карла Карловича.

Брязанцевъ ни къ кому не ходилъ безъ приглашенія, всѣхъ, которые его посѣщали, принималъ очень вѣжливо, любилъ читать, но преимущественно цѣлые дни проводилъ съ ружьемъ и собакою на охотѣ. Великолѣпная собака егослужила предметомъ зависти всѣхъ охотни ковъ, и дѣйствительно заслуживала этого. Пудель его былъ высшей школы, необыкновенно привязанный къ своему хозяину.

Однимъ словомъ Брязанцевъ сдѣлался предметомъ любопытства какъ въ полку, такъ и въ окрестности. Хотя онъ, какъ мы уже видѣли, не пріобрѣталъ симпатіи между товарищами, однако никто не могъ упрекнуть его ни въ чемъ, а у помѣщиковъ посѣщенія его считались за особенное счастье.

Полковой командиръ былъ имъ очень доволенъ, обращался весьма деликатно; онъ хорошо зналъ, изъ разговоровъ со штабными, отношенія Брязанцова къ товарищамъ, но никогда ни о чемъ его не разспрашивалъ, словно дѣйствительно смотрѣлъ на него какъ на человѣка, случайно попавшаго въ полкъ, который легко могъ уйдти по какимъ нибудь обстоятельствамъ. Полковника удивляло только одно, — что молодой, благовоспитанный человѣкъ, исправный, ловкій офицеръ, съ огромнымъ состояніемъ, не съумѣлъ поставить себя въ полку на такую ногу какъ слѣдовало бы при всѣхъ данныхъ условіяхъ.

Въ первомъ же эскадронѣ служилъ высокій штабсъ-

ротмистръ, по фамиліи Ряполовъ, тотъ самый, который въ день появленія Брязанцова у адъютанта отзывался о немъ съ невыгодной стороны. Личность эта не выдѣлялась ничѣмъ особеннымъ по наружности. Ряполовъ былъ хорошій товарищъ въ общемъ смыслѣ, не отставалъ отъ компаніи, но при каждой малѣйшей ссорѣ двухъ товарищей словно перерождался и всѣми силами старался раздуть эту ссору до тѣхъ размѣровъ, когда разгоряченные противники не въ состояніи были удерживаться въ границахъ. Онъ по видимому горою стоялъ за честь полка и за справедливость, однако обладалъ особенною способностью подбивать обѣ стороны, и не было для него высшаго наслажденія, какъ свести дуэль, уклониться отъ секундантства, а потомъ, смотря по обстоятельствамъ присутствовать на мировой попойкѣ послѣ первой раны, или на похоронахъ. Самъ онъ никогда не былъ на поединкѣ, да и не имѣлъ къ этому ни малѣйшаго желанія. Брязанцевъ не понравился ему сразу, и вотъ съ первой встрѣчи, онъ сталъ къ нему въ то положеніе, въ какое становился относительно каждаго, въ комъ видѣлъ хоть малѣйшее превосходство. Ряполову еще съ юнкерскаго чина хотѣлось играть одну изъ первыхъ ролей въ полку, но не смотря на всѣ старанія, онъ горькимъ опытомъ убѣждался, что надеждамъ его не сбываться. Службу онъ зналъ изрядно, изъ дому получалъ порядочное содержаніе, и съ этой сто-

роны могъ быть совершенно покоенъ, но ни заправлять общественнымъ мнѣніемъ, ни руководить молодежью, ни даже дирижировать танцами не удавалось самолюбивому штабсъ-ротмистру; не смотря на это Ряполову все-таки хотѣлось играть какую нибудь роль и добиться значенія. Весьма несимпатичный, но пронырливый Ряполовъ напрасно старался войдти съ кѣмъ нибудь въ дружбу; товарищи не питали къ нему никакой пріязни и терпѣли потому, что онъ давно служилъ въ полку, былъ исправенъ и никогда не подавалъ повода къ непріятностямъ. Зато Ряполовъ былъ удивительно находчивъ въ минуты, когда два товарища по причинѣ какого нибудь недоразумѣнія или неудовольствія начинали ссориться и хотя еще не выходили изъ границъ приличія, но приближались къ предѣлу, за которымъ слѣдуютъ и обидчивость и оскорбленіе и гдѣ человѣкъ готовъ сказать лишнее слово въ раздражительномъ состояніи. Вотъ тутъ-то Ряполовъ, обыкновенно молчаливый, начиналъ вмѣшиваться въ разговоръ и нѣсколькими ловко направленными словами давалъ такой оборотъ дѣлу, что антагонисты невольно начинали горячиться, переходили къ обоюднымъ колкостямъ и оканчивали назначеніемъ часа и мѣста, чего только и хотѣлось Ряполову. Когда впослѣдствіи другіе болѣе благоразумные офицеры, разобравъ дѣло, находили, что противники, безъ нарушенія правилъ чести,

могли окончить мировою, Ряполовъ искусно поджигалъ вражду и притворно соглашаясь съ убѣжденіями миротворцевъ старался съ своей стороны ревностно выставлять правила чести, намекая на то обстоятельство, что офицеры не мальчишки, и что чистота мундира должна сберегаться въ своей безукоризненности. Онъ такъ горячо, такъ рѣзко вступался за это обстоятельство, что дѣйствительно, особенно въ послѣднее время возымѣлъ нѣкоторое значеніе; даже иной разъ сѣдыерубаки прибѣгали къ нему за совѣтами. Въ подобпыхъ случаяхъ Ряполовъ, какъ говорится, нэ слышалъ земли подъ собою, но его очень часто оспаривали и значеніе его все-таки не устанавливалось. Пилъ Ряполовъ не важно, потому что во время самой пирушки случалось съ нимъ обстоятельство, называвшееся «Фридрихъ-герауcъ,» игралъ въ карты вяло по причинѣ скупости; танцовалъ плохо, но такъ какъ никогда не отказывался ни отъ какихъ предложеній, а постоянно преслѣдуя цѣль добиться вліянія давалъ денегъ взаймы молодежи, то и оставался въ полку, не подчиняясь никакому непріятному давленію.

Этотъ-то человѣкъ и началъ дѣйствовать противъ Брянзанцова, сперва изподтишка съ свойственными ему пріемами, а потомъ и нѣсколько открыто, натравляя на него молодежь, являвшуюся за деньгами. Разумѣется онъ не могъ, да и не имѣлъ основанія отзываться о Брязанцевѣ

съ невыгодной стороны, но онъ искусно умѣлъ выставлять его надменность, его желаніе первенствовать, его «петербургскія замашки», имѣвшія въ устахъ Ряполова весьма эластическое значеніе, хотя въ сущности Брязанцевъ не выказывалъ никакихъ особенныхъ замашекъ. Дѣйствительно на нѣсколькихъ балахъ, гдѣ онъ появлялся, дамы его отличали, а въ то время это былъ могущественный поводъ къ тайному неудовольствію, которое начало глухо отзываться по всѣмъ эскадронамъ.

Брязанцевъ будто не замѣчалъ этого. Всегда ровный въ обращеніи со всѣми, готовый на всякія товарищескія затѣи, онъ не измѣнялъ своего образа жизни, и служилъ какъ исправный офицеръ, оставаясь преимущественно въ мѣстечкѣ; онъ не обнаруживалъ особаго желанія ѣздить по окрестнымъ помѣщикамъ. Брязанцевъ часто обѣдалъ у полковаго командира, охотно составлялъ ему партію въ бостонъ, иногда ѣзжалъ съ нимъ на охоту, но не заискивалъ; а такъ какъ полковникъ Каламатовъ держалъ себя очень осторожно съ офицерами, т. е. старался не показать никому особеннаго расположенія, то между нимъ и Брязанцевымъ не завязывалось никакихъ интимныхъ отношеній.

Въ послѣднее время Каламатовъ очень часто началъ заговаривать, что у него въ полку фехтовальное искуство было въ порядочномъ пренебреженіи, что оно развиваетъ ловкость, необходимо въ военное время, и прибавлялъ

какъ бы шутя, что и кромѣ войны бываетъ порою очень нужно. Онъ разумѣется не хотѣлъ объяснять, хотя каждый зналъ, что въ годъ нѣсколько разъ рубились офицеры на дуэляхъ, и всегда въ подобныхъ случаяхъ оказывалась крайняя неподготовка въ фехтовальномъ искуствѣ. Каламатовъ славился въ молодости, какъ отличный боецъ на эспадронахъ, и всѣмъ было извѣстно, какъ въ турецкую кампанію, будучи настигнутъ двумя наѣздниками, онъ въ теченіе четверти часа успѣшно отбивался отъ дамасскихъ шашекъ своею весьма посредственною саблею. Еще на прежнихъ стоянкахъ онъ затѣвалъ устроить тиръ и фехтовальную залу, но вслѣдствіе чего-то не суждено было сбыться этому предположенію. Офицеры его рубились плохо, больше по казенному и только одинъ поручикъ въ 4 эскадронѣ слылъ искуснымъ бойцемъ, но и тому полковникъ не давалъ, что называется, перевести духъ.

Вотъ однажды въ мѣстечкѣ пронеслась глухая молва, что къ полковнику пріѣхалъ въ гости какой-то французъ изъ Одессы, котораго Каламатовъ пока скрывалъ, и что въ палацѣ въ одной изъ большихъ залъ шли какія-то передѣлки. Самый близкій человѣкъ къ полковому командиру адъютантъ, на вопросы товарищей отговаривался незнаніемъ, но оберъ-факторъ утверждалъ, что француза помѣстили въ палацѣ, и что въ арсеналѣ кипѣла какая-

то работа. Арсеналомъ называлась оружейная зала владѣльца, въ которой хранилось много старинная оружія, развѣшаннаго по стѣнамъ, и стояло нѣсколько древнихъ орудій.

Какъ-то довольно рано утромъ пришелъ вѣстовой отъ полковаго командира за Брязанцевымъ. Послѣдняго это удивило, но онъ поспѣшилъ надѣть форму и отправился.

Каламатовъ встрѣтилъ его, дружески протягивая руку.

— Я васъ попросилъ не по службѣ, поручикъ Брязанцевъ, сказалъ онъ.

— Что прикажете, полковникъ?

— Есть, батюшка, просьба.

— Чѣмъ могу служить?

— Скажите мнѣ, ошибся я, или нѣтъ?

— На счетъ чего?

— Вѣдь не правда ли, вы должны хорошо рубиться на эспадронахъ?

Брязанцевъ улыбнулся.

— Рубился когда то недурно.

— Да я думаю и изъ пистолета стрѣлять мастеръ.

— Стрѣляю порядочно.

— Видите, что я не ошибся. Дѣло вотъ въ чемъ. Но что жъ мы стоимъ! Садитесь, пожалуйста.

Брязанцевъ занялъ указанное мѣсто на диванѣ.

— Дѣло вотъ въ чемъ, продолжалъ Каламатовъ: —

мнѣ давно хотѣлось устроить стрѣльбище и фехтовальную залу, то и другое необходимо лихому кавалеристу. Надобно вамъ сказать, что у меня въ полку эта часть въ забросѣ, такъ что другіе полки далеко насъ перещеголяли. Раза два затѣвались шалости между моими офицерами и — скими гусарами, и всегда мои announceописывались очень неловко. Конечно, не въ этомъ суть, а гусаръ долженъ умѣть хорошо рубиться и стрѣлять изъ пистолета. Списавшись съ владѣльцемъ, я въ тихомолку въ здѣшней оружейной залѣ устроилъ тиръ и фехтовальню, выписавъ кучу эспадроновъ, рапиръ, нѣсколько паръ отличныхъ пистолетовъ, я нанялъ фехтмейстера француза Прюно, съ которымъ познакомлю васъ сегодня. Мнѣ кажется, что французъ будетъ плохимъ учителемъ.

— Вы его пробовали, полковникъ?

— Въ томъ и дѣло, что пробовалъ. Рапира его не дурна, а эспадронъ плоховатъ.

— Кавалеристу вѣдь шпага не пригодна.

— Ну, кто очень хорошо дерется на шпагахъ, тотъ и съ саблею молодецъ. Я думаю, не поддается ли онъ мнѣ нарочно?

— И то можетъ быть.

— Не знаю отчего у меня родилась мысль, что вы должны хорошо рубиться, хотя говоря откровенно ваша лѣвая рука на перевязкѣ...

*

Брязанцевъ посмотрѣлъ въ глаза Каламатову.

— Вы правы, сказалъ онъ:—еслибъ я допустилъ ранить себя въ лѣвую руку...

— Ну да.

— Но только я носилъ ее на перевязкѣ не отъ сабельной раны.

— Конечно, я такъ думалъ. Ну, мы значитъ можемъ отправиться въ залу и прежде ея открытія попробуемъ фехтмейстера и перевѣдаемся съ вами.

— Если позволите.

— Напротивъ буду очень обязанъ. Я смерть люблю рубиться и только прошу васъ забыть, что имѣете дѣло съ полковымъ командиромъ.

— О, я въ этомъ случаѣ безпощаденъ.

— И прекрасно. Эй! подать въ арсеналъ чаю, рому и трубокъ. Не угодно ли за мною?

Черезъ цѣлый рядъ комнатъ Каламатовъ провелъ Брязанцева въ арсеналъ. Это была большая длинная зала со сводами, увѣшанная и установленная разнаго рода стариннымъ оружіемъ. У одной изъ поперечныхъ стѣнъ стояла красивая мишень, по угламъ помѣщались широкіе турецкіе диваны съ подушками, передъ каждымъ изъ которыхъ стояли круглые столы съ ящиками для пистолетовъ и тутъ же рядомъ изящныя пирамидки, уставленныя эспадронами и рапирами съ достаточнымъ количествомъ про-

волочныхъ масокъ и толстыхъ замшевыхъ перчатокъ. Посрединѣ ходилъ худощавый французъ и выдѣлывалъ мулине блестящимъ эспадрономъ.

— Ну, мусью, сказалъ Каламатовъ:—я привелъ вамъ еще одного бойца.

— J'en suis charmé mon colonel.

— Я уже васъ просилъ не говорить со мною по французски.

— Извините, господинъ полковникъ. Очень радъ, заговорилъ Прюно порядочно по русски къ удивленію Брязанцева.—Сегодня надѣюсь рубиться лучше, вчера я чувствовалъ себя несовсѣмъ здоровымъ. На рапирахъ, или на эспадронахъ? обратился онъ къ Брязанцеву?

— Мнѣ все равно.

— А такъ какъ гусару приличнѣе эспадронъ, замѣтилъ Каламатовъ: —то и деритесь на эспадронахъ, а на рапирахъ успѣете послѣ.

Прюно подвелъ Брязанцева къ пирамидѣ и предложилъ выбрать эспадронъ, маску и перчатки.

Осмотрѣвъ нѣсколько эспадроновъ, Брязанцевъ перепробовалъ ихъ и выбралъ.

— Оружіе вообще очень хорошо, полковникъ, сказалъ онъ.

— Я видѣлъ. Вы поручикъ не стѣсняйтесь, если привыкли рубиться безъ сюртука, можете раздѣться.

— Нѣтъ надобности, вѣдь это проба.

Брязанцевъ вышелъ на средину и остановился, упершись въ полъ эспадрономъ.

— Господинъ поручикъ, вы позабыли маску и перчатки, сказалъ французъ, облекаясь въ эти доспѣхи.

— Я не позабылъ, а не взялъ потому, что никогда ихъ не надѣваю.

Французъ немного смѣшался.

— Вѣдь могутъ встрѣтиться разныя случайности, замѣтилъ онъ:—и хотя вы надѣетесь..,

— Мало надѣяться, я увѣренъ въ себѣ, monsieur Прюно.

Фехтмейстеръ посмотрѣлъ искоса сквозь проволочную сѣтку на своего противника и сталъ въ позицію.

Бой продолжался недолго. Прюно очень скоро получилъ ударъ по головѣ, который по словамъ полковника былъ достаточенъ для прекращенія битвы, наконецъ Брязанцевъ выбилъ у него изъ рукъ эспадронъ.

— Вы совсѣмъ слабо фехтуете сегодня, сказалъ ему Брязанцевъ по французски.

— Съ вами невозможно; впрочемъ моя спеціальность рапира.

— Въ такомъ случаѣ нечего было ѣхать въ гусарскій полкъ.

— Господа, я прошу говорить при мнѣ по русски.

— Извините, полковникъ.

— Ну что, нашъ мусью плохъ?

— Первоначальнымъ пріемамъ онъ можетъ учить.

— А вотъ что, Брязанцевъ. Я вижу, что вы большой мастеръ и все-таки рѣшусь сразиться съ вами; но вы пожалуйста проэкзаменуйте мусью Прюно—можетъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ учить хоть первоначальнымъ пріемамъ. Обижаться вамъ нечего, продолжалъ полковникъ, обращаясь къ французу: — я вамъ дамъ прогоны обратно до Одессы и шабашъ.

Прюно долженъ былъ смириться и волею неволею подвергнуться испытанію.

Брязанцевъ предложилъ ему нѣсколько вопросовъ, на которые получилъ довольно удовлетворительные отвѣты и доказательства примѣрами, и поручикъ пришелъ къ справедливому заключенію, что Прюно зналъ хорошо теорію искуства и могъ давать уроки, подобно тому какъ многіе учители музыки, которые очень хорошо учатъ, но сами играютъ посредственно.

Каламатовъ повеселѣлъ.

— Ну, Брязанцевъ, сказалъ онъ:—теперь не угодно ли сразиться со мною, только я не знаю какъ на счетъ маски.

— Совѣтую надѣть, господинъ полковникъ, сказалъ Прюно.

— Да какъ же, если мой противникъ не надѣваетъ. Впрочемъ куда ни шло, буду и я, чортъ возьми, рубиться безъ маски.

Въ это время принесли чаю, рому и трубокъ.

— Милости просимъ, господа. Пуншу, Брязанцевъ.

— Я пуншу не пью, полковникъ.

— А что же?

— Чай или ромъ.

— Ну, такъ пейте что хотите.

Брязанцевъ взялъ стаканъ чаю и закурилъ трубку.

Каламатову однакожъ очень хотѣлось сразиться съ искуснымъ противникомъ, который по видимому владѣлъ эспадрономъ въ совершенствѣ.

Брязанцевъ ставъ въ позицію, рѣшился вести войну чисто оборонительную, но послѣ двухъ, трехъ ударовъ понялъ, что противникъ его, не смотря на пожилые годы и рѣдкія упражненія, былъ далеко искуснѣе фехтмейстера.

— Да что же вы не нападаете? спросилъ полковникъ

— Довольно съ меня что удачно защищаюсь.

— Пожалуста безъ комплиментовъ.

— Браво! крикнулъ Прюно, когда полковникъ, по видимому, неминуемо долженъ былъ задѣть противника по головѣ.

— Но въ это время Брязанцевъ чрезвычайно лов-

кимъ пріемомъ отпарировалъ ударъ и слегка тронулъ правую ногу полковнику.

— Тушъ! сказалъ онъ.

— Тушъ, чортъ возьми! отвѣчалъ Каламатовъ и сильнѣе наступалъ на Брязанцева.—Признаюсь, далъ маху.

Поручикъ отбивался, но видѣлъ, что не легко сладить съ подобнымъ бойцемъ.

— Вы отлично деретесь, полковникъ, сказалъ онъ.— Не прекратить ли?

— Я вѣдь, батенька, не сегодня взялся за эспадронъ, молвилъ Каламатовъ, прекращая на время бой: — и понимаю, что вы только защищаетесь и защищаетесь искусно. Попробуйте перейдти въ наступленіе.

— Какъ угодно.

Бойцы снова стали въ позицію.

Брязанцевъ тотчасъ же попробовалъ мулине и очень ловкимъ пріемомъ хотѣлъ выбить эспадронъ у противника, но послѣдній, понявъ въ чемъ дѣло, удержалъ саблю въ рукѣ и закрылся какъ слѣдовало. Тогда Брязанцевъ, сдѣлавъ фальшивое нападеніе на голову Каламатова, мгновенно повторилъ попытку выбить у него изъ рукъ оружіе, и хотя снова не успѣлъ, но тронулъ по плечу.

— Тушъ!

— Да, тушъ, проговорилъ полковникъ, опуская саб-

лю:—а я не тронулъ васъ ни разу. Нѣтъ, батенька, вы собаку съѣли, съ вами не сладишь.

— Господинъ поручикъ рубится какъ самъ сатана, сказалъ Прюно.

— Признаюсь, замѣтилъ Каламатовъ:—я не поздравляю того, кто съ нимъ свяжется.

При стрѣльбѣ полковникъ одержалъ верхъ, и Брязанцевъ ни разу не попавъ въ самую цѣль изъявилъ, что собственно не любилъ стрѣлять изъ пистолета.

Изъ арсенала полковникъ пригласилъ Брязанцева завтракать, поблагодаривъ за удовольствіе. Штабные еще не являлись, и потому Каламатову пришлось провести около четверти часа наединѣ съ Брязанцевымъ.

— Извините за нескромный вопросъ, сказалъ онъ:— вы за что переведены изъ гвардіи?

Брязанцевъ немного нахмурился.

— За дуэль, полковникъ.

— Стрѣлялись?

— Да.

— И были ранены въ руку?

— Былъ раненъ.

— Вѣроятно по серьезному дѣлу?

— Была оскорблена честь моей сестры.

— И васъ же ранили?

— Да.

— А противникъ?

— Я его убилъ на мѣстѣ.

— На сколько шаговъ?

— Чрезъ платокъ.

— А!

Каламатовъ помолчалъ съ минуту.

— Вѣдь это пахнетъ лямкою.

— Дѣло было вопіющее, всѣ приняли во мнѣ участіе... Я не манкировалъ, я долженъ былъ защитить сестру.

— Справедливо. А прежде случалось?

— Два раза рубился.

— Тутъ и спрашивать нечего что сталось съ противниками!

Брязанцевъ усмѣхнулся.

— Дуэли были легкія:—одинъ остался безъ пальцевъ, другой и теперь хромаетъ съ перерубленымъ колѣномъ.

Въ это время пришли штабные, и сообща было рѣшено открыть арсеналъ въ тотъ же день послѣ обѣда.

Открытіе фехтовальной залы было встрѣчено съ восторгомъ, и въ первый же съѣздъ въ собраніе офицеры цѣлый день не выходили изъ нея, гдѣ впрочемъ имѣли случай убѣдиться какъ были они слабы въ искуствѣ столь необходимомъ для кавалериста, тѣмъ болѣе въ эпоху, когда нерѣдко приходилось перевѣдываться за каждую пустую ссору. Тиръ тоже привлекъ множество охотниковъ

хотя здѣсь замѣчалось больше искусства, ибо въ полку было нѣсколько хорошихъ стрѣлковъ. Брязанцевъ уклонялся вообще отъ состязанія, и на вопросъ объ этомъ полковаго командира отвѣчалъ, что чувствовалъ невольное отвращеніе къ стрѣльбѣ изъ пистолета, а на счетъ фехтованья не хотѣлъ выставлять себя передъ товарищами. Каламатовъ не настаивалъ. Правда, онъ самъ сказалъ многимъ объ искуствѣ Брязанцова рубиться на сабляхъ, но какъ послѣдній ни съ кѣмъ не состязался, а Прюно не считалъ нужнымъ упоминать объ этомъ, то большинство товарищей не знало о его искуствѣ. Ряполовъ не выходилъ изъ залы и жадно присматривался кто какъ рубился и кто какъ стрѣлялъ изъ пистолета; но пріохочивая молодежь къ тому и другому занятію, самъ не пробовалъ ни пистолета, ни эспадрона. Впрочемъ одинъ старый рубака выразился, что все это дребедень, что онъ не учился рубиться по правиламъ искуства, но въ случаѣ серьезнаго дѣла обѣщалъ искрошить своего противника словно капусту.

— У насъ попросту, говорилъ онъ, — какіе тамъ ни выдѣлывай финтифанты, а я какъ дерябну своею августовкою, такъ твоя сабля полетитъ къ чорту, а ты навѣрное потеряешь ухо или распрощаешься съ носомъ.

— Да вѣдь, Петръ Петровичъ, возражали ему:—фехтованье требуетъ искусства.

— А ну его къ чорту! Я не однаго фехтовальщика училъ уму разуму.

— Не угодно ли попробавать!

— Какъ пробовать эти палки! Стану я руки марать. Я говорю, если пришлось бы на самомъ дѣлѣ. Ужели мнѣ прикажете связаться съ мальчишками.

И Петръ Петровичъ, сидя за пуншевымъ стаканомъ, смѣялся надъ бойцами, увѣряя, что гораздо лучше засѣсть въ бостонъ по гривнѣ на двѣнадцать туровъ.

Извѣстный боецъ 4 эскадрона попробовалъ помѣрится съ Прюно, и если не потерпѣлъ неудачи, то не одержалъ и побѣды, но уже обрадовался и этому обстоятельству, которое все-таки высоко поставило его въ мнѣнiи товарищей; по мнѣнiю послѣднихъ равный бой съ учителемъ фехтованья много значилъ.

Каламатовъ присутствовалъ прн состязанiяхъ, кого критиковалъ, кого поправлялъ и былъ въ своей тарелкѣ, какъ потому, что доставилъ удовольствiе себѣ и подчиненнымъ, такъ и потому что обѣды его обѣщали быть болѣе многочисленнными; Каламотовъ, какъ истый русскiй баринъ былъ хлѣбосолъ и не любилъ,когда у него за столомъ присутствовало небольшое общество.

Разумѣется арсеналъ посѣщался сначала весьма исправно, потомъ рвенiе охладѣло и остались одни записные любители, къ числу которыхъ примкнулъ и Ряполовъ,

начавшій брать у Прюно секретно уроки фехтованья, а въ арсеналъ ходилъ присматриваться. Притомъ же во время боя возникали споры, иногда принимавшіе оборотъ довольно серьозный, а это составляло насущную пищу Ряполова, который такъ и выжидалъ малѣйшаго случая возбудить какую нибудь исторію. Ему однакожъ это не удавалось; на новыхъ стоянкахъ все пока обходилось миролюбиво, и хотя раза два между офицерами и вышли было не большія недоразумѣнія, но такъ какъ поджигательство не успѣло вмѣшаться во время, то споры окончились миролюбиво. Ряполовъ ѣздилъ даже въ одинъ эскадронъ, прослышавъ о ссорѣ двухъ офицеровъ, но опоздалъ, ибо еще до его пріѣзда товарищи запили мировую. Ряполовъ попробовалъ было напѣвать одному изъ недавнихъ антагонистовъ о неумѣстности шутокъ при постороннихъ, о томъ что въ старину офицеры дѣйствовали иначе, но проповѣдь его осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и никакой исторіи не послѣдовало.

Близились рождественскіе праздники, имѣвшіе представлять цѣлый рядъ баловъ, начиная отъ маршала, отъ котораго гости должны были переѣзжать къ двумъ, тремъ помѣщикамъ и оканчивая полковымъ командиромъ, приглашавшимъ къ себѣ всѣхъ встрѣчать новый годъ, предварительно распорядившись не только относительно роскошнаго угощенія, но и условившись съ офицерами, чтобъ

послѣдніе уступили свои квартиры пріѣзжимъ помѣщичьимъ семействамъ. Разумѣется всѣ изъявили готовность.

Надобно сказать, что въ описываемомъ округѣ собственно не было сердца, совершенно свободнаго, ибо вся молодежь успѣла уже помѣстить свои чувства, кто удачно, кто неудачно, и что пріѣзжему поклоннику женской красоты не предстояло благопріятнаго случая провести пріятно время. Хотя я и назвалъ молодежь, однако иные и изъ пожилыхъ гусаръ платили дань нѣжному чувству; послѣдніе конечно попадались въ довольно умѣренномъ количествѣ, ибо лихіе попойки и шумныя оргіи болѣе интересовали сѣдыхъ рубакъ, изъ которыхъ даже не одинъ открыто заявлялъ себя ненавистникомъ прекраснаго пола, проповѣдуя, что истому гусару приличнѣе добрый пуншъ, вѣрный конь и крупный штосъ, нежели какая нибудь смазливая рожица, передъ которую чортъ знаетъ для чего наобходимо разсыпаться въ комплиментахъ, приставшихъ гусару какъ коровѣ сѣдло. Врпочемъ и эти индивидуумы, долгою практикою доведшіе свои носы до красно-сизаго цвѣта, весьма рѣдко отказывались отъ баловъ, на томъ основаніи, чтобъ не отставать отъ товарищей, и разъѣзжали по помѣщикамъ, не измѣняя своихъ обычаевъ, т. е. съ утра начинали тянуть пунши, рѣзались въ бостонъ и уходили спать при помощи деньщиковъ или слугъ съ

тѣмъ, чтобъ на другой день начинать вновь любимый образъ жизни. Они подсмѣивались надъ нѣжностями товарищей разумѣется безобидно, отвергая мученія любви, считая ихъ баловствомъ, а платониковъ, говорившихъ о возвышенныхъ чувствахъ, о сродствѣ душъ, о неземныхъ наслажденіяхъ и т. п. называли рехнувшимися людьми, достойными сожалѣнія.

Въ какомъ-то изъ моихъ очерковъ я имѣлъ уже случай упомянуть вскользь о довольно оригинальномъ направленіи, господствовавшемъ довольно долго между молодежью, или о такъ называемой платонической любви, которая впрочемъ открыто проповѣдывалась въ тогдашней литературѣ. Естественное чувство было обставлено какими-то вымышленными условіями и хотя, положа руку на сердце, никто не вѣрилъ въ платонизмъ, однако ни одинъ влюбленный не рѣшился бы заявить, что онъ страдаетъ не тою возвышенною любовью, которая устраняетъ будто бы всѣ земные помыслы и наполняетъ сердце отвлеченными фантазіями. Все это было напускное и во многихъ случаяхъ походило на жизненную правду, разумѣется до поры до времени, ибо не разъ самые ярые платоники въ обществѣ, оказывались при случаѣ безпощадными матеріалистами въ своемъ такъ сказать домашнемъ быту. Старые рубаки не поддавались фантазіямъ, новое поколѣніе не отрѣши-

лось еще отъ поэтическихъ вымысловъ, искуственно проникшихъ въ общество, а потому молодежь и любила драпироваться въ обрывки средневѣковыхъ заблужденій.

Брязанцевъ, прошедшее котораго все еще оставалось тайною для товарищей, не оказывалъ предпочтенія ни одной изъ мѣстныхъ красавицъ, хотя опытные волокиты и подмѣтили, что ему молодыя дамы вообще нравились болѣе дѣвицъ. Впречемъ никто не могъ указать на исключительный предметъ его поклоненія. Попросьбѣ полковника онъ уступилъ свою квартиру на праздникъ семейству графа Долоновскаго.

Рождественскія святки прошли шумно и весело: каждый день танцовали у кого нибудь изъ помѣщиковъ. Даже Брязанцевъ какъ бы увлекся всеобщимъ потокомъ и присутствовалъ на всѣхъ балахъ у сосѣдей. Здѣсь онъ имѣлъ случай убѣдиться, что нѣкоторые офицеры питали къ нему непріязненныя чувства, въ особенности молодежь, смотрѣвшая съ неудовольствіемъ и почти съ завистью на его успѣхъ у дамъ, замѣтно отличавшихъ его отъ прочихъ кавалеровъ. Брязанцевъ, впрочемъ, не ухаживалъ ни за кѣмъ предпочтительно; онъ былъ любезенъ со всѣми, и если на одномъ вечерѣ увлекался, по видимому, одною, то на слѣдующій видѣли его уже подъ вліяніемъ другой красавицы. И русскія и польки танцовали съ нимъ весьма

охотно, а будучи человѣкомъ вполнѣ свѣтскимъ, отлично владѣя французскимъ языкомъ, зная въ совершенствѣ приличія, онъ безъ труда пріобрѣль въ помѣщичьемъ кругу немаловажное значеніе. Съ другой стороны въ немъ не замѣтно было желанія пользоваться своими преимуществами въ ущербъ заинтересованныхъ товарищей, потому что эти преимущества, по видимому, не имѣли для него серьезнаго обаянія, и ему не хотѣлось безъ всякой цѣли наживать враговъ въ средѣ людей, съ которыми судьба связала его такимъ тѣснымъ образомъ. Къ сожалѣнію, товарищи не замѣчали истиннаго характера его поведенія, довольно того, что онъ былъ молодъ, хорошъ собою, образованъ и ловокъ, чтобъ раздражить рядовую молодежь, не отличавшуюся особыми достоинствами, въ большинствѣ не получавшую образованія, единственная цѣль которой заключалась въ удачномъ волокитствѣ за избранными дамами сердца. Иные изъ молодыхъ офицеровъ, весьма впрочемъ немногіе, не видѣли въ немъ ничего враждебнаго, но и тѣ подъ вліяніемъ двухъ, трехъ личностей, въ числѣ которыхъ разумѣется былъ Ряполовъ, раздѣляли мнѣніе большинства, что Брязанцевъ будто бы стремился затмить всѣхъ своею свѣткостью, образованіемъ и петербургскими замашками. Послѣднее слово, не имѣющее по видимому никакого смысла, въ то время въ провинціи пользовалось большимъ значеніемъ и хотя ни-

кто не могъ бы сдѣлать положительнаго опредѣленія петербургскихъ замашекъ, однако армейскіе офицеры отлично понимали это, разумѣется позволяя себѣ самое широкое толкованіе. Это было тайное глухое недовольство тогдашняго армейца къ гвардейцу не за преимущества по службѣ, не собственно потому, что пріѣзжій гвардеецъ игралъ въ провинціи всегда первую роль между армейцами, но такъ какъ многіе изъ первыхъ довольно свысока относились ко многимъ изъ послѣднихъ, то и выходили иной разъ исторіи, преимущественно у кавалеристовъ. Вотъ почему даже офицеръ, перешедшій изъ гвардіи въ армію, не пользовался сначала тѣмъ расположеніемъ, на какое въ правѣ расчитывать каждый новый добрый товарищъ, и если онъ невольно выказывалъ въ чемъ нибудь дѣйствительное преимущество, то въ этомъ видѣли непремѣнно желаніе затмить другихъ и подивить своими достоинствами. Въ этомъ заключался неопредѣленный смыслъ и петербургскихъ замашекъ, которыми измѣрялись каждое слово, каждое дѣйствіе Брязанцева, хотя послѣдній велъ себя чрезвычайно просто, даже старался сдерживать себя тамъ, гдѣ явно сознавалъ свое превосходство.

На балѣ у помѣщика Тлумачевскаго, Брязанцевъ нѣсколько разъ танцовалъ съ миловидною дѣвицею Молочанскою, которая шибко нравилась корнету Савловичу и,

какъ замѣчали товарищи, сама была неравнодушна къ послѣднему. Молодая эта парочка находилась однако еще въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя, доставляя лучшія минуты влюбленнымъ, т. е. когда и онъ и она чувствуя другъ къ другу взаимное влеченіе, еще не высказались словами,—бываютъ иной разъ весьма шаткими и ведутъ порою къ полному разрыву недосказаннаго чувства. Въ этомъ состояніи полуувѣренности и вмѣстѣ полусомнѣнія, не смотря, что первая постоянно одерживаетъ верхъ, необыкновенно чутко чувство ревности, чрезвычайно раздражительно самолюбіе, и малѣйшее невниманіе съ той или другой стороны возбуждаетъ жгучую боль въ сердцѣ. Я это говорю о пылкой молодости, имѣя въ виду давно отжившее поколѣніе, напоминая читателю и объ этомъ настроеніи, которое господствовало въ отдаленную эпоху волокитства и рыцарской любви, когда изъ общей массы выдѣлилось весьма немного личностей, смотрѣвшихъ на вещи иными глазами. Тогда еще былъ живъ мистицизмъ и въ другихъ отправленіяхъ жизни, тогда еще существовали масонскія ложи, о которыхъ конечно многіе не имѣли настоящаго понятія, но посредственное вліяніе которыхъ все-таки отражалось въ обществѣ. Каждый молодой человѣкъ, за исключеніемъ рѣдкихъ личностей, преслѣдовавшихъ какія нибудь другія цѣли, считалъ какъ бы обязанностью обзавестись дамою сердца, по которой и

страдалъ завѣдомо всѣхъ и каждаго. Случилось, что въ обществѣ молодыхъ людей по цѣлымъ часамъ длились споры о томъ—которая сильнѣе любовь первая или послѣдующія, платоническая, возвышенная или безнадежная и т. д. Понятно, что на женщину смотрѣли тогда нѣсколько съ рыцарской точки зрѣнія, но только на женщину дворянку и то при условіяхъ влюбленности, а женщины прочихъ сословій считались существами, созданными для потѣхи людей благороднаго званія. Вотъ почему каждое столкновеніе на поприщѣ любви, даже на поприщѣ простаго волокитства приводило иной разъ къ весьма печальнымъ результатамъ, особенно въ военномъ быту, гдѣ молодежь не знала куда дѣвать свое свободное время. Библіотекъ тогда не существовало, да и русская литература пробавлялась преимущественно переводами. Впрочемъ и охотниковъ до чтенія въ полкахъ встрѣчалось чрезвычайно мало, хотя такъ называемые «любовные стишки» и циническія стихотворенія были въ большомъ ходу, и первые, тщательно переписаные, дарились не однимъ лихимъ гусаромъ предмету своей страсти. Баллады Жуковскаго, стихотворенія Пушкина и Козлова можно было встрѣтить въ любомъ помѣщичьемъ домѣ, но только въ рукописныхъ тетрадкахъ, а печатные экземпляры составляли чрезвычайную рѣдкость и попадались развѣ у истинныхъ любителей.

Въ описанный вечеръ между влюбленными произошла какая-то разладица, или лучше сказать то легкое недоразумѣніе, которое въ силу основательныхъ или неосновательныхъ поводовъ служитъ причиною обоюдныхъ страданій. Дѣвушкѣ показалось, что Савловичъ смотрѣлъ недостаточно нѣжно на нее, корнету—что Молочанская какъ-то благосклонно относится къ Брязанцеву. Дѣвушка не отличалась умственными способностями, даже была простовата, но очень хорошенькая собою и конечно могла нравиться, но стоило поговорить съ нею полчаса, чтобъ разочароваться, если обожатель сколько нибудь цѣнилъ внутреннее содержаніе, не увлекаясь одною наружностью. Но Савловичъ былъ равенъ Молочанской какъ по умственнымъ способностямъ, такъ и по развитію, и потому онъ считалъ ее очаровательною, и слегка началъ ревновать ее къ Брязанцеву, который безъ всякаго умысла протанцовалъ съ нею лишный разъ. Что Брязанцевъ могъ понравиться дѣвушкѣ, въ этомъ не было ничего удивительнаго, но со стороны Молочанской тутъ не имѣлось даже и малѣйшаго увлеченія, которая танцовала съ нимъ какъ и съ прочими, а всѣ ея помыслы обращались къ Савловичу, красивое лице котораго, одѣтое оттѣнкомъ грусти, казалось еще привлекательнѣе. Напротивъ каждое приближеніе его къ какой нибудь хорошенькой дѣвушкѣ наполняло ея сердце безпокойствомъ и порою навѣвало

на душу сомнѣніе, которому вѣрить такъ было для нея отрадно.

Перепетіи эти оставались незамѣтными для остальнаго общества, единицы котораго занимались своими личными интересами, и можетъ быть все прошло бы и окончилось безъ послѣдствій, еслибъ предоставить все обычному порядку вещей безъ посторонняго вмѣшательства. Но на описываемомъ вечерѣ присутствовалъ Ряполовъ, ожидавшій какъ коршунъ добычи. Офицеръ этотъ, неутомимо преслѣдуя свою цѣль, сдѣлался отъ долговременной практики чрезвычайно наблюдательнымъ, и набдюдательность его дошла до такой степени развитія, что онъ могъ, хотя это собственно и не служило ему ни къ чему, опредѣлить отношенія влюбленныхъ. Неловкій и некрасивый, онъ обыкновенно ухаживалъ неудачно; съ этой стороны ему уже не представлялось возможности одержать верхъ надъ кѣмъ бы то ни было изъ товарищей. Но онъ по складу своего характера старался, при возможности, испортить отношенія между влюбленною парою въ томъ вниманіи,—не возникнетъ-ли какая нибудь крупная ссора у товарищей. Иногда удавалась ему эта стратегія. Подмѣтивъ еще на первомъ балѣ ухаживаніе Савловича и потомъ убѣдясь, что ухаживаніе это не было безплодно, Ряполовъ съ напряженнымъ вниманіемъ началъ слѣдить на кого еще Молочанская произвела замѣтное впечатлѣ-

ніе. Былъ одинъ конкуррентъ изъ статскихъ, но того гусары, какъ говорится, оттерли, тѣмъ болѣе, что сама дѣвушка очевидно склонялась на сторону молодаго офицера. Красивый, стройный юноша, почти безъ образованія, но ловкій танцоръ, лихой наѣздникъ и добрый товарищъ— Савловичъ соединялъ въ себѣ всѣ качества, необходимыя для того, чтобъ со временемъ выработать типъ лихаго рубаки, который не отставалъ бы ни отъ какой затѣи. Ряполовъ зналъ всѣ его слабыя стороны. Какъ только Брязанцевъ познакомился съ Молочанскою, Ряполовъ тотчасъ же «взялъ глаза въ зубы», по его выраженію, рѣшась воспользоваться малѣйшимъ обстоятельствомъ возстановить противъ него корнета. Онъ не говорилъ ничего непосредственно послѣднему, но при немъ замѣтилъ кому-то, что «петербургскіе выскочки» имѣютъ обыкновеніе кружить безъ цѣли головы молодымъ дѣвушкамъ и— что еще хуже—хвастаютъ своими побѣдами. Для молодаго и влюбленнаго человѣка было достаточно этой фразы. Савловичъ, и безъ того не жаловавшій Брязанцева, возненавидѣлъ его, и хотя страсть къ Молочанской усилилась отъ появленія мнимаго соперника, однако имъ начала овладѣвать легкая неувѣренность во взаимности дѣвушки.

Въ антрактахъ между танцами онъ подходилъ къ ней, но разговоръ у нихъ не завязывался, ограничиваясь ла-

коническими фразами и не завязывался, собственно потому, что въ теченіе нѣсколькихъ дней они уже наговорились обиняками достаточно и что имъ слѣдовало перейдти къ прямому объясненію.

Онъ попросилъ было на память цвѣтокъ, приколотый на груди, но ему сказали, что подобный подарокъ нужно заслужить, да и сказано это было тономъ, который какъ-то не понравился влюбленному юношѣ.

Одну изъ послѣднихъ мазурокъ Брязанцевъ танцовалъ съ Молочанскою; какъ умный и образованный человѣкъ онъ видѣлъ нравственную пустоту своей дамы, но проведя столько лѣтъ въ бальной сферѣ умѣлъ занимать ее свѣтскою болтовнею и заставлялъ смѣяться. Молочанская смѣялась однакожъ неискренно; она была не въ духѣ и украдкою посматривала на Савловича, который въ порывѣ ревности, танцовалъ съ выбиравшими его дамами, стараясь принимать самый беззаботный видъ на зло «измѣнницѣ.» Брязанцевъ видѣлъ это, и чтобъ болѣе занять свою даму, сталъ ей высказывать замѣчанія относительно настоящаго ея чувства, разумѣется безъ всякихъ неумѣстныхъ шутокъ, и спокойно и даже одобряя ея вкусъ, описывая корнета прекраснымъ молодымъ человѣкомъ. Дѣвушка разумѣется отнѣкивалась, хотя въ каждой фразѣ ея сквозила привязанность, и твердила, что нынѣшняя молодежь непостоянна, что ни на кого нельзя положить-

ся, что каждый готовъ увлечь безъ цѣли неопытную молодость и т. п. Какъ глубокій знатокъ въ волокитствахъ всякаго рода, Брязанцевъ понялъ въ чемъ дѣло, и не имѣя никакихъ видовъ на Молочанскую, началъ ее убѣждать, что разомъ измѣнившіяся отношенія между нею и корнетомъ, и измѣнившіяся по его мнѣнію безъ причины скорѣе поведутъ къ чему нибудь пріятному. Молочанская посмотрѣла на него пристально. Ей казалось что Брязанцевъ заинтересованъ ею, и она по врожденному кокетству собиралась пококетничать съ нимъ немного, на зло коварному измѣннику, а тутъ пришлось выслушать чуть не проповѣдь. Лишнимъ будетъ говорить, что ей очень пріятно было убѣдиться въ искренности чувствъ корнета, что подтверждалъ и человѣкъ, совершенно имъ посторонній, однако все же она не могла совсѣмъ простить такого убійственнаго равнодушія къ ея прелестямъ отъ одного изъ первыхъ кавалеровъ, и Молочанская начала какъ бы обижаться замѣчаніями Брязанцева.

Между тѣмъ закончилась мазурка. Поблагодаривъ свою даму, которая поспѣшила уйдти въ другую комнату, Брязанцевъ оставался еще нѣсколько минутъ у своего мѣста, и взоръ его нечаянно упалъ на стулъ, на которомъ лежалъ хорошенькій цвѣтокъ. Онъ машинально взялъ его и припомнилъ, что точно такой видѣлъ на груди у Мо-

лочанской. Не было сомнѣнія, что она позабыла его; оставалось возвратить находку по принадлежности.

Савловичъ былъ въ раздраженномъ состояніи. Ряповъ, понимая въ чемъ дѣло, старался держаться поближе къ нему и воспользоваться для своихъ цѣлей какимъ нибудь благопріятнымъ обстоятельствомъ. Цвѣтокъ въ рукахъ Брязанцева не ускользнулъ отъ его вниманія.

— А петербургскія манеры значитъ получше нашихъ, замѣтилъ онъ корнету.

— То есть какъ?

— Да такъ, что Брязанцевъ, кажется сегодня познакомился съ Молочанскою, потанцовалъ немного и уже получилъ трофею.

— Какую?

— Смотри самъ: прохаживается съ цвѣткомъ... Ха, ха, ха!

Савловичъ вспыхнулъ. Дѣйствительно онъ увидѣлъ цвѣтокъ и цвѣтокъ хорошо ему знакомый въ рукахъ у Брязанцева.

— Это чортъ знаетъ что такое! воскрикнулъ онъ:— какой нибудь петербургскій шаркунъ будетъ перебивать намъ дорогу.

— Да будто же онъ считаетъ насъ за людей? посмотри какъ все у него свысока.

— Ну это атанде-съ. Признаюсь онъ цѣлый вечеръ

бѣситъ меня. Весь полкъ знаетъ, что я ухаживаю за Молочанскою, что она отвѣчала мнѣ, и добрые товарищи помогали даже... Позвольте, господинъ франтъ, мы тоже не лѣвою ногою сморкаемся.

И корнетъ направился къ Брязанцеву. Ряполовъ послѣдовалъ за нимъ на почтительномъ разстояніи.

Савловичу попался на встрѣчу пріятель.

— Ты видѣлъ какія Брязанцевъ откалываетъ штуки со мною?

— Нѣтъ. А что?

— Развѣ ты не видишь, что онъ хочетъ отбить у меня Молочанскую?

— Ахъ, да въ самомъ дѣлѣ, онъ что-то увивается за нею.

— И по видимому не безъ успѣха, проговорилъ корнетъ, хотя и съ жаромъ, но съ очевидною грустью.

— Э, любезный другъ, можетъ быть это тебѣ только показалось. Вѣдь я же самъ знаю, что она тебѣ шибко отвѣчала.

Корнетъ снова певеселѣлъ.

— Я и не сомнѣвался въ этомъ. Послушай, Ливскій, я готовъ былъ объясниться съ нею... но тутъ подвернулся Брязанцевъ, она протанцовала съ нимъ мазурку и...

— Что-жъ изъ этого слѣдуетъ!

— А то, что я просилъ у нея цвѣтокъ на память,

мнѣ она отказала, теперь же этотъ самый цвѣтокъ въ рукахъ у Брязанцева.

— Странно! Впрочемъ знаешь, душа моя, на это еще не слѣдуетъ смотрѣть серьезно. Я столько разъ влюблялся, едва ли не на каждомъ переходѣ, и часто чрезъ свою глупую подозрительность терялъ великолѣпныя интрижки. По моему тебѣ слѣдовало бы переговорить съ нею.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Я тебѣ говорю.

— А если попаду въ просакъ?

— Не попадешь.

— Но вѣдь надобно же проучить наглеца.

— Это другое дѣло. Только опять тебѣ скажу, что не должно вмѣшивать дѣвушки въ исторію. Проучить можно и безъ этого.

— Понимаешь, я ревную, какъ же ты хочешь, чтобъ я не утеръ ему носа.

— Понятно. А все послушайся моего совѣта. Впрочемъ я заболтался съ тобою, а того и гляди, что проклятый Сокольцевъ отобьетъ у меня Терезу.

Ливскій удалился, Ряполовъ какъ бы нечаянно подошелъ къ Савловичу.

— А Брязанцевъ что-то задумчивъ, должно быть влюбленъ, сказалъ онъ.

— А вотъ я выведу его изъ задумчивости, отвѣчалъ корнетъ, воспылавъ прежнимъ гнѣвомъ и забывая совѣты пріятеля.

— Это не мое дѣло, а я долженъ сказать откровенно, что нашъ петербургскій франтъ зазнался.

— Можетъ зазнаться противъ кого угодно, только не противъ меня. Ты помнишъ какъ на прежнихъ стоянкахъ я проучилъ фертика инженера, который вздумалъ отбивать у меня мою хорошенькую нѣмочку.

— Помню.

— Я вѣдь могу повторить.

Ряполовъ кивнулъ головою.

Брязанцевъ разсѣяно смотрѣлъ на молодежь, увивавшуюся за дамами. Оркестръ подстраивалъ инструменты, готовясь къ кадрили, за которою слѣдовалъ еще котильонъ, вѣнецъ всѣхъ тогдашнихъ баловъ.

Когда Савловичъ подходилъ къ Брязанцеву, послѣдній обратился къ нему и хотѣлъ что то сказать.

— Вы слишкомъ гордитесь своими побѣдами, замѣтилъ ему корнетъ:—вамъ слѣдовало бы скрывать до времени свои трофеи.

Ряполовъ скользнулъ на два шага ближе и насторожилъ уши.

— Я васъ не понимаю, Савловичъ.

— А я васъ очень хорошо понимаю, господинъ Брязанцевъ, и нахожу, что вы слишкомъ надѣетесь на себя.

Брязанцевъ посмотрѣлъ вопросительно.

— Позвольте васъ спросить, продолжалъ корнетъ:— гдѣ вы взяли этотъ цвѣтокъ?

— Позвольте же и мнѣ въ свою очередь спросить у васъ—какое имѣете вы право предлагать мнѣ подобные вопросы.

— Имѣю право.

— Какое?

— Такое.

— Это не отвѣтъ.

Къ Савловичу подошли два офицера.

— Этотъ цвѣтокъ принадлежитъ Молочанской.

— Можетъ быть. Что-жъ изъ этого слѣдуетъ?

— А то, что я желаю знать—какъ онъ достался вамъ!

Брязанцевъ вспыхнулъ въ свою очередь.

— Желалъ бы я знать, сказалъ онъ: — вамъ Молочанская сестра или невѣста?

— Не ваше дѣло, милостивый государь, вы очень любопытны.

— Позвольте вамъ замѣтить, что такъ не говорятъ съ офицеромъ.

— Говорятъ, сударь, именно съ такимъ какъ вы офицеромъ.

— Такіе, сударь, какъ я офицеры, привыкли разговаривать другимъ образомъ.

— Господа, тише! сказалъ подбѣгая Ряполовъ:—пожалуйста не шумите въ залѣ. У насъ, господинъ Брязанцевъ, принято—всѣ неудовольствія кончать послѣ бала. Ты, Савловичъ, долженъ знать это.

— Справедливо, замѣтилъ одинъ изъ двухъ подошедшихъ офицеровъ.—Кончите вашъ споръ на ночлегѣ.

— Хотя вы, говорятъ, отлично рубитесь на сабляхъ, господинъ Брязанцевъ, сказалъ Савловичъ:—но я слышалъ, что вы плохо стрѣляете.

— Хорошо или дурно я стрѣляю, это мое дѣло, а могу сказать, что готовъ къ вашимъ услугамъ на чемъ и когда угодно.

— Господа, вмѣшался Ряполовъ: — съ этой минуты до прихода на ночлегъ вы не должны болѣе разговаривать между собою, а еслибъ встрѣтилась такая надобность, то должны быть вѣжливы другъ съ другомъ, ибо по законамъ полка обоимъ не простится ни малѣйшая дерзость.

— Я полагаю, что намъ теперь говорить не о чемъ, сказалъ Брязанцевъ, а нужно заняться отысканіемъ секундантовъ.

— Это не трудно, молвилъ съ улыбкою подошедшій офицеръ.

— И такъ до свиданья, господинъ Савловичъ.

— До свиданья-съ.

Противники разошлись, а вѣсть о ихъ размолвкѣ даже не распространилась, потому что подобныя вещи случались на каждомъ почти балѣ, хотя во всю зиму не было серьезной дуэли.

Котильонъ былъ въ половинѣ. Танецъ этотъ представлялъ широкую свободу влюбленнымъ—а кто тогда не былъ влюбленъ—предаваться своимъ упоительнымъ бесѣдамъ въ тихомолку подъ говоръ сосѣднихъ паръ и подъ громъ музыки. Заинтересованныя пары разумѣется предварительно выбирали себѣ уютное мѣстечко, преимущественно такъ, чтобы въ случаѣ надобности можно было ускользнуть отъ непосредственнаго контроля маменекъ и тятенекъ, а подъ часъ и ревнивыхъ супруговъ. Молодые люди и дѣвицы въ этомъ случаѣ весьма усердно помогали кому это требовалось, и дѣла любви, тогда всепоглощающія, шли какъ по маслу.

Савловичъ танцовалъ съ Молочанскою. Послѣ извѣстнаго происшествія можетъ быть онъ и отказался бы отъ этого, еслибъ не пригласилъ ее еще съ начала вечера. Мы уже упомянули, что между этою парою произошло нѣчто въ родѣ нѣмой размолвки, когда Молочанская танцовала съ Брязанцовымъ, а Савловичъ на зло ей ухаживалъ за всѣми хорошенькими. Со стороны Молочанской не было никакого умысла, да и корнетъ дѣйствовалъ безъ

всякаго особаго расположенія, а собственно вслѣдствіе ревниваго характера. Мы однакожъ видѣли къ чему привело подобное настроеніе. До Молочанской уже дошло отчасти извѣстіе о ссорѣ Савловича съ Брязанцовымъ и она догадалась о причинѣ этой ссоры, что хоть и огорчило ее, однако тѣмъ не менѣе подтвердило ея увѣренность въ чувствахъ возлюбленнаго. Корнетъ напомнилъ ей о котильонѣ холодною отрывистою фразою и усѣлся какъ человѣкъ рѣшившійся не начинать первый щекотливаго разговора. Молочанская тоже въ свою очередь ожидала чего нибудь любопытнаго со стороны своего кавалера. Савловичъ сперва молчалъ и по лицу его даже пробѣгала язвительная улыбка; онъ все искалъ глазами Брязанцева, котораго однакожъ не было въ кругу котильона. Молочанская была очень хорошенькая и красиво сложенная дѣвушка. Нѣсколько полная талія ея, хотя и сильно сдавленная по тогдашней модѣ корсетомъ, роскошныя плечи и бѣлыя полуобнаженныя руки какъ-то особенно обаятельно начали дѣйствовать въ близкомъ разстояніи на молодаго человѣка, который мало по малу забывалъ свои недавнія мученія ревности и съ каждымъ прикосновеніемъ даже къ воздушному платью своей дамы ощущалъ какъ бы электрическія искры въ оконечностяхъ. Они почти не говорили и видимо оба считали неловкимъ начать разговоръ,—она изъ боязни вызвать прямое объ-

ясненіе, котораго впрочемъ жаждала всею душею, онъ, —имѣя въ виду цвѣтокъ, видѣнный имъ въ рукахъ у Брязанцева. Нельзя однако же было сидѣть молча, да и могло показаться страннымъ, что парочка, искавшая до сихъ поръ уединенія и весело болтавшая безъ умолку, вела себя какъ ведутъ незнакомыя дѣти.

— Что съ вами, Савловичъ? рѣшилась наконецъ спросить Молочанская, побѣдивъ робость.

— Со мною? кажется ничего.

— Говорятъ, вы поссорились, сказала она съ участьемъ и тѣмъ тономъ, который не только не оскорблялъ корнета, но въ которомъ звучало искреннее доброжелательство.

— А! вамъ уже извѣстно...

— Мнѣ разсказывали, но признаться я не поняла хорошенько.

Савловичъ устремилъ на нее испытующій взоръ.

— А гдѣ вашъ цвѣтокъ, въ которомъ вы мнѣ отказали? спросилъ онъ, придвигаясь къ своей дамѣ.

Молочанская взглянула себѣ на грудь и выразила удивленіе.

— Гдѣ онъ въ самомъ дѣлѣ? Вѣроятно я уронила гдѣ нибудь.

Слова эти были произнесены совершенно искренно.

— А хотите я вамъ скажу.

*

— Пожалуста.

— Будто бы вы не знаете?

— Увѣряю васъ.

— Онъ въ рукахъ у Брязанцева, который носится съ нимъ по всѣмъ комнатамъ.

— Какъ?

И Молочанская внезапно покраснѣла.

Въ это время какая-то дама выбрала Савловича на фигуру, а когда онъ возвратился къ своему мѣсту, возлѣ Молочанской стоялъ Брязанцевъ. Савловичъ отшатнулся было и хотѣлъ удалиться, но остался невольно.

— Я все искалъ васъ, мадемоазель Молочанская, чтобъ возвратить одну вещь которую вы потеряли, сказалъ Брязанцевъ, подавая цвѣтокъ.

— Ахъ! очень вамъ благодарна, отвѣчала покраснѣвъ Молочанская:—а я не знала куда онъ дѣвался. Благодарю васъ.

— Вы оставили его на стулѣ, и я изъ боязни, чтобъ кто нибудь не измялъ, рѣшился взять, конечно съ цѣлью возвратить по принадлежности, прибавилъ Брязанцевъ, улыбаясь.

Молочанская молчала, Савловичъ смотрѣлъ въ противоположную сторону и Брязанцевъ хотѣлъ уже удалиться, какъ подошла одна дѣвица и взяла его на фигуру.

— Вотъ и вся исторія съ цвѣткомъ, сказала Молочанская.

— А я признаюсь думалъ... сказалъ Савловичъ и замялся.

Лицо его приняло оттѣнокъ грусти и какого-то сожалѣнія.

— Что вы подумали?

Корнетъ молчалъ.

— Вы подумали, что я подарила Брязанцеву цвѣтокъ въ которомъ отказала вамъ?

Савловичъ потупилъ глаза.

— И вамъ не стыдно? Послѣ этого я съ вами говорить не хочу.

Въ этотъ моментъ передъ Савловичемъ словно изъ земли выросъ Ряполовъ и отозвалъ его.

— А Брязанцевъ тебя, по видимому, бравируетъ сказалъ онъ тихо корнету.

— Не думаю. И знаешь ли, мнѣ кажется, я погорячился.

— Ты совсѣмъ не погорячился, а поступилъ какъ слѣдуетъ благородному офицеру.

— Недоразумѣніе.

— Какое тутъ недоразумѣніе! Онъ просилъ уже ротмистра Стоярова въ секунданты.

— Какъ же быть?

— Разумѣется надо стрѣляться. Впрочемъ, есть еще другой выходъ.

— Какой? спросилъ Савловичъ, видимо обрадовавшись.

— Попросить у Брязанцева извиненія, сказалъ язвительно Ряполовъ.

— Ну, это вздоръ!

— Тогда нечего и толковать, потому что ротмистръ Стояровъ распорядился уже послать въ штабъ за фельдшеромъ.

Ряполовъ удалился тихонько какъ и пришелъ, а Савловичъ даже потерялъ нить разговора съ Молочанскою, не смотря на то, что они остановились на самомъ интересномъ мѣстѣ. Дѣвушка не слышала о чемъ бесѣдовали товарищи, но догадывалась, что должно быть о тѣхъ недоразумѣніяхъ между Савловичемъ и Брязанцевымъ, о которыхъ ей говорили. Размолвки у офицеровъ особенно у молодежи на балахъ, случались довольно часто и Молочанская въ другое время не обратила бы на это вниманія; но на этотъ разъ ее волновало какое-то недоброе предчувствіе. Она хотѣла было выдержать характеръ и дождаться признанія своего кавалера, однако не выдержала и обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Что съ вами дѣлается, Савловичъ?

— Самъ не знаю. Что-то грустно.

— Зачѣмъ же вы танцуете?

— А вы хотите, чтобъ я пересталъ.

— Я нисколько этого не желаю, но если вамъ неугодно...

— Людвика! вы меня не понимаете.

Молочанская потупила глаза.

— Можетъ быть и понимаю, сказала она смущеннымъ голосомъ.

— О, нѣтъ, въ такомъ случаѣ вы не мучили бы меня.

— Чѣмъ же я васъ мучу, Савловичъ?

Къ Молочанской подсѣлъ ея дядя, который, проигравшись въ карты, вошелъ въ залу развлечься увеселеніями молодежи. Признаніе въ любви готово была слетѣть съ устъ корнета, но съ исчезновеніемъ благопріятной минуты онъ только почувствовалъ глухую боль въ сердцѣ. Когда вслѣдъ за этимъ ему пришлось начинать фигуру, и обнявъ роскошный станъ дѣвушки, онъ очутился съ нею среди залы въ вихрѣ вальса, отъ Молочанской повѣяло на него словно зноемъ, тѣло ея какъ бы дрожало, и она какъ-то необыкновенно легла ему на руку.

— Людвика!

— Ростиславъ! прошептала едва слышно дѣвушка.

Корнетъ пожалъ ей руку, ему отвѣчали легкимъ пожатіемъ.

— Савловичъ! Что же ты не начинаешь фигуры? будетъ тебѣ вальсировать! раздались громкіе голоса.

Влюбленная пара опомнилась, но забыла какую слѣдовало дѣлать фигуру.

Молодежь засмѣялась, понимая въ чемъ дѣло, но фигура какъ-то устроилась, а когда наша пара возвратилась на свое мѣсто, проигравшійся дядя довольно комфортабельно сидѣлъ возлѣ стула племянницы.

Савловичъ и Молочанская полувысказались, имъ необходимо было нѣсколько минутъ свободы, чтобъ излить другъ передъ другомъ чувства; но обстоятельство такъ сложилось что это не удалось имъ въ тотъ вечеръ.

Изъ гостинной въ залу вошла хозяйка подъ руку съ сѣдымъ отставнымъ генераломъ и пригласила танцующихъ оканчивать котильонъ, въ томъ вниманіи, что супъ могъ простынуть и что пора отдыхать, такъ какъ въ виду имѣлись еще два бала сряду и кромѣ того предстоялъ значительный переѣздъ. Танцующія пары встали и кавалеры, поблагодаривъ своихъ дамъ, готовились идти подъ руку съ ними къ ужину.

Въ это время полковникъ Каламатовъ быстрыми шагами подошелъ къ хозяйкѣ дома.

— Какъ! сказалъ онъ: — вы мнѣ измѣнили?

— Что дѣлать, полковникъ, отвѣчала съ улыбкою старушка: — я не имѣю духу отказать генералу.

— По праву старшинства, замѣтилъ послѣдній.

— А! по праву старшинства. Хорошо же! Съ досады

я по праву старшинства отобью на ужинъ даму у какого нибудь изъ моихъ офицеровъ, сказалъ полковникъ осматриваясь.

Какъ нарочно къ нему подходилъ Савловичъ.

— Вотъ кстати, замѣтилъ Каламатовъ.—Вы, Савловичъ, натанцовались уже съ своею дамою и натанцуетесь еще завтра, а мнѣ позвольте отбить ее у васъ на время ужина. Надѣюсь mademoiselle Молочанская, что вы не откажетесь поболтать со мною за ужиномъ.

И Савловичу и Молочанской дѣлать было нечего. Волею-неволею влюбленная пара разсталась, и Каламатовъ нѣкогда лихой волокита, покручивая усы, началъ отпускать своей дамѣ любезности.

— Тебѣ надо выбрать секунданта, шепнулъ Савловичу Ряполовъ.

— А?

— Тебѣ надо выбрать секунданта.

— Не лучше ли это сдѣлать въ штабѣ.

— Помилуй, братецъ, что ты! Оскорбленія смываются кровью на мѣстѣ. Посмотри Брязанцевъ хоть и петербургскій франтъ, а уже выбралъ.

— Я попрошу Ливскаго, если необходимо.

— Чтожъ, Ливскій опытный малый. Помни, что пистолеты съ принадлежностями есть у меня и они къ твоимъ услугамъ въ случаѣ надобности.

Савловичъ не отвѣчалъ и потупя голову шелъ за парами, которыя весело болтали, иныя договаривая то что было недосказано въ прерванномъ котильонѣ, другія занимаясь просто болтовнею. Мимо Савловича прошелъ Брязанцевъ съ одною хорошенькою дамою и даже не обратилъ на него вниманія.

За ужиномъ Савловичъ сидѣлъ наискосокъ отъ Молочанской и хотя не могъ съ нею разговаривать, но по временамъ она устремляла на него тѣ взоры, отъ которыхъ у молодаго корнета становилось на душѣ свѣтло и онъ забывалъ о предстоявшемъ поединкѣ. Близость Ливскаго не дозволяла ему однакожъ забыть совершенно о тяжелой необходимости.

— Ливскій, сказалъ онъ товарищу, сидѣвшему по сосѣдству, когда Молочанская перестала смотрѣть на него и занялась разговоромъ съ полковникомъ.

— Что? отозвался Ливскій полуоборотившись.

— Ты будешь моимъ секундантомъ?

— Охотно. Неужели не уладилось дѣло?

— Не уладилось. Ты поговори съ Стояровымъ.

— Развѣ Стояровъ у Брязанцева?

— Да.

— Это сдѣлать очень легко: я и Стояровъ ночуемъ на одной квартирѣ. Впрочемъ оставимъ дѣло до послѣ ужина. Ты разсчитывай на меня.

И Ливскій снова поворотился къ своей дамѣ.

Ряполовъ кошачьими глазами наблюдалъ за дѣйствующими лицами готовившейся драмы, въ которой онъ былъ однимъ изъ энергическихъ дѣятелей. Видимо интимныя отношенія Савловича съ Молочанскою заставили было его задуматься, но беззаботный видъ Брязанцева, выборъ последнимъ въ секунданты Стоярова, который шутить не любилъ и посылка за фельдшеромъ успокоивали его касательно миролюбиваго исхода. Онъ потиралъ руки и думалъ: кто кого? Для него собственно это бывало безразлично, но на этотъ разъ ему хотѣлось видѣть пораженіе Брязанцева.

Послѣ ужина Савловичъ не успѣлъ даже сказать и двухъ словъ съ любимою дѣвушкою, которая уходила вмѣстѣ съ матерью, но онъ такъ грустно посмотрѣлъ на нее, что Молочанская два раза оглянулась, и въ эти быстрые моменты въ ея глазахъ свѣтилось столько пріязни и страсти и притомъ взоры эти сопровождала много обѣщавшая улыбка, словно говорившая:

— До завтра.

До завтра!

На ночлегъ офицеры разбрелись по крестьянскимъ избамъ, потому что въ домѣ и во флигеляхъ помѣщались семейства пріѣзжихъ сосѣдей. Въ избу Савловича, который ночевалъ вмѣстѣ съ сѣдымъ маіоромъ, пришли Ря-

половъ и Ливскій. Маіоръ находился въ очень блаженномъ состояніи и все видѣлъ въ розовомъ цвѣтѣ. Онъ медленно раздѣвался и когда по уходѣ деньщиковъ молодежь начала обсуждать предстоявшій поединокъ обратился къ Савловичу съ вопросомъ:

— Кто? съ кѣмъ и за что?

Ему по возможности объяснили.

— Да бросьте вы всѣ эти глупости, братцы, сказалъ онъ:—не лучше ли устроить мировую и выпить по этому случаю!

— Нлеьзя маіоръ, отозвался Ряполовъ:—во первыхъ затронута честь офицера, а слѣдовательно и полка, во вторыхъ послано уже за фельдшеромъ.

— А въ третьихъ, добавилъ смѣясь Ливскій:—и выпить нечего, потому что мы кажется порядкомъ опустошили за эти дни хозяйскій погребъ.

— Ну, чортъ съ вами! Однако, братцы, вы разбудите меня въ случаѣ чего нибудь серьезнаго, я пойду къ полковнику.

— Хорошо, разбудимъ.

Маіоръ пробормоталъ еще что-то, зѣвнулъ, поворотился на другую сторону и захрапѣлъ во всю ивановскую.

Рѣшено было встать на зарѣ.

— Здѣсь верстахъ въ десяти по дорогѣ къ четвер-

тому эскадрону есть довольно большой лѣсъ, сказалъ Ряполовъ: — у пустой корчмы я замѣтилъ полянка почти безъ снѣга. Хорошо было бы тамъ.

— Завтра посмотримъ, а теперь прощайте.

Ряполовъ еще разъ предложилъ свои пистолеты и почти выкрался изъ избы.

Савловичъ закурилъ трубку и не раздѣваясь сѣлъ у стола, склонивъ на руки голову.

Не долго, однако-жъ Савловичъ предавался въ одиночествѣ мрачнымъ мыслямъ; его поочередно навѣщали многіе товарищи, изъ которыхъ болѣе благоразумные совѣтовали какъ нибудь уладить дѣло безъ крови, а другіе, находившіеся подъ вліяніемъ Ряполова, считая дѣло оконченнымъ, давали другаго рода совѣты, относящіеся прямо къ условіямъ дуэли. Ливскій приходилъ сообщить программу, начертанную имъ вмѣстѣ съ ротмистромъ Стояровымъ, который какъ человѣкъ бывалый въ этого рода расправахъ, смотрѣлъ просто равнодушно на поединки, ибо самъ рубился и стрѣлялся нѣсколько разъ съ чужими и своими офицерами. Единственною заботою товарищей было скрыть затѣваемый поединокъ отъ полковаго командира, потому что Каламатовъ, хотя и всегда былъ снисходителенъ къ дуэлистамъ, однако еслибъ узналъ офиціально о назначеніи часа и мѣста, былъ бы обязанъ воспрепятствовать прямому нарушенію закона. На послѣд-

ствія онъ уже смотрѣлъ другими глазами, допускалъ совершавшійся фактъ какъ обычай, положимъ и караемый закономъ, но на столько укоренившійся въ обществѣ, что съ нимъ никто не скрывался, а напротивъ примѣняли его публично и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Ряполовъ и другой еще офицеръ ротмистръ Малтѣевъ хлопотали болѣе всего, чтобъ скрыть отъ полковаго командира предстоявшую дуэль, и Малтѣевъ находился неотлучно при командирѣ и искусно недопускалъ до него прямыхъ свѣденій. Одинъ помѣщикъ началъ было сообщать полковнику о ссорѣ двухъ офицеровъ, но Малтѣевъ обратилъ все въ штуку, объяснивъ Каламатову, что Савловичъ изъ ревности затѣялъ было непріятность съ Брязанцевымъ, но что товарищи уладили недоразумѣніе. Мы уже видѣли, что Каламатовъ даже подшучивалъ съ Савловичемъ, отбивъ у него даму на ужинъ. Ряполовъ переговорилъ со всѣми вліятельными офицерами, представивъ дѣло въ такомъ видѣ, что Брязанцевъ не правъ, во первыхъ, безъ цѣли мѣшая товарищу въ любви, во вторыхъ, ведя себя слишкомъ высокомѣрно и употребляя не подходящія выраженія. Однимъ словомъ онъ весьма искусно велъ свойственную ему интригу, даже дѣйствуя въ противоположномъ смыслѣ, если не непосредственно на Брязанцева, то по крайной мѣрѣ на его секунданта ротмистра Стоярова, которому подъ видомъ дружбы интимно

сообщилъ, что Брязанцеву не мѣшало бы однимъ разомъ покончить съ неблагопріятными о немъ толками и доказать, что онъ офицеръ съ характеромъ, который не допуститъ наступить себѣ на ногу и научитъ мальчишекъ быть болѣе осторожными. Ливскій, напротивъ, какъ человѣкъ прямодушный, желалъ было склонить противниковъ на мировую, но онъ не могъ ни минуты пробыть наединѣ съ Савловичемъ, потому что Ряполовъ, какъ бы слѣдившій за нимъ, не отходилъ отъ корнета, которому выказывалъ искренную дружбу. Вызовъ сдѣланъ былъ при свидѣтеляхъ, слѣдовательно дуэль не могла не состояться, и одна только оставалась еще надежда, именно уладить дѣло по прибытіи противниковъ на мѣсто.

Къ разсвѣту пріѣхалъ фельдшеръ съ хирургическими инструментами и остановился прямо у Ряполова, который не будучи непосредственнымъ участникомъ въ поединкѣ искусно предоставилъ себѣ возможность быть безнаказаннымъ свидѣтелемъ. Въ виду суматохи при отъѣздѣ противниковъ и секундантовъ, онъ вознамѣрился какъ добрый товарищъ повезти на своихъ лошадяхъ необходимую медицинскую помощь въ особѣ фельдшера, и разумѣется видѣть вблизи сцену, которая должна бы происходить безъ постороннихъ свидѣтелей. Стояровъ и Ливскій на всякій случай выбрали себѣ по одному кандидату.

Савловичъ все это время игралъ какую-то пассивную

роль; онъ зналъ, что ему необходимо стрѣляться, но во первыхъ сознавалъ, что для этого не имѣлось достаточной причины, во вторыхъ, онъ самъ погорячился, а въ третьихъ, дѣло его сердца приняло такой оборотъ, который уноситъ его на седьмое небо. Людвика любила его, и все что нашептывала ему ревность относительно Брязанцева, оказывалось несправедливымъ. Стоило ему только пойдти къ Брязанцеву, извиниться чистосердечно, и вся исторія окончилась бы. Савловичъ могъ бы блаженствовать, но судилось иначе: онъ напрасно оскорбилъ товарища при свидѣтеляхъ, и долженъ былъ поплатиться за это.

Бѣдный молодой человѣкъ почти не смыкалъ глазъ, и когда выходили минуты, что онъ забывался сномъ, ему какъ нарочно грезились эти веселыя картины, на которыя онъ имѣлъ право, но которыя въ дѣйствительности должны были уступить мѣсто другимъ болѣе мрачнымъ.

На разсвѣтѣ Стояровъ вошелъ къ нему совершенно готовый и объявилъ, что Брязанцевъ выѣзжаетъ на мѣсто. У Савловича еще съ вечера все было уложено, и когда по уходѣ Стоярова вошелъ Ливскій, то оказалось, что и лошади корнета были запряжены по распоряженію Ряполова, который неутомимо бодрствовалъ надъ всею этою исторіею.

— Ѣдемъ, Савловичъ! противники наши садятся въ сани слѣдовательно и намъ мѣшкать не приходится.

— Ѣдемъ! Ты все уладилъ?

— Все какъ слѣдуетъ. На двѣнадцать шаговъ. Первый выстрѣлъ твой. Пистолеты нами осмотрѣны. Двѣ пары привезли Брязанцеву, одну я взялъ у Малтѣева, и Стояровъ предлагаетъ свои. Въ оружіи недостатка не будетъ. Только мнѣ кажется, что вы чортъ знаетъ за что стрѣляетесь.

Савловичъ вздохнулъ и не отвѣчалъ ни слова.

Подъ окнами заскрипѣли сани. Молодые люди, закутавшись въ шубы, вышли изъ избы.

— Сядемъ на мою тройку, сказалъ Ливскій, сани котораго тоже стояли у воротъ:—мнѣ кажется, что на моихъ черноморахъ мы опередимъ пріятелей. Я знаю мѣсто свиданія: оно по дорогѣ къ намъ въ эскадронъ, близъ покинутой корчмы.

— Все ровно.

Товарищи усѣлись и шибкою рысью поѣхали по узкимъ улицамъ селенія. Было уже свѣтло, морозъ стоялъ порядочный. Дымъ изъ крестьянскихъ избъ шелъ къ верху и вершины волнующихся столбовъ его принимали опаловый цвѣтъ отъ лучей восходящаго солнца. Дорога лежала мимо господскаго дома, на широкомъ дворѣ котораго стояло множество экипажей, но не было замѣтно

никакого движенія. Запертыя ставни доказывали, что всѣ еще покоились мирнымъ сномъ.

Савловичъ смотрѣлъ во всѣ глаза на длинный рядъ затворенныхъ оконъ, и дорого далъ бы, еслобъ ему кто-нибудь могъ указать комнату, въ которой помѣщалось семейство Молочанскихъ. Но тройка неслась быстро и прежде нежели Савловичъ вздумалъ обратиться съ занимавшимъ его вопросомъ къ Ливскому, господскій домъ остался далеко назади и только еще виднѣлись высокія его трубы за обширнымъ садомъ, покрытымъ фестонами серебристаго инея.

По выѣздѣ за околицу въ поле, Савловичъ, не спавшій всю ночь и находившійся подъ вліяніемъ нравственнаго изнеможенія, закрывалъ по временамъ глаза и забывался на нѣсколько минутъ, но потомъ раскрывалъ ихъ безъ всякой причины и осматривалъ, какъ бы стараясь припомнить что-то. Присутствіе Ливскаго тотчасъ же призывало его къ дѣйствительности, и онъ начиналъ думать о предстоявшей встрѣчѣ, пока физическая усталость не брала своего и не смыкала ему глазъ снова на нѣсколько минутъ. Ливскій сидѣлъ молча. Иногда онъ смотрѣлъ съ сожалѣніемъ на молодаго товарища, здороваго, румянаго юношу, который черезъ полчаса могъ превратиться въ бездыханный трупъ или жалкаго калѣку, и ему становилось грустно. Онъ считалъ себя не въ правѣ

прерывать забытье человѣка, обреченнаго, можетъ быть, на смерть, въ силу какихъ-то ни къ чему не ведущихъ выраженій, которыми обмѣнялись люди, носящіе военный мундиръ, но на которыя, при другихъ условіяхъ, не было бы обращено вниманія. Ливскій сознавалъ эту несообразность, но самъ раза три дрался на дуэли по поводамъ не болѣе серьезнымъ, и былъ того убѣжденія, что добрымъ товарищамъ слѣдовало бы воспрепятствовать безполезному кровопролитію. Онъ, впрочемъ, надѣялся на содѣйствіе Стоярова, который обѣщалъ ему употребить послѣднія усилія на мѣстѣ боя къ прекращенію, если можно, пустой ссоры, не оскорбляя ни чьего самолюбія.

Когда впереди показался лѣсъ, въ которомъ назначено было мѣсто свиданія, Савловичъ, задремалъ окончательно. Ливскій хотѣлъ было разбудить его, но ему стало жаль прерывать сонъ юноши, которому грезились, можетъ быть, самыя отрадныя вещи, и онъ рѣшился не трогать его по крайней мѣрѣ до опушки. Савловичъ дремалъ, склонивъ голову на сторону и на устахъ его скользила пріятная улыбка. Но вдругъ санки наскочили на ухабъ, и корнетъ проснулся.

— Я кажется вздремнулъ, сказалъ онъ протирая глаза.

— Да.

— А скоро пріѣдемъ?

— Должно быть теперь скоро.

— Ну, такъ мнѣ спать теперь не слѣдуетъ, говорилъ Савловичъ, закутываясь плотнѣе въ шубу и опираясь о спинку пошевней.—Ливскій, я хочу просить тебя.

— Сдѣлай одолженіе, я весь къ твоимъ услугамъ.

— Если меня не будетъ въ живыхъ...

— Къ чему такія мрачныя мысли!

— Вѣдь это такъ возможно.

— Такъ же возможно какъ и благопріятный исходъ.

— Я тебя прошу, въ случаѣ меня не станетъ... скажи Молочанской, что я искренно любилъ ее.

— Скажу, хотя это мнѣ было бы очень тяжело.

— Попроси, чтобъ хоть разъ побывала на моей могилѣ.

— Исполню.

— Потомъ... Я все хотѣлъ, Ливскій, написать письмо къ матери, но у меня не хватаетъ духу.

— У Савловича на глазахъ навернулись слезы, Ливскій тоже отворотился въ сторону.

— Мнѣ хотѣлось бы, продолжалъ Савловичъ дрожащимъ голосомъ: — чтобъ ты написалъ ей, что я... оставался всегда почтительнымъ, любящимъ сыномъ... и что послѣдняя моя мысль была о ней. Я говорю правду, Ливскій. Я покончилъ съ Людвикою. Теперь мнѣ кажется, что Молочанская Богъ знаетъ какъ далеко отъ меня. Сейчасъ когда я дремалъ мнѣ снилась родина, снилась наша

деревня, и въ саду я видѣлъ мать, которая ухаживала за своими любимыми цвѣтами.

— Я напишу, Савловичъ, какъ съумѣю, хоть я и небольшой грамотѣй, но лучше было бы тебѣ написать хоть карандашомъ строчки двѣ, три.

— У меня нѣтъ бумаги.

— Спросимъ у Брязанцева. Я еще вчера видѣлъ у него записную книжку.

— А, въ самомъ дѣлѣ.

У пустой корчмы на дорогѣ стояли уже три тройки, и еще издали послышался знакомый голосъ:

— Ливскій, Савловичъ, сюда!

Спустя минуту изъ за кустовъ появился Ряполовъ махая рукою.

Савловичъ и Ливскій подъѣхали къ корчмѣ, у занесенныхъ снѣгомъ дверей которой на завалинкѣ сидѣли Брязанцевъ, Стояровъ, фельдшеръ и еще два офицера.

— Господа, сказалъ Ряполовъ, когда вновь пріѣхавшіе вышли изъ саней и поздоровались:—рекомендую вамъ дѣло покончить поскорѣе, потому что, кажется мнѣ, чуть ли не донесено полковнику. Положимъ по этой дорогѣ никто не поѣдетъ, но вѣдь не трудно узнать какое мы взяли направленіе.

— Развѣ мы пріѣхали раздобаривать! замѣтилъ Стояровъ.—Веди насъ на плацъ, Ряполовъ, или лучше ска-

зать ступай туда самъ, возьми людей и вели расчистить немного мѣсто. Мы же съ Ливскимъ займемся своимъ дѣломъ, выберемъ пистолеты, зарядимъ ихъ. Только прежде всего я предлагаю выпить водки.

— Мой погребецъ къ вашимъ услугамъ, сказалъ Брянзанцевъ, и велѣлъ подать водку, вино и холодную закуску.

— Я не совѣтовалъ бы закусывать ихъ благородіямъ господамъ Брязанцеву и Савловичу, молвилъ фельдшеръ.

— А выпить можно?

— Выпить не вредно.

Пропустивъ наскоро рюмку водки и захвативъ двухъ деньщиковъ, Ряполовъ поспѣшными шагами отправился въ лѣсъ, гдѣ, по его мнѣнію, на полянкѣ можно было устроить отличное мѣсто для поединка.

— Брязанцевъ! сказалъ Ливскій:—мнѣ Савловичъ поручилъ попросить тебя.

— Что угодно?

— Ему нужно написать нѣсколько словъ къ матери, но у него нѣтъ ни бумаги, ни карандаша.

— Могу служить, сказалъ Брязанцевъ, разстегиваясь и доставая бумажникъ.—Можете распоряжаться.

— Мнѣ одинъ листочекъ.

— Сколько угодно, и я совѣтую вамъ писать на книжкѣ—это удобнѣе.

— Благодарю васъ.

— Ну, а мы займемся дѣломъ, сказалъ Стояровъ, обращаясь къ Ливскому.—Вотъ двѣ пары пистолетовъ, смотри и выбирай. Зарядъ я думаю положить посильнѣе.

— Непремѣнно сильнѣе, это лучше для раны, ваше благородіе, замѣтилъ фельдшеръ.

— Для раны да, замѣтилъ одинъ изъ свидѣтелей, но не для вѣрности выстрѣла.

— Господа, сказалъ Брязанцевъ:—я просилъ бы васъ совѣщаться тише, потому что г. Савловичъ пишетъ письмо къ матери.

Послѣдній услыхалъ это и благодарнымъ взоромъ посмотрѣлъ на противника.

Секунданты молча начали заряжать пистолеты.

— Еще разъ благодарю васъ, сказалъ Савловичъ, возвращая бумажникъ Брязанцеву.—Ливскій, прибавилъ онъ громче:—записка будетъ у меня въ карманѣ.

— Это напрасно, замѣтилъ Стояровъ:—ты лучше передай ее теперь же Ливскому. Не ровенъ часъ....

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, сказалъ съ принужденною улыбкою Савловичъ:—можетъ случиться, что ее и прочесть будетъ невозможно.

— Пожалуйте! готово! воскликнулъ запыхавшійся деньщикъ.

— И мы готовы, молвилъ Стояровъ.—Маршъ, брат-

цы. Ты подлѣкарь ступай съ своимъ инструментомъ за намп.

— Мы знаемъ, ваше благородіе, свою обязанность, етвѣчалъ фельдшеръ, взявъ подъ мышку ящикъ съ хирургическими инструментами и поправляя торбу съ бинтами и необходимыми лекарствами.

Черезъ пять минутъ всѣ были на мѣстѣ. Ряполовъ дѣйствительно нашелъ небольшую песчаную полянку, на которой даже немного лежало снѣгу. Кругомъ стояли высокіе дубы, убранные роскошнымъ инеемъ, верхнія вѣтви которыхъ сверкали серебромъ и при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка сыпали алмазною пылью.

Секунданты отмѣряли шаги, противники, снявъ шубы, стали въ позицію.

— Господа! сказалъ имъ Стояровъ. — Мы съ Ливскимъ какъ слѣдуетъ исполнили свою обязанность, и намъ остается только предложить вамъ еще вопросъ. Я дѣлаю его отъ себя и отъ Ливскаго: нѣтъ ли средствъ кь примиренію?

— Какіе тутъ примиреніе! послышался голосъ за деревомъ.

Стояровъ оборотился въ ту сторону и строго посмотрѣлъ.

— Здѣсь не должно раздаваться ни одного слова по-

сторонняго! сказалъ онъ.—Господа противники, мы секунданты предлагаемъ вамъ примириться.

Савловичъ молчалъ, потупивъ взоръ. Брязанцевъ не отвѣчалъ ни слова.

— Значитъ кончено. Господа! первый выстрѣлъ Савловича. Стрѣлять безъ команды.

Брязанцевъ стоялъ, какъ вкопанный, бокомъ къ противнику, прикрывшись пистолетомъ. На лицѣ его невозможно было прочесть ничего. Савловичъ тоже стоялъ твердо, но черты его выражали грусть и какъ бы легкое раскаяніе. Онъ тихо поднялъ пистолетъ, прицѣлился и выстрѣлилъ.

Брязанцевъ стоялъ неподвиженъ. Сзади его что-то хрустнуло—пуля ударила въ дубъ и съ нижнихъ вѣтвей посыпался иней.

Савловичъ поблѣднѣлъ немного, но молча закрылся пистолетомъ.

Прошло съ полминуты.

— Бразянцевъ! твоя очередь! крикнулъ Стояровъ.

— Знаю, но мнѣ не хотѣлось бы стрѣлять...

— Это что за исторія! Савловичъ не захочетъ, чтобъ вы дарили ему жизнь,—отозвался Ряполовъ.

— Господинъ Ряполовъ! сказалъ громовымъ голосомъ Стояровъ:—вы хотите имѣть дѣло со мною и секундантомъ Савловича...

— Господа! сказалъ Брязанцевъ,—я выдержалъ выстрѣлъ и имѣю полное право примириться.

— Да, имѣешь, сказали свидѣтели:—если согласится противникъ.

Савловичъ молчалъ, у него дрожали немного губы и мигали рѣсницы.

— Я не разъ бывалъ на дуэляхъ, говорилъ Брязанцевъ, опуская пистолетъ:—и не боюсь смерти. Я вызвалъ господина Савловича собственно потому, что молодой человѣкъ, погорячившись, сказалъ мнѣ нѣсколако словъ, которыя требуютъ отчета. Но, господа, поступивъ какъ слѣдовало честному офицеру, я какъ честный человѣкъ не желаю напраснаго кровопролитія. Я не стрѣляю въ воздухъ, что могло бы показаться оскорбительнымъ моему противнику, неизвѣстно попаду ли я въ него или нѣтъ и начнемъ ли мы поединокъ снова, а предлагаю миръ на одномъ условіи.

— Если это условіе не оскорбительно, сказалъ Ливскій.

— Я его сейчасъ выскажу: мы всѣ свои, и намъ нечего прибѣгать къ дипломатіи. Господинъ Савловичъ влюбленъ въ очень милую и достойную дѣвицу, которая по видимому очень расположена къ нему; я ничего не зная имѣлъ неосторожность протанцовать съ нею лишній разъ: это раздражило молодаго человѣка, онъ въ пылу неосно-

вательный ревности погорячился, сказалъ мнѣ нѣсколько рѣзкихъ словъ, и вы знаете остальное. Я не требую у господина Савловича извиненія, но если онъ сознается, что погорячился и оскорбилъ меня въ порывѣ увлеченія, я предлагаю ему искренній миръ и готовъ забыть все.

Савловичъ вздрогнулъ. Исходъ дуэли начиналъ принимать щекотливый оборотъ. Ему страстно хотѣлось жить, но будучи воспитанъ на преданіяхъ полка, въ которомъ при дуэляхъ соблюдались до мелочей всѣ условія, служившія къ устраненію малѣйшихъ нареканій, не зналъ какъ поступить ему въ этомъ случаѣ.

— Господинъ Брязанцевъ имѣетъ право выстрѣла. Я стою на барьерѣ, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Э, братецъ, пустяки! воскликнулъ Ливскій.—Я съ этихъ поръ публично выражаю полнѣйшее уваженіе къ Брязанцеву; онъ поступилъ какъ честный человѣкъ и какъ благородный офицеръ.

— Но какъ хотите, вмѣшался Ряполовъ, не могшій утерпѣть при видѣ, что дуэль готова была прекратиться:— это значитъ бояться отвѣтственности за послѣдствія.

Стояровъ хотѣлъ оборвать его, но его перебилъ Брязанцевъ.

— Господинъ Ряполовъ, сказалъ онъ: — чтобъ вамъ доказать, что я не боюсь ни смерти, ни отвѣтственности,

я по окончаніи дѣла съ г. Савловичемъ прошу васъ назначить часъ и мѣсто.

— Отлично Брязанцевъ!

— Я вѣдь дорожу честью полка, пробормоталъ Ряполовъ.

— Объ этомъ рѣчь впереди, сказалъ Ливскій. — Ну, что жъ, Савловичъ, ты надумался? Говори? Въ предложеніи Брязанцева для тебя нѣтъ ничего оскорбительнаго Всѣ мы знаемъ, что ты влюбленъ какъ кошка въ Молочанскую, приревновалъ...

— Да я погорячился, проговорилъ несмѣло Савловичъ.

— И дѣлу конецъ! Я тоже немного виноватъ! воскликнулъ Брязанцевъ, выстрѣлилъ на воздухъ, бросилъ пистолетъ и подбѣжалъ къ Савловичу, который протянулъ уже ему обѣ руки. Недавніе противники начали обнимать другъ друга; у обоихъ на глазахъ навернулись слезы.

— Будемъ друзьями, Брязанцевъ!

— Отъ всего сердца, Савловичъ.

— Браво! оба вы лихіе товарищи! сказалъ Стояровъ.

Всѣ начали поздравлять съ миромъ, кромѣ Ряполова, который стоялъ въ неловкомъ положеніи, увлекшись чрезмѣрнымъ усердіемъ къ нравственнымъ интересамъ полка.

— Послѣ бала сегодня у меня мировая, сказалъ Бря-

занцевъ. Ахъ, да, прибавилъ онъ:—я и позабылъ, что можетъ быть, приглашаю къ себѣ на панихиду. Господинъ Ряполовъ, угодно вамъ кончить со мною сейчасъ же: благо и мѣсто готово, и есть свидѣтели и оружіе?

— Какъ угодно...

— Нѣтъ, господа, отозвался Стояровъ:—на сегодня довольно. Этимъ дѣломъ мы можемъ заняться и завтра. Вечеромъ еще потанцуемъ, а тѣмъ временемъ противники выберутъ секундантовъ.

— Брязанцевъ, возьмешь меня въ секунданты? сказалъ Савловичъ.

— Очень буду радъ.

— А я попрошу Малтѣева, молвилъ печально Ряполовъ, не разсчитывавшій на подобное окончаніе дѣла.

— И отлично. Теперь можно и домой.

Недавніе противники, поблагодаривъ секундантовъ и свидѣтелей и подаривъ по пяти рублей фельдшеру, условились усѣсться въ однѣ сани. Подходя къ пустой корчмѣ всѣ переглянулись, потому что не далеко звенѣли колокольчики и такимъ тономъ, какъ звенятъ они на маршъ-маршѣ. Кучера засуетились подавать, но офицеры остановили ихъ. Минутъ черезъ пять къ пустой корчмѣ подъѣхали двѣ тройки съ нѣсколькими офицерами. Изъ первыхъ саней выскочилъ Каламатовъ.

— Господа, что здѣсь за исторія? спросилъ, онъ быстро оглядывая всѣхъ.

— Никакой исторіи, полковникъ, отвѣчалъ Стояровъ. Ѣдемъ въ штабъ и остановились покурить и выпить водки.

— Да развѣ это дорога въ штабъ.

— Мы хотимъ завернуть въ четвертый эскадронъ.

— А ты, образина, зачѣмъ здѣсь? обратился Каламатовъ къ фельдшеру.

— Ѣздилъ на практику ваше высокоблагородіе, бодро отвѣчалъ фельдшеръ, снявъ фуражку.

— Вотъ я тебѣ задамъ практику, велю влѣпить сто палокъ. Что жъ это въ самомъ дѣлѣ, господа? Я слышалъ выстрѣлы.

— А! Такъ вотъ это васъ безпокоитъ. Мы увидѣли стаю куропатокъ и отправились въ лѣсъ.

— Ну?

— И дали два промаха.

Каламатовъ посмотрѣлъ на всѣхъ пристально.

— Подите ко мнѣ, корнетъ Савловичъ!

Тотъ подошелъ.

— Вы здоровы?

— Слава Богу, полковникъ.

— А вы, поручикъ, Брязанцевъ?

— Тоже здоровъ.

Каламатовъ нахмурился.

— Вы между собою въ ссорѣ?

— Напротивъ, полковникъ, мы самые искренніе друзья отвѣчалъ Брязанцевъ.

— Ни чорта не понимаю! Смотрите, чтобъ ни было худо.

— Все обстоитъ благополучно, сказалъ Стояровъ.

— Значитъ, выпивка?

— У Брязанцева, полковникъ.

— И отлично. Только не напивайтесь пожалуйста до вечера.

— Мы послѣ бала, полковникъ.

— Это другое дѣло. Ну, вы меня напугали. До свиданія, господа! А ты, продолжалъ Каламатовъ, грозя фельдшеру:—получишь сто палокъ, ракалія!

— Слушаю, ваше высокоблагородіе?

— За что же, Иванъ Сергѣичъ! отозвался съ улыбкою маіоръ, знавшій, что угроза была недѣйствительна:—вѣдь онъ ѣздилъ на практику.

Полковникъ сѣлъ въ сани.

— Заставили вы меня напрасно своротить съ дороги, сказалъ онъ: — ну, да ничего, когда куропатки улетѣли.

Вслѣдъ за нимъ помчались и прочіе офицеры. Сзади

всѣхъ, въ сообществѣ фельдшера уѣхалъ печальный Ряполовъ.

У покинутой корчмы было пусто по прежнему.

Очень весело —скіе гусары встрѣтили новый годъ у своего полковаго командира, который употребилъ всѣ усилія, чтобы доставить многочисленнымъ своимъ гостямъ удовольствіе. Въ тотъ день рѣдко кто изъ офицеровъ ночевалъ въ своей квартирѣ, потому что всѣ мало-мальски порядочныя помѣщенія уступлены были пріѣзжимъ семействамъ. Брязанцевъ, какъ мы уже видѣли, обѣщалъ отдать свою квартиру графу Лодоновскому, прибывшему недавно въ свое имѣніе изъ Галиціи, и дочери котораго произвели, какъ говорится, фурóръ, появившись первый разъ въ описываемомъ обществѣ. Между тѣмъ у Брязанцева товарищи должны были запить мировую по случаю окончанія дуэли. Въ этихъ видахъ оберъ-факторъ постарался очистить домъ одного купца за баснословную почти цѣну, гдѣ и устроился банкетъ, состоявшій изъ трехъ элементовъ: рому, портеру и шампанскаго. Спеціальными выпивками, извѣстными подъ именемъ мировыхъ, искони съ общаго согласія въ полку, распоряжался маіоръ Рындаковъ, котораго мы видѣли мелькомъ на послѣднемъ ночлегѣ Савловича. Это была пожилая

личность, кромѣ разныхъ прекрасныхъ качествъ, обладавшая изумительною прямотою характера. Рындакова знала вся дивизія уже по одному тому, что по необыкновенному стеченію обстоятельствъ онъ девятнадцать лѣтъ сидѣлъ въ ротмистерскомъ чинѣ. Сѣдые почти по поясъ усы, при его огромномъ ростѣ, придавали ему чрезвычайно воинственный видъ, да и въ самомъ дѣлѣ Рындаковъ, по словамъ очевидцевъ, выказывалъ чудеса личной храбрости. Это былъ человѣкъ, получившій нѣкогда хорошее образованіе, но впослѣдствіи, идя за теченіемъ, позабывшій все, чему учился въ молодости. Онъ подчинялся только тремъ единствамъ, какъ онъ говаривалъ: службѣ, бостону и выпивкѣ, и должно отдать ему полную справедливость исполнялъ всѣ эти обязанности безукоризненно. На службу онъ вставалъ съ разсвѣтомъ, потомъ возвращался домой пить чай и шелъ къ кому нибудь или приглашалъ къ себѣ на бостонъ, до котораго былъ страшный охотникъ и тутъ же за картами начиналась выпивка. Въ бостонъ онъ могъ играть цѣлыя сутки, пилъ что называется молодецки, но никто никогда не видѣлъ его пьянымъ. Онъ пилъ все что угодно, но въ качествѣ аматера признавалъ только три рода питей: ромъ, портеръ и шампанское. Конечно онъ не имѣлъ возможности слѣдовать постоянно этому условію, и не отказывался ни отъ наливки, ни отъ водки, но если дѣ-

лалъ званое угощеніе, или распоряжался по обычаю полка на мировой, вы могли быть увѣрены въ преобладаніи его любимыхъ элементовъ. Онъ по своему принципу не стѣснялъ чужихъ вкусовъ и ставилъ прочія вина, но въ самыхъ небольшихъ размѣрахъ, а ромъ, портеръ и шампанское играли самую видную роль на всѣхъ общественныхъ выпивкахъ. Практикуя въ полку очень долго, Рындаковъ успѣлъ повліять на вкусъ товарищей до такой степени, что въ самомъ дѣлѣ офицеры согласились съ его мнѣніемъ и весьма рѣдко пили что нибудь другое. Ромъ онъ называлъ фундаментомъ, портеръ главнымъ зданіемъ, а шампанское архитектурными украшеніями. Но до украшеній дѣло доходило весьма не скоро, потому что онъ любилъ закладывать прочный фундаментъ и потомъ прилежно занимался постройкою самаго зданія.

На мировую явились всѣ почти офицеры, за исключеніемъ двухъ, трехъ личностей, натянувшихся за ужиномъ, и Ряполова, которому приличіе не позволяло явиться къ человѣку, вызвавшему его на поединокъ.

Рындаковъ былъ въ своей сферѣ. Не смотря, что въ тотъ день онъ возвелъ полное зданіе, онъ встрѣтилъ гостей бодръ и свѣжъ, окативъ только голову ведромъ холодной воды на морозѣ. На раскраснѣвшемся его лицѣ обильная испарина уносила оставшееся еще похмѣлье.

На столахъ стояли батареи бутылокъ, вездѣ лежали

штопоры между цѣлымъ строемъ разнокалиберныхъ стакановъ, бакаловъ и спеціальныхъ пуншевыхъ чашъ, которыя давно уже вывелись изъ употребленія. Возлѣ батарей имѣлись также въ достаточномъ количествѣ лимоны и сахаръ какъ въ кускахъ, такъ и мелкій.

Когда собралась вся компанія, Рындаковъ произнесъ приличный случаю спичъ, котораго однакожъ мы не можемъ воспроизвести на томъ основаніи, что маіоръ любилъ уснащать свою рѣчь непечатными выраженіями, которыя у него необыкновенно подкрѣпляли каждую мысль и иногда примѣнялись весьма удачно, производя необыкновенный эфектъ. Смыслъ его спича заключался впрочемъ въ простой истинѣ, что худой миръ лучше доброй ссоры.

Когда было выпито, какъ выражался Рындаковъ, безъ хитрости, и дѣло доходило до архитектурныхъ украшеній, ротмистръ Стояровъ взялъ бокалъ шампанскаго, сталъ на стулъ и произнесъ рѣчь, въ которой выказалъ благородное поведеніе Брязанцева и заявилъ товарищамъ, что отнынѣ онъ будетъ стоять за Брязанцева горою. На поддержку ему явился Савловичъ, который успѣлъ объясниться съ Молочанскою, находился въ седьмомъ небѣ и будучи разогрѣтъ выпивкою, сознался публикѣ, что прежде не любилъ Брязанцева, но теперь готовъ за него въ огонь и воду. Кончилось тѣмъ, что Брязанцева начали качать

на рукахъ, и на разсвѣтѣ почти всѣ повалились тутъ же на мѣстѣ. Только Стояровъ убрался кое какъ домой, да Рындаковъ колеблющимися шагами добрелъ до своей квартиры.

Въ мѣстечкѣ до полудня не было замѣтно никакого движенія.

Въ тотъ же день вечеромъ всѣ должны были собраться на балъ къ маршалу, который, въ качествѣ стариннаго польскаго аристократа и при большихъ средствахъ, любилъ угощать на славу съ роскошью и пышностью по преданіямъ своего семейства.

Одинъ по одному выѣзжали изъ мѣстечка помѣщичьи экипажи и вслѣдъ за ними, гремя колокольчиками уносились ухорскія гусарскія тройки. Выспавшійся на столѣ Брязанцевъ поспѣшилъ на квартиру узнать у своихъ гостей покойно ли провели ночь, и былъ встрѣченъ громкимъ, радостнымъ лаемъ своего пуделя. Семейство графа Лодоновскаго выразило ему полную благодарность, а младшая графиня, совершенная красавица, посмотрѣла на него немножко искоса за то, что онъ на вечерѣ не обратилъ на нее должнаго вниманія.

Позднѣе прочихъ выѣхалъ Ряполовъ. На балѣ у полковника послѣ совѣщанія съ Малтѣевымъ и Савловичемъ, секундантомъ Брязанцева, рѣшено было держать дѣло въ тайнѣ до Крещенія, т. е. до послѣдняго бала, должен-

ствовавшаго заключить рядъ мѣстныхъ празднествъ, и потомъ стрѣляться въ штабѣ за кладбищемъ.

Ряполовъ все время находился въ грустномъ настроеніи и хотя старался не показывать этого и принималъ даже участье въ танцахъ, но не могъ освободиться отъ тяжелой, невольной задумчивости. Малтѣевъ, раздѣлявшій его образъ мыслей и нерѣдко доводившій молодежь до дуэли, пожалѣлъ немного о своемъ единомышленникѣ, но потомъ радовался въ душѣ при мысли — посмотрѣть каково будетъ стоять на барьерѣ тотъ, кто съ такою любовью проповѣдывалъ необходимость поединковъ. Малтѣевъ ненавидѣлъ Брязанцева и хотя на мировой качалъ его на ура, однако желалъ успѣха Ряполову, расчитывая, что послѣдній, пользуясь правомъ перваго выстрѣла, можетъ повалить своего противника. Ряполовъ стрѣлялъ недурно.

Современному читателю, можетъ быть, покажется страннымъ что офицеръ, подобный Ряполову, для котораго дуэль, по видимому, составляла конечную цѣль жизни, впалъ въ уныніе, когда самому пришлось участвовать въ поединкѣ. Ряполовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ отжившихъ типовъ, которые въ настоящее время существовать не могутъ, именно въ своей первобытной формѣ. Это былъ дуэльный сводчикъ, человѣкъ, любившій видѣть ссоры товарищей, доводившія до поединка, и находившій

особенное необъяснимое удовольствіе въ пролитіи крови. Такая кровожадность теперь не можетъ проявляться въ человѣкѣ за неимѣніемъ матерьала, но въ описываемое время удовлетвореніе ея было легко и въ крѣпостномъ правѣ, и въ тогдашней военной дисциплинѣ, и въ тогдашнихъ правахъ и обычаяхъ военныхъ обществъ. Ряполовъ, будучи жестокъ отъ природы по наслѣдству, при каждомъ удобномъ случаѣ ужасно сѣкъ солдатъ и въ особенности своего деньщика и своихъ людей, а въ поединкахъ находилъ удовольствіе, какъ потому что видѣлъ страданія ближнихъ, такъ и потому что прямое или косвенное его вліяніе въ дѣлахъ этого рода пріобрѣтало ему нѣкоторое значеніе въ полку, ибо при возникавшихъ дуэляхъ, по большей части, обращались къ нему, какъ къ лицу компетентному. Собственно лично Ряполовъ былъ естественный трусъ, не могъ переносить физической боли, и каждую царапину на тѣлѣ считалъ опасною. Вотъ почему онъ грустно призадумался, получивъ неожиданно вызовъ отъ Брязанцева, на который не смѣлъ отвѣчать иначе какъ согласіемъ на поединокъ, ибо не было никакой возможности увильнуть. Онъ завлекся, пренебрегъ обычною крайнею осторожностью, или лучше сказать не разсчиталъ съ какимъ характеромъ имѣлъ дѣло, будучи такъ сказать избалованъ молодежью, которая вѣрила ему на слово и была убѣждена, что Ряполовъ горою стоялъ

за честь полка, и свято соблюдалъ нравственные интересы общества. Брязанцевъ посмотрѣлъ на это иначе и какъ человѣкъ прямой, дѣйствовавшій сообразно съ духомъ времени, не могъ не оставить ретиваго сводчика, истинные прицицы котораго разгадалъ лучше многихъ старыхъ офицеровъ. Ряполовъ въ свою очередь понялъ противника, хотя довольно поздно, и конечно въ глубинѣ души раскаявался въ своей неосмотрительности, однако сознавалъ полнѣйшую невозможность уладить дѣло миролюбиво, и волею-неволею долженъ былъ встрѣтиться на барьерѣ съ противникомъ, какого имѣлъ основаніе опасаться во всѣхъ отношеніяхъ. Разумѣется, еслибъ ему удалось тяжело ранить Брязанцева—его репутація въ полку окрѣпла бы въ значительной степени и онъ могъ бы сразу пріобрѣсти громадное значеніе, даже стать на высоту, недоступную слабымъ полковымъ дуэлистамъ; но подобныя мечты изрѣдка зарождались въ душѣ трусоватаго Ряполова, который чувствовалъ напередъ, что у него дрогнетъ рука и что онъ дастъ промахъ. На сабляхъ рубиться съ Брязанцевымъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія, узнавъ отъ товарищей о мастерскомъ боѣ противника. Стояровъ, Малтѣевъ и еще нѣкоторые дуэлисты ободряли его, высказывая мысль, что Ряполову болѣе всякаго другаго слѣдовало поддержать честь полка, уже потому, что стоя за полковые интересы и бывъ свидѣте-

лемъ нѣсколькихъ поединковъ, онъ никогда еще самъ не дрался на дуэли.

Мы видѣли мотивъ, заставившій Брязанцева сдѣлать вызовъ Ряполову; мотивъ этотъ далеко не дѣлалъ чести послѣднему, какъ подстрекательство, какъ желаніе во что бы то ни стало помѣшать миролюбивому окончанію ссоры. Но по ложнымъ понятіямъ о чести, большинство свидѣтелей, не исключая даже самого Стоярова, который вспылилъ на Ряполова, видѣли въ этомъ не болѣе какъ соблюденіе полковыхъ приличій. По крайней мѣрѣ таково было рутинное мнѣніе полка. Никто, конечно, не оспаривалъ у Брязанцева права вступиться за свое достоинство и посмотрѣть на оскорбленіе серьезно; но никто прямо не обвинялъ и Ряполова, который одинъ, какъ везаинтересованный непосредственно въ дѣлѣ, а слѣдонательно, безпристрастный посторонній свидѣтель, могъ свободно высказывать свое мнѣніе. Будь Брязанцевъ менѣе щекотливъ, онъ не обратилъ бы вниманія на слова Ряполова, какъ не обращали на его слова и многіе другіе дуэлисты; но Брязанцевъ обидѣлся, и Ряполову приходилось самому поддержать тѣ принципы, за которые онъ ратовалъ.

Выѣзжая на балъ къ маршалу, одиноко, не имѣя въ виду никакихъ личныхъ удовольствій, а потому только что всѣ уѣхали, Ряполовъ первый еще разъ въ жизни

упалъ духомъ. Волокитства его всегда были неудачны, играть въ карты и пить онъ не любилъ особенно, и его единственнымъ наслажденіемъ на балахъ было — свести какую нибудь „дуэлечку“ какъ онъ говаривалъ, потирая руки. Теперь же онъ былъ лишенъ и этого удовольствія, ибо находясь самъ подъ вліяніемъ гнетущей мысли быть убитымъ или искалѣченнымъ, не находилъ въ себѣ достаточной энергіи подмѣчать ссоры товарищей и раздувать ихъ до степени вражды, требующей кроваваго разсчета. Онъ злился на всѣхъ именно за то, что никто не взялъ на себя труда объяснить Брязанцеву стремленія его, Ряполова, поддержать честь полка, и еще болѣе злился при мысли, что Брязанцевъ разгадалъ его завѣтныя тенденціи.

Подъѣзжая къ маршальской усадьбѣ, онъ однакожъ почувствовалъ нѣкоторую бодрость; его внезапно осѣнила одна мысль, довольно успокоительнаго свойства, которую онъ рѣшился привести въ исполненіе. Заѣхавъ во флигель и переодѣвшись къ балу, Ряполовъ съ веселымъ лицомъ и по наружности беззаботно отправился вслѣдъ за товарищами въ палацъ. Гостей уже собралось множество, только не выходили дамы, дѣятельно занимавшіяся своимъ туалетомъ. Гусары расхаживали группами; старики усаживались за карты и въ томъ числѣ Рындаковъ подбиралъ партію на бостонъ.

— Ну что, Ряполовъ, не пойдешь ли съ нами по гривнѣ? сказалъ онъ, постукивая нераспечатанными картами по столу.

— Вѣдь у васъ есть уже партія, Сергѣй Сергѣичъ.

— Не хватаетъ четвертаго.

— Настоящіе игроки предпочитаютъ въ троемъ.

— Да гдѣ же ты возьмешь настоящихъ? Вотъ ротмистръ Мамуринъ иначе не играетъ какъ въ бабскую, т. е. съ вистомъ.

— Пожалуй, если нужно я сыграю.

— И прекрасно! Только садись ужъ на двѣнадцать туровъ.

— Нельзя ли на шесть?

— Не въ моихъ правилахъ. Ты впрочемъ кажется не охотникъ до бабья.

— Танцую неохотно и тоже въ случаѣ надобности.

— Ей Богу, братъ, бостончикъ лучше. Записывайся-ко въ нашу партію, У насъ весело. Панъ маршалекъ знаетъ свое дѣло: уже приказано поставить намъ маленькій столикъ, а на немъ соорудить извѣстную тебѣ батарею.

— Т. е. ромъ, портеръ и шампанское?

— А какъ же иначе! Развѣ Рындаковъ можетъ существовать безъ трехъ единствъ? Ты присядь, а тѣмъ временемъ подойдетъ Лимаревъ, который раговариваетъ

съ полковникомъ, да надо еще подождать толстопузаго увальня.

— Ротмистра Мамурина?

— Онъ самый. Говоритъ, плохо пообѣдалъ, такъ пошелъ въ буфетъ пожевать чего нибудь.

— А надобно отдать ему справедливость, — онъ любитъ пожевать.

— Да какъ же ты хочешь? Вѣдь надобно наполнять чѣмъ нибудь такую мамону.

— Отростилъ, нечего сказать.

— Онъ и пьетъ не глупо, но много спитъ — вотъ что. Ты посмотри какого онъ послѣ обѣда задаетъ храповицкаго—страхъ!

— Значитъ придется подождать.

— И подождемъ. Вотъ я заряжу свою мортиру, которой мнѣ хватитъ ровно на шесть туровъ, сказалъ Рындаковъ, сымая съ пуговицы большой кисетъ съ табакомъ и набивая огромную пѣнковую трубку съ серебряною крышкою.

Эта трубка, обшитая замшею, лежала обыкновенно у ногъ маіора, а длинный витой чубукъ позволялъ дѣйствовать со всѣми удобствами.

— Теперь пока мы свободны, Сергѣй Сергѣичъ, мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ.

— Напримѣръ, почтеннѣйшій?

— Обстоятельство немножко щекотливо, но какъ вы штабъ-офицеръ уважаемый въ полку и старожилъ въ немъ...

— Ну, ну, безъ предисловій.

— Вамъ извѣстно, что я стрѣляюсь съ Брязанцевымъ.

— Слышалъ. Да за какого вы чорта стрѣляетесь?

— По моему безъ всякой причины. Брязанцевъ вломился въ анбицію за то, что я защищалъ честь полка, а слѣдовательно и его собственную честь.

— Гмъ!

— Это было во время его дуэли съ Савловичемъ.

— Такъ.

— Когда Савловичъ далъ промахъ, Брязанцевъ не хотѣлъ стрѣлять.

— Благородно сдѣлалъ. Ну?

— Я вмѣшался, что нельзя же офицерамъ между собою шутить въ такомъ серьезномъ дѣлѣ.

— Т. е. ты, будь сказано между нами, попросту подстрекалъ.

— Какое же это подстрекательство, Сергѣй Сергѣевичъ? Разговоры должны быть до дуэли, а на мѣстѣ нечего толковать и говорить проповѣдь. Я это замѣтилъ, а Брязанцевъ меня вызвалъ.

— И я, чортъ возьми, сдѣлалъ бы тоже, сказалъ Рындаковъ, набивъ окончательно трубку.—Подержи мнѣ,

Ряполовъ, свѣчку, я закурю свою мортиру. Вотъ такъ! Ну, я тоже вызвалъ бы тебя, продолжалъ маіоръ, пуская струйку дыма.

— Да за что же?

— Гдѣ два бьются, третій не мѣшайся.

— Вы сами знаете полковые обычаи и прежде меня служите.

— Что жъ, надобно сказать правду, въ мое время рубились частенько, только рѣдко бывали серьезныя дѣла.

— Однако соблюдались приличія.

— А какъ же иначе, чортъ возьми.

— Видите ли? А у насъ въ полку бывали примѣры, что офицеры позволяли себѣ весьма рѣзкія выраженія оканчивавшіяся ничѣмъ.

— Надѣюсь не часто.

— Конечно не часто. Однако если не наблюдать за этимъ, то кто знаетъ до чего могутъ измѣниться старые обычаи. Вотъ въ—скомъ полку была же между офицерами потасовка.

— Слышалъ, только что-то плохо вѣрю. Впрочемъ кажется въ пѣхотѣ.

— Это все равно.

— Ну, нѣтъ атанде-съ, въ гусарахъ этого не случится.

— Я говорю къ тому, Сергѣй Сергѣевичъ, что на-

добно же кому нибудь стоять за благородныя преданія и наблюдать за сохраненіемъ обычаевъ.

— Должны всѣ наблюдать.

— Это невозможно. Заинтересованные забываются, ихъ пріятели то жс, надобно же кому нибудь быть безпристрастнымъ.

— Это вѣрно. Но чего ты собственно хочешь, чтобъ я помирилъ тебя съ Брязанцевымъ, что ли?

— Мириться не въ моихъ правилахъ.

— Такъ что же я могу?..

— А вотъ что. Вы, какъ вліятельный штабъ-офицеръ могли бы внушить товарищамъ и самому Брязанцеву, что Ряполовъ дѣйствуетъ честно въ интересахъ полка.

— Изволь, но какая тебѣ будетъ отъ этого польза, если Брязанцевъ тебя изуродуетъ.

— Пусть изуродуетъ, а можетъ быть я и самъ искалѣчу его, но только все-таки пусть знаетъ, что — скіе гусары дорожатъ своимъ мундиромъ.

Ряполовъ говорилъ съ жаромъ. Рындаковъ слушалъ его внимательно, постукивая мѣлкомъ по столу.

— Ты правъ, Ряполовъ, сказалъ онъ наконецъ: — передъ дуэлью ораторствуй сколько хочешъ, а на барьерѣ стой, пе сморгнувъ глазомъ.

Ряполовъ одушевился.

— Я и во время дуэли согласенъ на мировую сдѣлку, Сергѣй Сергѣевичъ, но слѣдуетъ дѣлать все сообразно съ принятыми обычаями. Если неопытный товарищъ послѣ промоха готовъ мириться на самыхъ унизительныхъ условіяхъ, надобно же, чтобъ кто нибудь вразумилъ его.

— Такъ оно вотъ что!

— Разумѣется.

— Я и не зналъ подробностей. Савловичь конечно мальчишка, а другіе?

— Другимъ что!

— Впрочемъ они помирились честно.

— Объ этомъ никто не споритъ. И при моемъ вмѣшательствѣ произошло бы то же самое, только были бы строго соблюдены приличія.

— Ты педантъ, братъ Ряполовъ, по этой части— вотъ я что тебѣ скажу. Я переговорю, я исполню твое желаніе.

— Этого мнѣ только и нужно. Стрѣляться я не прочь.

— Незабудь только для куражу стаканъ рому.

— Можно и безъ рому.

— Ну, не говори этого. Передъ боемъ чувствуется какая-то невольная дрожь въ тѣлѣ, а какъ хлебнешь ямайскаго, такъ желудокъ у тебя согрѣется и внутри чувствуется какая-то благодать. Это вѣрно. Однако, чортъ

возьми, гдѣ же Мамуринъ и Лимаревъ — пора бы за босточникъ.

— Подойдутъ.

— Скучно такъ сидѣть, сложа руки. Хоть бы строили скорѣе батарею. Ряполовъ, ты помоложе, сходи-ка въ буфетъ, потороци Мамурина и напомни кстати буфетчику, чтобъ исполнялъ маршальское приказаніе.

— Извольте Сергѣй Сергѣичь, сказалъ Ряполовъ и направился къ буфету.

Наконецъ гусары отпировали въ окрестности и завершивъ на Крещенье шумнымъ баломъ у одного ближайшаго къ штабу помѣщика, разъѣхались по своимъ стоянкамъ. Между молодежью не произошло ничего особеннаго. Графини Лодоновскія плѣнили нѣсколько вакантныхъ сердецъ, но безъ серьезныхъ послѣдствій, и большинство прежнихъ волокитствъ осталось in statu quo, такъ что отношенія молодыхъ людей мало измѣнились. Савловичъ блаженствовалъ и даже помышлялъ о супружествѣ, потому что родные Молачанской смотрѣли на привязанность дочери весьма благосклонно, тѣмъ болѣе, что женихъ имѣлъ отличное, независимое состояніе. Брянцевъ слегка ухаживалъ за многими, слегка бѣсилъ

младшую Лодоновскую, пилъ исправно съ товарищами, которые больше и больше привязывались къ нему, потому что дѣйствительно онъ былъ человѣкъ чрезвычайно симпатичный. Каламатовъ, который въ день самаго поединка узналъ всѣ подробности отъ полковаго адъютанта не могъ не высказать одобренія поступку Брязанцева и выразился, что еслибъ было побольше подобныхъ офицеровъ, то общесвто рѣдко прибѣгало бы къ дуэлямъ, которыя, по его мнѣнію, могли быть необходимы только въ крайнихъ случаяхъ. Конечно, при этомъ ему сообщили и о предполагавшемся поединкѣ между Брязанцевымъ и Ряполовымъ, но полковникъ взялъ съ адъютанта честное слово молчать объ этомъ сообщеніи и интимно даже высказалъ желаніе видѣть какъ пугнутъ Ряполова. Каламатовъ разгадалъ послѣдняго, можетъ быть, лучше нежели кто бы то ни было и задалъ себѣ задачу, при удобномъ случаѣ отдѣлаться отъ него, во-первыхъ, какъ отъ человѣка, служившаго постояннымъ подстрекателемъ, во-вторыхъ и по эгоистическому желанію полковаго командира видѣть въ полку меньше исторій. При томъ же Каламатовъ, самъ зналъ и слышалъ, что Ряполовъ никогда ни съ кѣмъ не стрѣлялся и не рубился, между тѣмъ не происходило ни одной дуэли, въ которой этотъ человѣкъ не принималъ бы косвеннаго участія. Самъ опытный рубака, онъ встрѣчалъ въ жизни подобные характе-

ры и у него къ нимъ не лежала душа, какъ не лежала она къ нимъ и у всѣхъ, кто могъ, не увлекаясь предразсудками, раскусить человѣка.

Рындаковъ, какъ мы видѣли, былъ совершенно другого мнѣнія; онъ въ сущности не былъ сторонникомъ поединковъ, но искренно вѣрилъ въ ихъ необходимость, и былъ убѣжденъ въ призваніи Ряполова оберегать нравственные интересы полка, такъ какъ ихъ полкъ гордился своими преданіями, а въ исторіи полка не встрѣчалось припримѣра, чтобъ какое бы то ни было пятно лежало на мундирѣ не омытое кровью. Притомъ не Рындаковъ особенно въпослѣднее время сдѣлавшись *атаманомъ мировыхъ*, какъ его называли, втянулся въ новую свою обязанность, которую исполнялъ добросовестно, и даже полюбилъ затѣвавшіяся дуэли, разумѣется съ условіемъ свести противниковъ на честный миръ, а потомъ заложить и возвести монументное зданіе. На балѣ у маршала Ряполовъ игралъ въ бостонъ съ Рындаковымъ и какъ слабый игрокъ проигралъ порядочную сумму, что привело маіора въ восторгъ, ибо давно ему уже не случалось видѣть курьезныхъ ремизовъ, въ особенности грандъуверта съ пятью кадилями, которымъ Ряполовъ заключилъ послѣдній туръ. Рындакову хотѣлось завербовать подобнаго бостониста въ свою партію и потому онъ ближе къ сердцу принялъ его дѣло съ Брязанцевымъ и въ

качествѣ любимаго вліятельнаго штабъ-офицера, началъ дѣйствовать въ его пользу. Онъ даже устроился ночевать въ одной комнатѣ съ Брязанцевымъ, котораго между прочимъ просилъ обьяснить ему настоящіе мотивы предположенной дуэли. Брязанцевъ разказалъ откровенно въ чемъ дѣло и выразился въ томъ смыслѣ, что люди, подобные Ряполову, вредны въ полку для молодежи, и что такихъ офицеровъ слѣдуетъ отъучать отъ подстрекательства. Ошеломленный этимъ отвѣтомъ Рындаковъ не нашелся что сразу сказать, а такъ какъ онъ рѣшился твердо оправдать своего кліента то, помолчавъ съ минуту, спросилъ у Брязанцева его мнѣніе относително дуэлей.

Брязанцеяъ удовлетворилъ его желаніе и высказалъ прямо свой взглядъ на это дѣло.

— Я признаю необходимость дуэлей, но только въ серьезныхъ случаяхъ, заключилъ онъ: — а драться изъ-за пустяковъ считаю глупостью.

— Ну, а съ Ряполовымъ ты дерешься не изъ-за пустяковъ, любезнѣйшій?

— Это другое дѣло, Сергѣй Сергѣевичъ.

— Отчего другое дѣло?

— Онъ явно подстрекалъ насъ съ Савловичемъ, когда дѣло естественно клонилось къ миру. Этого мало. Я не позволилъ бы себѣ никогда разъузнавать въ какой мѣрѣ онъ подстрекалъ Савловича, но послѣдній самъ по нео-

пытности проговорился, и я убѣжденъ въ скверномъ направленіи Ряполова.

— Э, почтеннѣйшій, ты у насъ недавно въ полку и нашихъ обычаевъ не знаешь.

— Позвольте, Сергѣй Сергѣичь! Я совершенно съ вами согласенъ, что въ полку служу недавно, но позвольте вамъ замѣтить, что принципы благородства и военной чести вездѣ одни и тѣже. Я уже и стрѣлялся и рубился на вѣку, я уже доказалъ, что не боюсь смерти. И вдругъ мнѣ замѣчаютъ, что я боюсь послѣдствій поединка, когда я выдержалъ выстрѣлъ.

— Это было неловко, Брязанцевъ: но ты прими, братъ, во вниманіе, что Ряполовъ всегда горячо стоитъ за честь полка, и что въ такихъ случаяхъ можно погорячиться, увлечься..

— Слово не воробей. А человѣкъ, который такъ щекотливъ къ чести полка, человѣкъ взвѣшивающій у другихъ даже оттѣнокъ выраженія, долженъ быть самъ безукоризненъ и притомъ щекотливъ въ высшей степени.

— Все это такъ, дражайшій, да если не будетъ никого, кто наблюдалъ бы за этого рода дѣлами, то можетъ выйдти неладно.

— Я не вижу надобности въ подобныхъ наблюдателяхъ, каждый офицеръ долженъ умѣть вести себя: если молодежь ошибается, есть старые офицеры, какъ вы, ува-

жаемый Сергѣй Сергѣичь, и другіе, которые не откажутся вразумить.

— Это вѣрно. А все, братъ, не хотѣлъ бы, чтобъ товарищи рисковали жизнью, калѣчествомъ, солдатскою лямкою.

— Я понимаю, Сергѣй Сергѣичъ, вы хотите примирить меня съ Ряполовымъ. Что жъ, я не прочь.

— Ну?

— Пусть извинится передо мною въ присутствіи всѣхъ свидѣтелей.

— Пусть извинится! Трудновато.

— Но вѣдь не мнѣ же извиняться и не я же откажусь отъ дуэли, въ которой теперь мы съ Ряполовымъ не отъ себя зависимъ.

— Такъ, какъ, Брязанцевъ, тутъ нечего говорить, дуэль должна состояться, чортъ возьми. Но видишь ли, на самомъ мѣстѣ можно бы покончить.

— Ну нѣтъ, Сергѣй Сергѣичъ, если Ряполовъ дастъ промахъ, я ручаюсь вамъ, что ему не поздоровится.

— А какъ тебя царапнетъ?

— Если на мѣстѣ, что дѣлать, а не убьетъ...

— Э, Брязанцевъ, я не думалъ, чтобъ ты былъ такой кровожадный.

Брязанцевъ засмѣялся.

— Кто же вамъ сказалъ, что я кровожадный? Бу-

демъ говорить серьезно: развѣ же Ряполовъ не оскорбилъ меня?

— Онъ погорячился.

— А еслибъ я увлекся напримѣръ и погорячившись упрекнулъ васъ въ трусости при товарищахъ.

— Что-о?

— Еслибъ я упрекнулъ васъ въ трусости при свидѣтеляхъ?

— Стрѣлялся бы со мною черезъ платокъ.

— Вотъ видите!

— Правда, чортъ возьми! А Ряполовъ не попроситъ извиненія.

— Мнѣ и не нужно.

— Я только говорю, что Ряполовъ усердно преданъ полку. Годъ тому назадъ, одинъ драгунъ обидѣлъ нашего корнета, а корнетикъ, знаешь, сконфузился и готовъ былъ проглотить обиду; но Ряполовъ вступился, подбодрилъ молодца, этотъ вызвалъ драгуна и обрубилъ ему пальцы. Мы всѣ пили за его здоровье и качали на рукахъ.

— Все это прекрасно, но никакая заслуга не даетъ права оскорблять другихъ.

— Съ тобою, какъ вижу пива не сваришь.

— Въ этомъ случаѣ не сварите, Сергѣй Сергѣичъ.

Ряполовъ пробовалъ заговаривать со стариками товарищами. Большинство послѣднихъ было за него, но ни-

кто не подалъ даже и вида къ прекращенію дуэли, для которой былъ уже назначенъ день и выбрано мѣсто.

Наканунѣ, вечеромъ Малтѣевъ зашелъ къ Савловичу условиться о нѣкоторыхъ подробностяхъ.

— Ну что, какъ твой пріятель? спросилъ Савловичъ.

Малтѣевъ, исповѣдывавшій въ тайнѣ одни принципы съ Ряполовымъ, не могъ однакожъ не высказать правды.

— Да чортъ его знаетъ, отвѣчалъ онъ:—что-то носъ повѣсилъ.

— Струхнулъ?

— Этого не думаю, а куда дѣвалась прежняя энергія.

— Что тутъ толковать! Кому пріятно подвергать жизнь опасности.

— Кто-жъ ему виноватъ?

— Разумѣется никто. Онъ положительно оскорбилъ Брязанцева.

— Пожалуй и тотъ не веселъ, вѣдь первый выстрѣлъ принадлежитъ Ряполову.

— Какъ благородный офицеръ могу тебя увѣрить, что ни въ одномъ глазѣ. Недальше какъ сегодня послѣ обѣда шутилъ и предлагалъ мнѣ свою собаку въ наслѣдство, если его убьетъ Ряполовъ.

— А вѣдь все можетъ случиться, Савловичъ.

— Чѣмъ чортъ не шутитъ. Я все думаю—нельзя ли примирить. Скажу между нами—у меня душа не лежитъ

къ Ряполову, но какъ подумаю, что я тутъ виною, такъ неловко.

— Ничего не подѣлаешь, Брязанцевъ гусь, съ нимъ шутки плохи.

— Сказалъ бы Ряполовъ, что погорячился.

— Онъ этого не сдѣлаетъ.

— Но мы все-таки попытаемся завтра на мѣстѣ.

— Это наша обазанность. Впрочемъ фраза о примиреніи неболѣе какъ официіальная фраза.

Такъ разстались секунданты, условившись о подробностяхъ и приказали фельдшеру быть готовымъ къ осьми часамъ утра.

На поединокъ Брязанцева съ Ряполовымъ, кромѣ необходимыхъ лицъ, т. е. свидѣтелей, пріѣхало и нѣсколько постороннихъ, которыхъ удалять было неловко, какъ маіоръ Рындаковъ и ротмистръ Стояровъ — первый, въ качествѣ общаго дядьки, второй, пользовавшійся славою извѣстнаго дуэлиста.

Противники сошлись въ одно почти время въ уединенномъ мѣстѣ въ лѣсу, близъ кладбища, въ сторонѣ отъ всякой проѣзжій дороги. Человѣкъ десять гусаръ отлично расчистили площадку и получили на водку съ приказаніемъ пропить деньги въ придорожной корчмѣ, верстахъ въ трехъ отъ штаба, изъ предосторожности, чтобъ не проболтались.

Брязанцевъ по обычаю былъ веселъ, любезенъ и не выходилъ изъ нормальнаго положенія. Напротивъ Ряполовъ явился блѣдный, съ помутившимися глазами, какъ человѣкъ, перенесшій сильное моралное потрясеніе. Сколько ни старался онъ ободриться, но каждому было очевидно, что притворство это не могло прикрыть внутренняго волненія. Ряполовъ, для приданія себѣ бодрости, по совѣту Малтѣева, выпилъ стаканъ водки, и эта искуственная поддержка храбрости вмѣсто того, чтобъ дѣйствительно влить ему въ душу отвагу, подѣйствовала въ противоположномъ смыслѣ. При сильно возбужденной нервной системѣ, водка не оказала ни малѣйшаго вліянія на возбужденіе воинственнаго жара, и усилила только естественную трусость. Онъ глубоко раскаявался въ своей неосторожности и дорого далъ бы, чтобъ взять назадъ роковую фразу, сказанную имъ Брязанцеву.

Когда все было готово и секунданты зарядили пистолеты, Рындаковъ обратился къ послѣднимъ:

— Ну, что братцы, исполнили-ль вы свое дѣло, склоняли-ль противниковъ къ миру?

— Какой тутъ миръ, Сергѣй Сергѣичь, отозвался Малтѣевъ—Брязанцѐвъ и слышать не хочетъ.

Ряполовъ вздрогнулъ.

— Извини, Малтѣевъ, перебилъ Савловичъ:—не да-

лѣе какъ четверть часа назадъ Брязанцевъ высказалъ мнѣ намѣреніе, что онъ не прочь помириться.

— На какихъ условіяхъ?

— Стоитъ Ряполову извиниться.

Взоры всѣхъ невольно обратились къ послѣднему.

— Я не могу сдѣлать этого, проговорилъ Ряполовъ глухимъ голосомъ.

— Савловичъ! къ чему тратить слова на воздухъ, отозвался Брязанцевъ, снимая шинель:—мы вѣдь не мальчишки.

Малтѣевъ выпрямился.

— Господа, сказалъ онъ:—наша обязанность съ Савловичемъ предложить миръ передъ боемъ. Ряполовъ и Брязанцевъ, не угодно ли вамъ помириться?

Отвѣта не послѣдовало.

— Братцы! воскликнулъ подходя Рындаковъ:—можно ли старому рубакѣ, безъ оскорбленія васъ, сказать нѣсколько словъ.

— Говорите, Сергѣй Сергѣичь.

— Друзья мои, обратился маіоръ къ противникамъ:—я бывалъ не разъ въ передѣлкахъ, и теперь не прочь перевѣдаться съ кѣмъ угодно. Посѣдѣлъ я, братцы, въ бояхъ и на бивуакахъ, видѣлъ кровь на себѣ и на другихъ, но не могъ закалить своего сердца до безчувствія. Вы деретесь за оскорбленіе чести одного изъ васъ—дѣло

серьезное, спорить не стану. Но послушайте! Вѣдь мало ли что иногда можетъ случиться между товарищами. Нельзя же ставить каждое лыко въ строку! Я все-таки скажу, что если Ряполовъ и погорячился, то именно потому, что слишкомъ уже ревностно охраняетъ интересы общества.

— А все же его выходка была неумѣстна, замѣтилъ Стояровъ.

— Потрудитесь замолчать, господинъ Стояровъ! раздался голосъ Малтѣева.

— Виноватъ.

— И такъ продолжалъ маіоръ: — мое мнѣніе такое, что помириться никогда не мѣшаетъ. Ряполовъ, ты не признаешь себя виноватымъ?

— Нѣтъ, проговорилъ Ряполовъ, сквозь зубы, скидая шинель, и затрясся какъ въ лихорадкѣ.

— Дистанція на двѣнадцать шаговъ, первый выстрѣлъ Ряполова, стрѣлять безъ команды, сказалъ Савловичъ, подавая пистолетъ Брязанцеву.

Малтѣевъ отмѣрилъ шаги и подалъ пистолетъ Ряполову. Противники стали на позицію.

— Ну чтожъ, Ряполовъ, твоя очередь! Команды не будетъ.

Ряполовъ, блѣдный какъ полотно, поднялъ пистолетъ, руки его дрожали.

— Братцы! крикнулъ Рындаковъ: — это уже будетъ не дуэль! Стойте! Ряполовъ, что съ тобою?

— Ничего, отвѣчалъ послѣдній, опуская пистолетъ: — голова закружилась.

— Господа, сказалъ Брязанцевъ серьезно, но безъ высокомѣрія: — я знаю что это такое. Господинъ Ряполовъ никогда не бывалъ на дуэли, и это чувство весьма естественно.

— Какъ! вы полагаете, что онъ струсилъ? строго спросилъ Малтѣевъ.

— Я этого не говорю, а вы лучше потрудитесь спросить у г. Ряполова что съ нимъ.

Но Ряполовъ уронилъ пистолетъ и зашатался. Малтѣевъ и Стояровъ бросились поддержать его.

— Что съ тобою.

— Мнѣ дурно, бормоталъ онъ, — и на глазахъ блеснули слезы...

Кликнули фельдшера. Когда развязывали галстухъ Ряполову и дали понюхать нашатырнаго спирту, онъ пришелъ въ себя.

— Не выпилъ ли ты для куражу? спросилъ Малтѣвъ.

— Выпилъ стаканъ водки.

— Ну, и все объяснилось. Господа, какъ же быть?

— Сегодня нельзя стрѣляться, замѣтилъ Рындаковъ: — вѣроятно Брязанцевъ не будетъ противъ.

— Мнѣ все равно, господа, я свое дѣло сдѣлалъ. Какъ угодно товарищамъ, я могу даже взять свой вызовъ назадъ.

— Это невозможно, господинъ Брязанцевъ, сказалъ Малтѣевъ. — Дурнота можетъ случиться съ каждымъ, а оскорблять Ряполова нельзя, вѣдь онъ носитъ мундиръ нашего полка и у него есть секундантъ.

— Позвольте вамъ замѣтить, господинъ Малтѣевъ, что и Брязанцевъ носитъ мундиръ нашего полка и у него также есть секундантъ, возразилъ Савловичъ.—Дайте слово Ряполову, отъ него все зависитъ.

— Я... сегодня не... могу... я болѣнъ, проговорилъ Ряполовъ.

— Значитъ и толковать нечего, сказалъ Брязанцевъ.— Благодарю, Савловичъ, за дружбу, и васъ, господа свидѣтели. Мы сильно назяблись даромъ, а потому покорнѣйше прошу ко мнѣ погрѣться.

И онъ надѣлъ шинель.

Побѣдивъ обычную свою флегму, Рындаковъ выскочилъ на средину.

— Братцы, это скверное дѣло! сказалъ онъ.—Господинъ Ряполовъ болѣнъ сегодня, и я теперь убѣжденъ, что онъ никогда не выздоровѣетъ отъ своей болѣзни.

— Господинъ маіоръ Рындаковъ!... отозвался было Малтѣевъ.

— Господинъ штабсъ-ротмистръ Малтѣевъ, перебилъ маіоръ:—вамъ дѣлаетъ честь, что вы вступаетесь за своего кліента, и я готовъ дать вамъ, когда угодно, удовлетвореніе на сабляхъ, или на пистолетахъ; но я имѣю право высказать свое мнѣніе, когда поединокъ не состоялся.

Малтѣевъ молча поклонился. Ряполовъ стоялъ какъ приговоренный къ смерти, а фельдшеръ закутывалъ его въ шинель.

— Я говорю при васъ и повторю предъ всѣмъ полкомъ, что господинъ Ряполовъ не можетъ служить съ нами. Теперь я вижу какое значеніе для него имѣли интересы полка. Брязанцевъ, ты свободенъ. По нашимъ стариннымъ обычаямъ оскорбленіе, нанесенное тебѣ г. Ряполовымъ, какъ бы не существовало. Но если ты щекотливъ въ высшей степени, и считаешь, что твоей обиды не смыло сегодняшнее приключеніе, если ты можешь серьезно принять упрекъ въ трусости отъ офицера, еще носящаго нашъ мундиръ, то вызывай штабсъ-ротмистра Малтѣева или маіора Рындакова.

Старикъ выпрямился и смотрѣлъ открыто съ выраженіемъ величайшаго хладнокровія,

— Господа! отозвался Ряполовъ дрожащимъ голосомъ: — неужели я не могу... быть болѣнъ... серьезно?

— Не можете, сказалъ Рындаковъ, махнувъ рукою. — Еслибъ вы держались постоянно въ сторонѣ отъ дуэ-

лей, еслибъ не подстрекали молодежь, я повѣрилъ бы вашей болѣзни.

— Мнѣ лучше... я готовъ сейчасъ...

— Но Брязанцевъ не будетъ стрѣляться.

— Такъ что жъ это значитъ?

— Господа! воскликнулъ Брязанцевъ: мнѣ остается только заявить вамъ, что я беру назадъ свой вызовъ отъ господина Ряполова.

— И дѣло съ концомъ! сказалъ Рындаковъ. — Ѣдемъ къ Брязанцеву.

Всѣ отправились молча къ экипажамъ, а Малтѣевъ, который пріѣхалъ въ саняхъ Ряполова, выпросилъ себѣ мѣсто у Стоярова.

На плацу остались только Ряполовъ съ фельдшеромъ, но и тѣ скоро пустились вслѣдъ за прочими офицерами.

Послѣдствія неудавшагося поединка были очень важны для общества—скаго гусарскаго полка, потому что большинство офицеровъ увидѣло разладъ между многими принципами на словахъ и на дѣлѣ. Ряполовъ доказалъ это живымъ примѣромъ, и всѣ его сторонники разомъ отшатнулись отъ пламеннаго ревностнаго оберегателя общественныхъ интересовъ. Полковой командиръ, которому Рындаковъ буквально передалъ все происшествіе, всегда недолюбливалъ Ряполова и придравшись къ этому случаю,

созвалъ всѣхъ своихъ офицеровъ на пышный обѣдъ съ цѣлью установить нѣкоторыя тормазы для устраненія частыхъ поединковъ.

Обѣдъ былъ великолѣпный. Передъ жаркимъ, когда еще винные пары не отуманили гостей, когда только напѣнились первые бокалы шампанскаго, Каламатовъ всталъ и провозгласилъ за здоровье полка, обратился съ краткою, но довольно толковою рѣчью къ своимъ офицерамъ. Онъ началъ съ того, что разсказалъ о полковыхъ обычаяхъ во время своей молодости, упомянулъ о томъ, что самъ рубился и стрѣлялся, нерѣдко за пустяки, выставилъ на видъ опасность, которой постоянно подвергались поединщики, и заявилъ, что самъ не прочь ходатайствовать за виновныхъ, если дуэль происходитъ по уважительнымъ причинамъ, которыя чрезвычайно рѣдки. Но онъ энергически высказался противъ поединковъ, которые возбуждались искуственно, безъ особыхъ поводовъ, возбуждались немногими лицами, носившими названіе подстрекателей, выразилъ надежду, что у него въ полку, съ удаленіемъ Ряполова, не будетъ больше печальныхъ столкновеній. Все общество, за исключеніемъ весьма немногихъ, отвѣчали дружнымъ ура, да и эти немногіе не смѣли явно обнаружить своей опозиціи.

— Господа, заключилъ полковникъ, когда смолкли шумные клики:—я считаю обязанностью при этомъ бла-

гопріятномъ случаѣ высказать одну свою задушевную мысль, которую давно уже хотѣлъ передать. Новый сослуживицъ нашъ и лихой товарищъ, поручикъ Брязанцевъ, по прибытіи въ полкъ, встрѣтилъ не совсѣмъ благопріятный пріемъ отъ общества господъ офицеровъ. Послѣдствія доказали, что поручикъ Брязанцевъ человѣкъ вполнѣ благородный и заслуживающій полнаго уваженія. Поступокъ его съ Савловичемъ, что мнѣ извѣстно досконально, и поведеніе его относительно Ряполова служитъ тому самымъ лучшимъ доказательствомъ. Господа! Я предлагаю здоровье поручика Брязанцева и за искренній пріемъ его въ нашу братскую семью.

Всѣ съ громкими кликами одобренія осушили бокалы, а взволнованный Брязанцевъ всталъ, поблагодарилъ полковаго командира и товарищей, поднялъ бокалъ и предложилъ тостъ за процвѣтаніе полка, который онъ считалъ своимъ роднымъ полкомъ, не смотря на недавнее пребываніе. Онъ прибавилъ откровенно, что его сперва огорчала незаслуженная холодность товарищей, но что сердце его радовалось, когда постепенно исчезала эта холодность и какъ гг. офицеры нечувствительно сближались съ нимъ.

— Я считаю своею священною обязанностью, сказалъ онъ въ заключеніи: — поблагодарить нашего достойнаго полковаго командира и всѣхъ гг. офицеровъ и заявить,

что готовъ пожертвовать жизнью за честь полка вообще и за каждаго товарища отдѣльно.

Раздалось громкое ура, въ которомъ не участвовали лишь нѣсколько голосовъ, и въ особенности Малтѣевъ какъ-то не дружелюбно смотрѣлъ на Брязанцева.

Тутъ же Каламатовъ сообщилъ, что онъ видѣлся съ Ряполовымъ, которому предложилъ подать въ отставку и который просилъ позволенія подать переводъ.

— Я ему, господа, предоставилъ убираться куда угодно, только не въ гусары, прибавилъ Каламатовъ съ улыбкою.

— И прекрасно сдѣлали замѣтилъ Рындаковъ. — А знаете, братцы, я самъ до этаго времени ошибался въ Ряполовѣ и считалъ его хорошимъ офицеромъ, между тѣмъ какъ это чистая поджога.

— Господа молодежь, сказалъ Каламатовъ:—вотъ вамъ урокъ. Вы порою готовы драться съ лудшимъ пріятелемъ изъ за того только, что какой нибудь Ряполовъ жужжитъ въ уши объ оскорбленіи чести, о необходимости смыть кровью обиду и т. д., когда никто не оскорблялъ вашей чести и не наносилъ обиды. И всѣ эти исторіи изъ за какой нибудь юбки, которая вильнула хвостомъ не въ ту сторону.

Многіе засмѣялись.

— Конечно это смѣшно, продолжалъ полковникъ энер-

гичнѣе:—но совсѣмъ не смѣшно, когда молодой, полный силъ молодой человѣкъ стоитъ передъ дуломъ пистолета, готовый за здорово живешь разстаться съ жизнью. Ну скажите откровенно, поручикъ Котинцевъ, имѣли-ль вы намѣреніе стрѣляться за свою поповну?

— Дѣло не стоило выѣденнаго яйца, полковникъ, сказалъ онъ:—и еслибъ не Ряполовъ...

— Довольно. Ну, а вы, Савловичъ, счастливый обожатель хорошенькой Молочанской?

Савловичъ покраснѣлъ въ свою очередь.

— Я, полковникъ, погорячился и немедленно созналъ свою ошибку. Еслибъ не Ряполовъ...

— Довольно. Будь вашъ противникъ горячка, онъ теръ бы солдатскую лямку, а вы лежали бы на кладбищѣ.

— А Ряполовъ былъ бы въ сторонѣ, замѣтилъ кто-то.

— Теперь вы, поручикъ Брязанцевъ, разскажите откровенно о своихъ дуэляхъ.

— Мнѣ приходилось стрѣляться и рубиться по очень серьезному поводу, но раза два я выходилъ на дуэль, чисто по пустякамъ, потому что у насъ въ полку были свои поджигатели.

— Вездѣ они есть, господа! Цѣль сегодняшняго обѣда, за посѣщеніе котораго очень вамъ благодаренъ: сблизить васъ тѣснѣе и предохранить на будущее время отъ печальныхъ столкновеній. Говорю не какъ полковой ко-

мандиръ, а какъ Иванъ Ивановичъ Каламатовъ, что никогда не заикнусь противъ дѣла, гдѣ серьезно затронута честь офицера, и еслибъ кто изъ васъ сегодня же послѣ обѣда стрѣлялся за оскорбленіе, я самъ готовъ ѣхать на выручку хоть къ корпусному командиру. Но предваряю, что дуэль за пустяки, которая разумѣется лежитъ на совѣсти тѣхъ, кто не хочетъ примирить противниковъ или подстрекаетъ ихъ, буду строго преслѣдовать, просто отдамъ весь персоналъ подъ судъ. Впрочемъ я увѣренъ, что мои офицеры не доведутъ себя до этаго.

— Ура, Иванъ Ивановичь! ура! раздалось въ залѣ и пиръ продолжался до вечера.

Изъ всего полка собственно подстрекателемъ можно было назвать, за исключеніемъ Ряполова, одного только штабсъ-ротмистра Малтѣева, который однакожъ послѣ недавняго примѣра далъ себѣ слово дѣйствовать какъ можно осторожнѣе и затаивъ злобу на Брязанцева рѣшился выжидать какого нибудь благопріятнаго случая, чтобъ отмстить ему достойнымъ образомъ. Онъ не былъ особенно друженъ съ Ряполовымъ, но встрѣчая въ немъ однородныя стремленія, невольно поддерживалъ его, даже можетъ быть сознавая и въ себѣ такое же отсутствіе отваги. Впрочемъ годъ тому назадъ онъ рубился съ однимъ драгуномъ и царапнулъ противника по головѣ, что хотя не повело не къ какимъ печальнымъ результатомъ, од-

нако пріобрѣло ему нѣкоторое значеніе въ глазахъ молодежи. На мѣсто боя онъ явился не совсѣмъ храбро и только выдержалъ характеръ потому, что противникъ его не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о фехтованьи. Былъ еще въ шестомъ эскадронѣ поручикъ Сульковскій, любившій дѣйствовать изподтишка, разжигать споры, и пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ Ряполова, но этотъ въ послѣднее время пристрестился къ системѣ Рындакова и не могъ еще привыкнуть къ соединенію рома съ портеромъ, такъ что съ утра не вязалъ уже лыка.

Всѣ офицеры разомъ отшатнулись отъ Ряполова, который, оборвавшись такимъ плачевнымъ образомъ, рѣшился уѣхать въ отпускъ и дома ожидать перевода. Каламатовъ немедленно изъявилъ готовность отпустить его на всѣ четыре стороны.

Ряполовъ ни съ кѣмъ собственно не былъ въ дурныхъ отношеніяхъ, а у молодежи пользовался даже нѣкоторымъ расположеніемъ, потому что ссужалъ иныхъ деньгами. Уѣзжая изъ полка, ему все-таки хотѣлось попрощаться кое съ кѣмъ, хотя при встрѣчѣ съ нимъ всѣ офицеры отворачивались. Пользуясь случаемъ, что нѣкоторые изъ товарищей были ему должны, онъ рѣшился посѣтить ихъ, но и тутъ осѣкся: его встрѣтили очень холодно, ему не протянули руки, и въ предупрежденіе дальнѣйшихъ разговоровъ обѣщали на другой день рас-

платиться. И дѣйствительно даже юнкера поторопились занять кто у казначея, кто у товарищей, кто у евреевъ и поспѣшили расплатиться.

Положеніе Ряполова было ужасное. Хотя, какъ мы видѣли, онъ тщетно добивался господствующаго вліянія, однако все-таки успѣлъ заслужить нѣкоторую извѣстность, а ни одна исторія не происходила безъ его вмѣшательства, которое многими даже вмѣнялась ему въ заслугу. Ряполовъ очень хорошо зналъ, что онъ трусъ, что спасуетъ при каждомъ серьезномъ столкновеніи, но умѣлъ всегда изворачиваться, отклоняя отъ себя возможность быть притянутымъ къ отвѣту. И все ему сходило благополучно до пріѣзда Брязанцева, потому что составъ общества сложенъ былъ весьма благопріятно для цѣлей Ряполова, составъ на половину изъ стариковъ, любившихъ выпить и поиграть въ карты, и изъ неопытной молодежи, занятой легкими волокитствами и при столкновеніяхъ вѣрьвшей ему на слова, такъ что point d'honneur опредѣлялся немногими и именно господами въ родѣ Ряполова, Малтѣева. Въ дѣла этого рода старые рубаки вмѣшивались въ такомъ только случаѣ, когда столкновенія совершались у нихъ на глазахъ, или когда заинтересованныя стороны обращались къ нимъ не посредственно, а большею частью поединки устраивались при помощи подстрекательства услужливыхъ индивидуумовъ. Къ счастью, серьезныхъ дѣлъ не

было, и ссоры оканчивались легкими ранами къ величайшему сожалѣнію тѣхъ, кто жаждалъ болѣе трагическаго исхода, и къ величайшему удовольствію маіора Рындакова, который устраивалъ блистательную мировую.

Малтѣевъ, державшійся до сихъ поръ на счету хорошаго товарища, хотя по секретнымъ своимъ тенденціямъ и не заслуживалъ этого, понялъ послѣ катастрофы съ Ряполовымъ и тѣмъ болѣе послѣ полковницкаго обѣда, что настроеніе общества повернуло на прямую дорогу, и что долго не предвидѣлось возможности мутить молодыхъ офицеровъ. Причину этого поворота онъ приписывалъ Брязанцеву и искренно возненавидѣлъ его, боясь вмѣстѣ задѣть его открыто, потому что человѣкъ съ подобнымъ характеромъ и при окружавшихъ его условіяхъ стоялъ внѣ всякихъ ухищреній со стороны самаго искуснаго подстрекателя. Малтѣевъ рѣшился замаскировать себя на нѣкоторое время, но зорко высматривать, поджидать малѣйшаго случая, который далъ бы ему возможность сбить спѣсь съ „петербургскаго выскочки". Здѣсь уже дѣло шло не объ удовлетвореніи страсти къ интригамъ, а просто о личномъ мщеніи къ человѣку, который пробывъ „безъ году недѣлю" въ полку, съумѣлъ поставить себя на такую ногу, что все вліяніе могло перейдти къ нему въ руки. Надъ уничтоженіемъ этого возраставшаго вліянія Малтѣевъ работалъ вмѣстѣ съ Ряполовымъ и поручикомъ

Сульковскимъ, какъ вдругъ замыслы ихъ оборвались и только что начатая работа рухнула самымъ печальнымъ образомъ. Ряполовъ однакожъ попался столь безславно, что самъ Малтѣевъ долженъ былъ прервать съ нимъ сношенія, если не по принципу, то изъ боязни общественнаго мнѣнія, и показалъ Ряполову холодность наравнѣ съ другими товарищами. Кончилось тѣмъ что Ряполовъ не могъ никуда появиться, ибо если даже онъ заходилъ въ трактиръ, то офицеры и юнкера удалялись вонъ, а при встрѣчѣ на улицѣ, на его привѣтствіе никто не прикасался къ козырьку фуражки. Одинъ только полковой священникъ принималъ его, да заходилъ къ нему фурштатскій офицеръ, служившій прежде въ полку вахмистромъ, даже—штабъ-лѣкарь, по своему понимавшій такъ называемыя дѣла чести, относился къ нему презрительно.

Ряполову оставалось только уѣхать. Онъ такъ и рѣшился, но поручилъ фактору продать форму; лошадей онъ хотѣлъ увести съ собой. Въ формѣ изъ офицеровъ никто не нуждался, а юнкерамъ, готовившимся къ производству, было внушено, что надѣть мундиръ Ряполова было бы по меньшей мѣрѣ щекотливо, и по этому всѣ старанія фактора оказались безполезными.

Накануне отъѣзда Ряполовъ рѣшился написать Малтѣеву записку, въ которой просилъ прежняго пріятеля

зайдти попрощаться. Малтѣевъ сперва было хотѣлъ отвѣчать лаконическимъ отказомъ на словахъ, а потомъ велѣлъ деньщику передать, что придетъ вечеромъ. Ряполовъ ожидалъ его за самоваромъ. Но подлѣ стояли ромъ и шампанское.

Часу въ осьмомъ зашелъ къ нему Малтѣевъ. Прежніе пріятели молча протянули руки другъ другу и усѣлись за столъ.

— Хочешь трубку, Малтѣевъ?

— Хорошо.

— Эй, человѣкъ, трубку!

— А чаю?

— Давай и чаю.

Стаканы были налиты, деньщикъ вышелъ.

— Малтѣевъ! Неужели и ты противъ меня?

Отвѣта не послѣдовало.

— Спиридонъ! Развѣ такъ поступаютъ друзья?

— Согласись, Ряполовъ, что ты велъ себя какъ истинный школяръ.

— Эхъ, Спиридонъ, не тебѣ бы говорить, не мнѣ бы слушать! Понимаешь ты какъ жизнь дорога человѣку.

— Я, братъ, стоялъ на барьерѣ.

— Не съ драгуномъ ли? Да развѣ же не я былъ у тебя секундантомъ, да развѣ же я не знаю, что твой про-

тивникъ сабли въ рукахъ держать не умѣлъ. Помилосердуй.

— Всѣмъ извѣстно, что я рубился.

— Всѣмъ! А кому извѣстно, какъ ты провелъ ночь наканунѣ дуэли?

— Я былъ пьянъ и не помню...

— Во-первыхъ ты не былъ пьянъ, а во-вторыхъ очень хорошо помнишь. Ну, да не въ этомъ дѣло! Со мною случилось несчастье, котораго тебѣ не желаю, а тебѣ не слѣдовало бы такъ поступать съ пріятелемъ.

— Ряполовъ! Я пришелъ къ тебѣ прощаться, а не выслушивать упреки.

— Я тебѣ очень благодаренъ, но за что же обижать меня.

— Какой ты странный! Развѣ же тебѣ было бы пріятно, еслибъ меня протурили.

— Сохрани Богъ! но во всякомъ случаѣ, для виду ты могъ бы пренебрегать мною, а въ тихомолку все-таки сказалъ бы слово утѣшенія.

Малтѣевъ молчалъ.

— Вотъ видишь, Спиридонъ, что не хорошо сдѣлалъ. Не оправдывайся, Богъ съ тобою! А мнѣ жаль тебя, ты смотри, какъ можешь плохо кончить.

— Этотъ подлецъ Брязанцевъ!

— То-то, запляшете вы всѣ по его дудкѣ, и дуракъ Каламатовъ послѣдуетъ общему примѣру.

— Ну, умудримся какъ нибудь, не теперь, такъ въ четвергъ.

— Не хвались идучи на рать, Малтѣевъ.

— Подожди, произведутъ новенькихъ, есть у меня на примѣтѣ юнкерокъ.

— Конечно Дулебовъ.

— Онъ самый. Мальчикъ шустрый, и его не оплететъ Брязанцевъ.

— Не оплететъ.

— Дулебовъ очень самолюбивъ, и когда я въ шутку намекнулъ, чтобъ онъ взялъ себѣ за образецъ Брязанцева, малый покрутилъ головою и отозвался на его счетъ не совсѣмъ лестно.

— Вѣтрогонъ — вотъ что! Впрочемъ знаешь, Малтѣевъ, онъ очень ревнивъ, продолжтлъ Ряполовъ, воодушевляясь:—онъ очень ревнивъ. Вотъ тутъ бы подвести мину.

— Вполнѣ воспользуемся, Ряполовъ, и будь увѣренъ, что Брязанцеву не удастся вертѣть полкомъ на свой салтыкъ. Дай мнѣ время, дай мнѣ только подстеречь какую нибудь его зазнобу.

— Онъ кажется, не влюбчивъ.

— Чортъ его знаетъ! Показалось было, что ему нравится младшая Лодоновская.

— Не думаю.

— А еслибъ?

— Натравилъ бы живо.

— Тебѣ легко обдѣлывать эти дѣла.

— У меня уже есть...

Малтѣевъ остановился.

— Чтожъ ты замолчалъ.

— Такъ.

— Мнѣ можешь все говоритъ: вопервыхъ я завтра уѣзжаю на всегда, вовторыхъ я привязанъ къ тебѣ больше нежели ты стоишь.

— Видишь ли, Ряполовъ, у меня есть одинъ полячокъ, сынъ магната.

— А! этотъ бѣленькій, что у маршала увивался за графинькою.

— Этотъ бѣленькій, задера, братъ, порядочный. Займись только Брязанцевъ Лодоновскою, я ручаюсь, что устрою фейерверкъ.

— А въ самомъ дѣлѣ.

— Я узналъ подъ рукою, что полячокъ въ Варшавѣ рубился уже съ какимъ-то офицеромъ и досталъ по плечу, а другой разъ вызвалъ тоже поляка, но ихъ помирили.

— Вотъ что!

— Онъ очень богатъ, имѣетъ помѣстье въ Галиціи и на Волыни; гордъ, вспыльчивъ и тоже ревнивъ какъ турокъ.

— Ну, ревность не всегда.

— Нѣтъ всегда. А Савловича что привело къ дуэли?

— Не говори мнѣ о Савловичѣ, это дрянь естественная...

Ряполовъ замялся. Малтѣевъ незамѣтно улыбнулся.

— Такъ ты надѣешься на поляка?

— Буду ждать случая. Онъ и Дулебовъ, по моему выручатъ.

— Да, но не иначе какъ если Брязанцевъ будетъ ухаживать за графинею.

— Для поляка да, а Дулебова можно будетъ натравить и безъ всякаго ухаживанья. Впрочемъ кажется мнѣ, что Брязанцевъ изподтишка влюбленъ — это я замѣчаю такъ еще по догадкамъ...

— Мнѣ теперь что! мнѣ все равно, я не жилецъ въ полку, но недурно было бы, еслибъ хорошенько проучить этого выскочку Брязанцева.

— Насолить ему я и самъ считалъ бы за особенное удовольствіе, но чортъ возьми дѣйствовать надобно крайне осторожно.

Ряполовъ откупорилъ бутылку шампанскаго, и пріятели мигомъ осушили ее.

Я попрошу тебя, Малтѣевъ, ты напиши мнѣ, если въ случаѣ того...

— Чтожъ, можно и написать, только когда это будетъ и гдѣ въ то время искать тебя.

— А я увѣдомлю. О, еслибъ я остался въ полку, ужъ я поджегъ бы Дулебова...

— Могу и я это сдѣлать, только надо прежде чтобъ онъ надѣлъ эполеты, его должны произвести скоро. Я и то не зѣвалъ. Дулебова знаешь, самъ москвичъ, богатый малый, воспитывался тамъ въ лучшемъ пансіонѣ, болтаетъ по французски.

— Какъ бы то ни было, необходимо сбить Брязанцеву спѣсь и проучить его на порядкахъ. Повѣрь, Малтѣевъ, и я готовъ держать съ тобой пари, что всѣ наши, которые носятся съ нимъ теперь какъ съ писаною торбою, немедленно отъ него отхлынутъ, если только задать ему хоть маленькій урокъ. Вѣдь знаешь кого мы позабыли?

— Кого?

— Ротмистра Снѣжакова.

— Ты правъ. Снѣжаковъ терпѣть не можетъ петербургскихъ.

— Помнишь какъ онъ отработалъ того высокаго адъютанта.

— У меня онъ вышелъ изъ памяти. Пусть только прiѣдетъ въ полкъ, а ужъ мы его напустимъ.

— Вотъ какъ Снѣжаковъ зальетъ за галстухъ, ты и воспользуйся, а до того подготовь.

— Его и подготовлять нечего, онъ самъ накинется.

— А какъ онъ оборветъ немного Брязанцева, тогда и другимъ будетъ сподручнѣе.

Осушивъ еще бутылку, прiятели разстались наконецъ, но Малтѣевъ, уходя, все оглядывался—не видѣлъ ли его кто изъ товарищей.

На другой день Ряноловъ уѣхалъ изъ мѣстечка.

Настала весна теплая, южная, и къ Святой въ лѣсахъ и садахъ запестрѣли цвѣты, а деревья опушились молоденькими листьями. Гусары дѣятельно принялись за службу, приготовляясь къ полковому кампаменту, что однакожъ не мѣшало имъ разъѣзжать по окрестнымъ помѣщикамъ и курить; собираясь въ штабѣ, представлявшемъ болѣе удобствъ для офицерскихъ пирушекъ. Обѣдали обыкновенно у Каламатова, упражнялись въ фех-

товальной залѣ, а по вечерамъ собирались играть въ банкъ у кого нибудь изъ штабныхъ.

Графъ Лодоновскій жилъ открыто въ своемъ обширномъ селѣ, въ верстахъ тридцати отъ штаба, и въ палацѣ его, убранномъ со всею утонченною роскошью, всегда гостило нѣсколько человѣкъ, къ нему часто собирались сосѣди, и молодежь танцовала подъ звуки домашняго оркестра. Въ числѣ прочихъ въ Благодаровку (имѣніе графа) ѣздилъ и Брязанцевъ, котораго всѣ принимали чрезвычайно привѣтливо, какъ человѣка образованнаго и богатаго.

Меньшая Лодоновская грабянка Малгоржата, т. е. графиня Маргарита, брала перевѣсъ надъ сестрою не только по красотѣ, хотя и старшая была очень хорошенькая, но и по своему живому своеобразному характеру, выдвигавшему ее изъ ряда аристократическихъ дѣвицъ того времени. Онѣ съ сестрою воспитывались во Франціи въ какомъ-то знаменитомъ монастырѣ, но доканчивали свое образованіе въ Парижѣ, и съ годъ посѣщали лучшія гостиныя Сенъ-Жерменскаго предмѣстья. Весь строгій этикетъ большаго свѣта соблюдался безукоризненно въ домѣ графа, всѣ тогдашніе церемоніи какъ въ пріемѣ гостей, такъ и въ домашнемъ быту пользовались правомъ деспотическаго господства, и собиралось ли пятьдесятъ человѣкъ, или пять, все равно: хозяева и прис-

луга ни на іоту не отступала отъ принятыхъ приличій. Въ извѣстную пору, въ извѣстные часы жизнь текла по заведенному порядку, въ парадныхъ комнатахъ не прибавлялось и не убавлялось лишней свѣчки, ничто не измѣнялось въ сервировкѣ, столъ всегда былъ одинаковъ и подавались изысканныя вина. Старикъ графъ, потерпѣвъ какую-то неудачу въ Галиціи, переѣхалъ въ русское имѣніе и задумалъ сдѣлаться во что бы то ни стало губернскимъ маршаломъ. Въ то время, хотя польскіе паны и открыто выражали свою преданностъ отчизнѣ, но русскихъ военныхъ принимали почти вездѣ радушно, въ особенности люди честолюбивые, заискивавшіе у правительства. Графъ Лодоновскій мало того, что добивался мѣста губернскаго маршала, но по связямъ въ Петербургѣ хлопоталъ нельзя ли попасть ко двору и такимъ образомъ затмить своихъ австрійскихъ недоброжелателей. По этому случаю нѣкоторые галиційскіе паны корили его заискиваніемъ у Москвы, хотя въ то же время сами заяискивали у Вѣны, и старались повредить ему въ глазахъ —скаго дворянства; но послѣднее мало обращало вниманія на эти выходки, и чествовало Лодоновскаго какъ истаго магната. Графъ даже могъ объясняться немного по-русски, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, чѣмъ заслужилъ расположеніе старыхъ офицеровъ, плохо понимавшихъ по-польски и совсѣмъ не говорившихъ по-французски.

Молодежь бойко объяснялась по-польски на томъ основаніи, что прекрасный полъ не входя въ соображенія и тенденціи пола не прекраснаго и слышать не хотѣлъ о русскомъ языкѣ, предлагая съ готовностью знакомить офицеровъ съ польскимъ, и разумѣется ученики дѣлали весьма быстрые успѣхи. Въ ту эпоху словно не существовало племенной ненависти къ москалямъ, развѣ уже самые ярые патріоты смотрѣли искоса на русскій мундиръ, въ который, впрочемъ, весьма охотно облекалось польское юношество.

Домъ Лодоновскихъ очень часто посѣщалъ Дембовскій, тоже галиційскій полякъ, имѣвшій помѣстье на Волыни, и который считался самымъ пламеннымъ поклонникомъ графянки Малгоржаты. Дембовскій былъ очень богатъ, образованъ, но хотя и старался при каждомъ случаѣ намекать на древность своего рода, однако и на Волыни всѣ знали, что только его мать происходила изъ древней фамиліи. Отецъ его, мелкій шляхтичъ, красавецъ собою, успѣлъ плѣнить сердце одной состарѣвшейся дѣвы княжны, которая и вышла за него по смерти своихъ родителей. Отецъ Дембовскаго впослѣдствіи удвоилъ огромное состояніе жены, перешедшее къ ихъ единственному сыну, играющему небольшую роль въ нашемъ разсказѣ. Пріѣзжая въ материнское имѣніе на Волынь, Дембовскій вслѣдствіе принятаго обычая пользовался титуломъ кня-

зя, хотя самъ очень хорошо, зналъ, что не имѣлъ на это ни малѣйшаго права; а въ Галиціи для всѣхъ онъ былъ просто панъ Дембовскій. Графъ Лодоновскій принималъ его очень привѣтливо, но никогда не называлъ княземъ. Дембовскій былъ ихъ сосѣдъ по Галиціи.

Грабянка Малгоржата имѣла ту особенность въ характерѣ, что помимо свойственной польскимъ семействамъ строгости домашнихъ отношеній, строгости, требовавшей безпрекословнаго повиновенія родительской волѣ и не допускавшей ни малѣйшаго противорѣчія, выказывала нерѣдко порывы къ самостоятельности и стремленіе свергнуть съ себя иго домашняго деспотизма. Съ дѣтства это была болѣзненная дѣвочка, что заставляло родителей обращаться съ нею снисходительно, а когда проживя въ Швецаріи она поправилась физически, было уже поздно приводить ее къ безусловному повиновенію. Всѣ мѣры строгости не служили ни къ чему, раздражая только дѣвочку, которая иной разъ выдержавъ не ровную борьбу заболѣвала серьезно, но не смирялась и такимъ образомъ мало по малу завоевывала себѣ относительно независимое положеніе, которымъ не пользовалась и на половину старшая ея сестра, какъ изъ принциповъ, внушенныхъ съ дѣтства, такъ и по робкому, мягкому характеру. Притомъ же Малгоржата, самая младшая дочь, послѣднее дитя супружеской четы Лодоновскихъ, невольно сдѣла-

лась баловницею отца и матери. Въ монастырѣ съ нею была бѣда воспитательницамъ, которыя нерѣдко собирались отослать ее къ роднымъ, и только боязнь лишиться богатаго вознагражденія удерживала ихъ отъ этаго. Такъ Малгоржата выросла и развилась безъ особыхъ стѣсненій, но будучи отъ природы добраго сердца и очень умная, держала себя безукоризненно, если ее ни къ чему не понуждали, а главное не обременяли нравоученіями. Отецъ и мать, какъ говорится, махнули рукою, но въ семействѣ жила еще тетка, старая чопорная вдова, которая не могла примириться съ мыслью, что какая нибудь дѣвчонка осмѣливалась идти въ разрѣзъ съ общепринятыми правилами и не уважала рутинныхъ принциповъ, врѣзавшихся въ общественную жизнь глубокими колеями. Эта тетка, пани старостина Олоховская любила частенько журить своевольную племянницу, которая долго сносила казенную мораль тетушки, но когда послѣдняя въ порывѣ официіальнаго резонерства переходила границы, Молгоржата вспыхивала и дѣлала именно то, что запрещала старостина, дѣлала даже не имѣя на это желанія, а просто наперекоръ. Пани Олоховская не прибѣгала уже къ посредству родителей, зная изъ опыта, что это не повело бы ни къ чему и только изрѣдка напускала на дѣвушку ксендзовъ, наставленія которыхъ не имѣли однакожъ никакого успѣха. Въ запальчивости, видя безполезными всѣ свои

доводы, видя невозможность привести дѣвчонку на путь безусловнаго повиновенія, пани старостина выражалась, что Малгоржата кончитъ самымъ плачевнымъ образомъ. При этомъ исходѣ младшая графиня бывало разсмѣется, подбѣжитъ къ тетушкѣ, обниметъ ее и проситъ примиренія. Дѣвушка эта, когда хотѣла, имѣла столько обаянія, что предъ нею не могъ устоять никто, и случилась, что чопорная тетушка, покачивая головою, гладила ее по лицу и ограничивалась тѣмъ, что называла ее баловницею.

По пріѣздѣ изъ за границы, очутясь прямо среди гусаръ, Лодоновскіе немедлено начертали дочерямъ прорамму обращенія съ офицерами, которую и выполняла безукоризненно старшая, но которая у младшей подвергалась значитильнымъ измѣненіямъ. Малгоржатѣ замѣчали и мать и тетка о ея отступленіяхъ, но она съ обычнымъ апломбомъ отстаивала свои права и только высказывала съ гордостью, что какъ бы ни казались роднымъ, оригинальны ея пріемы, она съумѣетъ держать гусаръ въ надлежащихъ границахъ. Явныя искательства Дембовскаго не вызывали въ ней особеннаго сочувствія и хотя по временамъ она съ нимъ слегка кокетничала въ тѣсномъ кругу, но въ болѣе многочисленномъ обществѣ почти не обращала на него вниманія. Дембовскій былъ влюбленъ въ нее, и, по видимому, родители склонялись на его сторону. Изъ пламенныхъ ея обажателей въ полку послѣднее

время указывали на юнкера Дулебова, ожидавшаго производства, къ которому Малгоржата какъ бы благоволила, и еще на Брязанцева, съ которымъ у этой дѣвушки были весьма странныя отношенія. Иной день можно было держать пари, что она съ Брязанцевымъ на самой дружеской ногѣ, а потомъ цѣлую недѣлю они пикировались и осыпали другъ друга насмѣшками.

На святой у Лодоновскихъ собралось большое общество. Съѣхалось довольно гусаръ, въ числѣ которыхъ явился и Дулебовъ въ офицерской формѣ. Между послѣднимъ и Дембовскимъ существовала затаенная злоба, но каждый изъ нихъ, независимо отъ этого питалъ еще искреннюю ненависть къ Брязанцеву, потому что для обоихъ были загадочны его отношенія къ графинѣ Малгоржатѣ, и что каждый ихъ нихъ въ душѣ боялся его серьезнаго соперничества. Когда Брязанцевъ начиналъ показывать вниманіе какой нибудь другой дѣвицѣ или дамѣ Дулебовъ и Дембовскій ободрялисъ и только ненавидя другъ друга усиленно расточали любезности передъ Малгоржатою; но стоило послѣдней переговорить четверть часа съ Брязанцевымъ и прекратить на время пикировку, и тотъ и другой готовы утопить его въ каплѣ воды.

Брязанцевъ велъ себя осторожно и не подавалъ повода ни къ какимъ непріятностямъ. Но Малтѣевъ, вѣрный своему принципу и слову, которое далъ Ряполову, не дре-

малъ все это время и рѣшился воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ насолить Брязанцеву. Дулебовъ находился подъ его вліяніемъ. Малтѣевъ исподволь подготовлялъ молодаго человѣка и можно сказать напустилъ его на Малгоржату; онъ отвлекъ его отъ одной хорошенькой шляхтянки и далъ ему замѣтить, что по его наблюденіямъ онъ нравился въ одинаковой степени съ Брязанцевымъ, и что отъ него, Дулебова зависѣло оттереть соперника. Самъ первостепенный волокита, Малтѣевъ ловко дѣйствовалъ въ дѣлахъ этого рода, и въ дружескихъ бесѣдахъ съ Дулебовымъ подстрекалъ послѣдняго побѣдить робость молодой дѣвушки, которая по его словамъ кокетничала съ Дембовскимъ для виду. Брязанцева онъ выставлялъ крайне самолюбивымъ, заносчивымъ; слѣдовало только его оборвать въ присутствіи предмета страсти, и тогда исчезало всякое сомнѣніе въ успѣхѣ. Дулебовъ пока былъ юнкеромъ, только накоплялъ въ себѣ злобу къ сопернику, но съ производствомъ въ офицеры рѣшился дѣйствовать энергичнѣе; притомъ же онъ сильно завлекся и, можетъ быть, нѣсколько преувеличилъ увѣренность во взаимности дѣвушки.

Съ Брязанцевымъ тоже произошла перемѣна. Свободный отъ всякой серьезной сердечной привязанности, онъ изрѣдка лишь развлекалъ себя легкими волокитствами, ухаживалъ больше за дамами и не становился на дорогѣ

никому изъ товарищей. Въ первое время знакомства съ Лодоновскими, его поразила красота графини Малгоржаты. Молва въ уѣздѣ прочила ей въ женихи Дембовскаго, въ которомъ Брязанцевъ хоть и не нашелъ ничего необыкновеннаго, но котораго все-таки считалъ порядочнымъ человѣкомъ, способнымъ понравиться образованной дѣвушкѣ. Малгоржата сразу показала было ему особенное вниманіе, но замѣтивъ равнодушіе Брязанцева рѣшилась быть съ нимъ холодно вѣжливою. При частыхъ однакожъ встрѣчахъ имъ приходилось бесѣдовать довольно долго, и въ этихъ бесѣдахъ молодая дѣвушка не могла не замѣтить въ немъ и высшаго образованія, и благороднаго образа мыслей, и того гуманнаго настроенія, которое такъ было рѣдко въ окружавшихъ ее мужчинахъ. Но Брязанцевъ не палъ къ ея ногамъ, не согнулся безусловно, какъ всѣ прочіе ея обожатели, и по временамъ любезничалъ съ особами, не стоившими ее ни въ какомъ отношеніи. Въ такія минуты на зло и по духу противорѣчія она занималась Дулебовымъ, который какъ молоденькій мальчикъ, очень красивый собою, вполнѣ свѣтскій, пожалуй могъ быть серьезнымъ соперникомъ Брязанцеву, предъ которымъ имѣлъ одно еще преимущество: онъ танцовалъ гораздо лучше Брязанцева.

На Святой у Лодоновскихъ не произошло ничего особеннаго. Графиня Малгоржата была привѣтлива со всѣ-

ми своими поклонниками и какъ-то больше подтрунивала надъ Брязанцевымъ, который велъ себя уже не такъ ровно какъ прежде.

На Ѳоминой Каламатовъ пригласилъ всѣхъ къ себѣ, и по прежнимъ примѣрамъ помѣщики поселились въ офицерскихъ квартирахъ. Лодоновскіе остановились у Брязанцева, занимавшаго лучшее помѣщеніе.

Размѣръ нашего очерка не позволяетъ вдаваться въ подробности, а потому мы не будемъ описывать баловъ, игравшихъ такую важную роль въ старинной провинціальной жизни. У полковника было по обыкновенію чрезвычайно весело, и самъ Каламатовъ, давно уже оставившій танцы, считалъ обязанностью у себя, какъ радушный хозяинъ, приглашать на кадрили большею частью пожилыхъ дамъ, но иногда онъ выбиралъ и самыхъ хорошенькихъ.

Въ упоминаемый вечеръ грабянка Малгоржата была особенно хороша въ своемъ воздушномъ бальномъ костюмѣ и положительно затмѣвала всѣхъ изысканною простотою. Дембовскій и Дулебовъ, влюбленные какъ школьники, не отходили отъ нея; кромѣ того за нею увивалось еще два, три молодыхъ офицера, составлявшихъ ея штабъ, какъ выражался Рындаковъ, и только одинъ Брязанцевъ, хотя и отмѣченный въ числѣ ея поклонниковъ, держался по обыкновенію въ сторонѣ, даже изрѣдка подходилъ къ непобѣдимой красавицѣ. За то къ удивленію болѣе близкихъ

товарищей онъ не слѣдовалъ своему обычаю, не любезничалъ ни съ кѣмъ, не смотря что на балѣ появились двѣ новыя дѣвицы, пріѣхавшія съ семействомъ маршала.

Передъ котильономъ Брязанцевъ вышелъ въ кабинетъ покурить и усѣлся на диванѣ. Всѣ мужчины собрались туда-же, потому что дамы удалились изъ залы оправиться и освѣжить свои наряды къ ужину и не много отдохнуть передъ танцемъ, который въ домѣ полковника всегда длился около часу.

Закуривъ трубку, Брязанцевъ задумался, не обращая вниманія на болтовню, происходившую вокругъ; на лицѣ его отражалось какое-то непреодолимое чувство грусти, совершенно ему не свойственное.

Къ нему подошелъ Савловичъ.

— Что съ тобою, Брязанцевъ? спросилъ онъ тихо и съ неподдѣльнымъ участіемъ.

— Самъ не знаю, Савловичъ, такъ нашла черная полоса.

— Просто, братъ, должно быть нашего полку прибыло.

— Не думаю, отвѣчалъ Брязанцевъ съ принужденною улыбкою: — я полагаю, что нездоровится.

— Я понимаю это нездоровье. Что ты страдаешь, можетъ быть не слишкомъ, я допускаю, но одного въ толкъ не возьму — зачѣмъ ты держишься постоянно подальше предмета страсти.

— Ты сочиняешь, больше ничего. Нечего мнѣ ни удаляться, ни приближаться.

Въ это время въ сторонѣ послышался громкій разговоръ и образовался кружекъ.

— Что это, Савловичъ? спросилъ вдругъ Брязанцевъ.

— Это Дулебовъ съ полякомъ Дембовскимъ — оба твои соперника.

— Ни какъ ссорятся.

— Они постоянно пикируются. Видишь ли случилось странное обстоятельство. Каждый изъ нихъ надѣялся танцовать котильонъ съ графинею, но оба осѣклись и теперь съ досады говорятъ другъ другу колкости. Графъ Брецкій тоже разчитывалъ на это счастье, но получилъ носъ, а между тѣмъ капризная грабянка говоритъ только, что дала слово а кому—не сказываетъ.

— У нея ужь такая натура, замѣтилъ Брязанцевъ, пуская струю дыма.

— Дѣйствительно странная натура. И какъ она всѣхъ держитъ въ рукахъ! Попробуй выкинуть эту штуку другая хоть бы раскрасавица, какую подняли бы исторію, а тутъ всѣ спасовали и смотрятъ ей въ глаза.

Шумный разговоръ прекратился, и спорящіе прошли мимо дивана, но оба злобно посматривали на Брязанцева.

— Всѣ полагаютъ, что она танцуетъ съ тобою или съ Стояровымъ, сказалъ Савловичъ.

— Можетъ быть и со мною, а можетъ быть и съ Стояровымъ. За это ручаться нельзя до самой послѣдней минуты. Ты, вѣдь знаешь своевольную грабянку.

— Такъ значитъ она тебѣ дала слово?

— Это справедливо, но я рискую, войдя въ залу найдти ее въ парѣ съ другимъ.

— И что же ты сдѣлаешь?

— Преспокойно отойду, больше ничего.

— Разсказывай! Однако, Брязанцевъ, ты гусь то же цѣлый вечеръ не подходилъ, будто бы въ разладѣ, а на котильонъ ангажировалъ.

— Я и самъ не знаю, какъ это случилось.

— Я не добиваюсь твоихъ тайнъ, но помни, что во всякомъ случаѣ можешь на меня расчитывать.

Бразанцевъ подалъ товарищу руку.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, сказалъ онъ: — и вѣрь, что если мнѣ нужна будетъ чья нибудь помощь, то я обращусь къ первому тебѣ.

— Но что же будутъ дѣлать эти молодцы? Они готовы съѣсть тебя.

— Пускай ѣдятъ.

— Извини меня, Брязанцевъ, и не обижайся; но мнѣ кажется, грабянка держитъ себя странно.

— Очень странно. Я не разъ высказывалъ ей это.

— Что-жъ она?

— Иногда сердится, иногда смѣется, а все продолжаетъ по своему. То кажется, что ей нравится Дулебовъ, то посмотришь Дембовскій какъ бы пользуется особымъ расположеніемъ, а потомъ вдругъ она перестаетъ обращать вниманіе на обоихъ.

— Поговаривали, что Дембовскій ея женихъ.

— Этого быть не можетъ; такъ ли бы онъ себя велъ, еслибъ былъ увѣренъ въ взаимности!

— Родители, по видимому благосклонно смотрятъ на его искательство.

— А ей какое дѣло до родителей! Я убѣдился, что эта дѣвушка сдѣлаетъ все, что захочетъ по своему.

Оркестръ началъ строить инструменты. Кавалеры кинулись въ залу.

— Ну, Брязанцевъ, пойдемъ и мы.

— Я полагаю дамы еще не вышли. Тебѣ чего спѣшить, Савловичъ? ты въ седьмомъ небѣ.

— Эхъ, любезный другъ! не знаю еще какъ матушка посмотритъ.

— Поѣдешь въ отпускъ и уломаешь.

— Твоими бы устами медъ пить.

Брязанцевъ медленно поднялся съ дивана и по видимому спокойно направился въ залу, но болѣе внимательный наблюдатель замѣтилъ бы въ немъ лихорадочное волненіе.

Зала уже наполнялась, кавалеры отыскивали своихъ дамъ. У двери гостинной стояли Дембовскій, Дулебовъ, графъ Бецкій и весь штабъ грабянки Малгоржаты, ожидая появленія яснаго солнышка. Наконецъ она вышла и улыбнулась всѣмъ своимъ обожателямъ такъ искусно, что каждый изъ нихъ могъ принять улыбку на свой счетъ. Всѣ они впрочемъ находились въ печальномъ положеніи, ибо всѣмъ было отказано въ котильонѣ, на который обыкновенно столько возлагалось надеждъ влюбленными.

— Дембовскій, сказала она спокойно:—пойдите позовите ко мнѣ Брязанцева.

— Какъ? спросилъ Дембовскій невольно, не сознавая неумѣстности вопроса.

— Вы не желаете? Въ такомъ случаѣ Дулебовъ не откажется исполнить мою просьбу.

— Съ удовольствіемъ, подхватилъ Дулебовъ. — Только позвать и больше ничего?

— Только позвать. Я танцую съ нимъ котильонъ, и хотѣлось бы выбрать хорошее мѣсто.

— Вы танцуете съ нимъ? раздалось нѣсколько голосовъ.

— Что жъ тутъ удивительнаго?

Дулебовъ, молча, отправился къ Брязанцеву на другой конецъ залы.

— Я ни какъ не ожидалъ, чтобъ вы меня посылали отыскивать вашего кавалера, сказалъ сердито Дембовскій.

— Извините, князь, т. е. панъ Дембовскій, я полагала, что хорошій знакомый не откажетъ исполнить просьбу.

— Это справедливо, но посылать меня звать человѣка, котораго я не люблю....

— Я вѣдь не вхожу въ ваши отношенія. Господа, прибавила она съ легкою насмѣшливою улыбкою, обращаясь какъ бы ко всѣмъ обожателямъ: — перестаньте дуться, я каждому изъ васъ обѣщаю по котильону.

— Кому же прежде? подхватилъ Дембовскій.

— А вы киньте жребій, самое лучшее.

Въ это время подошли Брязанцевъ съ Дулебовымъ.

— Очень мило съ вашей стороны, сказала графиня Брязанцеву:—я должна была посылать за вами.

— Извините, графиня, но еще музыка не заиграла, и я не считалъ себя въ правѣ лишать вашихъ знакомыхъ удовольствія бесѣдовать съ вами.

— Кокое великодушіе! замѣтилъ въ полголоса Дембовскій.

— Да развѣ же я не могу бесѣдовать съ ними во время котильона? спросила Малгоржата.

— Это будетъ совершенно отъ васъ зависѣть, отвѣчалъ Брязанцевъ съ принужденною улыбкою.

Графиня бѣгло взглянула на своихъ поклонниковъ, вытянутыя лица которыхъ явно свидѣтельствовали о ихъ душевномъ настроеніи.

— Помните, господа, сказала она, обращаясь къ нимъ:— что съ каждымъ изъ васъ я танцую по котильону, только ужъ вы бросьте жребій, а то могутъ выйдти недоразумѣнія, за которыя, пожалуй, мнѣ достанется отъ тетушки. Кто изъ васъ меньше будетъ дуться, того я выбираю сегодня въ фигурахъ. Теперь, господинъ Брязанцевъ, гдѣ же мы сядемъ?

— Въ углу подъ этимъ лимоннымъ деревомъ.

— Хорошо.

— Чтобъ никому нельзя было подойти со стороны, сказалъ тихо Дулебовъ.

Графиня посмотрѣла на него и улыбнулась, но такъ, что молодой человѣкъ не могъ понять значенія этой улыбки, стараясь впрочемъ придать ей благопріятное для себя значеніе.

— Вы сегодня были услужливѣе всѣхъ, господинъ Дулебовъ сказала она: — и за это примите мою искреннюю блогодарность.

Брязанцевъ подалъ ей руку, и они отправились занять избранное мѣсто.

Поклонники, понуривъ головы, разбрелись по залѣ, каждый проклиная въ душѣ Брязанцева, который неожи-

данно лишилъ ихъ величайшаго наслажденія, ибо всѣ они мечтали объ этомъ котильонѣ, и всѣ потерпѣли фіаско.

Танцовали больше часу. Грабянка Малгоржата, казалось совершенно не занималась своимъ кавалеромъ, не имѣя впрочемъ и времени для этого, такъ какъ ее поминутно выбирали; но внимательному наблюдателю можно было замѣтить, что въ свободныя хотя и рѣдкія минуты, подъ лимоннымъ деревомъ велась оживленная бесѣда, что Брязанцевъ былъ далеко не попрежнему хладнокровенъ, и что дама его, къ удивленію, по временамъ задумывалась.

Но вотъ въ залу вошелъ Каламатовъ подъ руку съ старухою Лодоновскою и посматривалъ на капельмейстера, которому вѣроятно отдано было особое приказаніе. Какъ только протанцовала послѣдняя пара, оркестръ смолкъ на минуту, и вдугъ раздались плавные мѣрные звуки полонеза. Всѣ танцующіе начали благодарить своихъ дамъ и всѣ почти пошли къ ужину съ кѣмъ танцовали. Брязанцевъ по порученію графини отправился отыскивать ея вѣеръ, а когда возвратился, она уже шествовала въ столовую подъ руки съ двумя кавалерами, справа съ Дембовскимъ слѣва съ Дулебовымъ.

Брязанцевъ подалъ вѣеръ и посмотрѣлъ на нее вопросительно.

— Опоздали, сказала она.—При томъ же они бѣдняжки такъ нахмурились, что надобно ихъ развеселить. Благо-

дарю васъ, господинъ Брязанцевъ. Мнѣ безъ вѣера очень жарко, а теперь будетъ еще жарче, прибавила она засмѣявшись.

— Смотрите, чтобъ за ваше тріумфальное шествіе не досталось вамъ отъ тетушки, замѣтилъ ей вслѣдъ Брязанцевъ, словно ему было все равно, что его дама ушла ужинать съ другими кавалерами.

— А вы сдѣлайте вотъ что, подхватите пока старостину подъ руку и сдѣлайте доброе дѣло, какъ нибудь выгородите меня.

— Я думаю, что вы лучше всего сами это обдѣлаете. Впрочемъ желаніе ваше будетъ исполнено.

Дѣйствительно Брязанцевъ повелъ къ ужину чопорную старостину.

Уступивъ свою квартиру пріѣзжимъ, Дулебовъ отправляется съ Малтѣевымъ ночевать къ послѣднему. Малтѣевъ жилъ довольно далеко, такъ что пришлось пройдти около версты отъ полковницкаго дома. Офицеры вышли гурьбою и тутъ же съ площади разбрелись по разнымъ направленіямъ.

— Ну братъ, сказалъ Малтѣевъ, когда они остались

вдвоемъ съ Дулебовымъ: — ты меня извини, но я рѣшительно тебя не понимаю.

— А знаешь ли, Малтѣевъ, что и я себя не совсѣмъ понимаю.

— То то и худо. Помилуй, можно ли такъ тянуть?

— Что тянуть?

— Да какъ же! У Лодоновскихъ я самъ очень хорошо видѣлъ твои успѣхи.

— Ну?

— Малгоржата тобою очень заинтересована, Дембовскій служилъ ширмою, а ты дремлешь.

— Зачѣмъ дремать?

— Не знаешь ты такихъ молоденькихъ капризныхъ дѣвушекъ какъ твоя графинька. Вмѣсто того, чтобъ ковать желѣзо пока горячо, ты распустилъ нюни, а другой можетъ воспользоваться.

— То есть?

— То есть попросту Брязанцевъ отобьетъ у тебя Малгоржату. Ты посмотри какъ онъ дѣйствуетъ искусно

Дулебовъ вспыхнулъ.

— Этому не бывать!

— Конечно не бывать, еслибъ ты велъ себя иначе. Пикируешься съ Дембовскимъ, который не опасенъ, и даешь средство усиливаться сопернику, который можетъ повредить тебѣ.

*

— Онъ однакожъ до сихъ поръ не подавалъ повода къ ссорѣ.

— Какого жъ тебѣ еще лучше повода какъ сегоднишній котильонъ.

— Да, но тутъ надобно задѣвать графиню, и я не хочу этого.

— Къ чему трогать графиню, она останется въ сторонѣ. Бѣда съ этою молодежью! Все учить надо, хлопочешь о васъ же, а тамъ смотри—скажутъ, что подстрекаешь.

— Ну, ужъ извини, я не какой нибудь Савловичъ. Я тебѣ очень благодаренъ. Но скажи, Малтѣевъ, ты убѣжденъ, что я нравлюсь Малгоржатѣ?

— Надобно быть слѣпымъ, чтобъ этого не видѣть; но говорю тебѣ откровенно: ты легко можешь потерять все съ такою капризною дѣвушкою.

— Что жъ мнѣ дѣлать?

— Оборвать Брязанцева. Я не говорю, чтобъ ты затѣялъ съ нимъ ссору, а ты дѣйствуй его же оружіемъ, подымай его на смѣхъ при Малгоржатѣ. Вѣдь ты самъ человѣкъ образованный и бойко говоришь по французски.

— Это мнѣ ни почемъ!

— Не надобно только опускать носъ на квинту. Вотъ ты же нашелся молодцомъ, отбилъ у Брязанцева даму на ужинъ. Ты самъ придумалъ эту штуку, или Дембовскій?

— Ни я, ни Дембовскій, отвѣчалъ Дулебовъ усмѣх-

нувшись: — это дѣло грабянки Малгоржаты. Она сама предложила намъ вести ее къ ужину и все время требовала, чтобъ мы не ссорились.

— Видишь, что мои слова вѣрны—она всетаки больше расположена къ тебѣ, а если взяла и Дембовскаго, то понимаешь—нельзя же ей было явно пригласить тебя.

— Мнѣ показалось, Малтѣевъ, только это между нами, что она слегка пожала мнѣ руку.

— Стыдно тебѣ будетъ, если ты упустишь удобную минуту.

— Графъ Брецкій тоже началъ подставялть ножку.

— Это рыба. Можетъ ли онъ понравиться дѣвушкѣ, да еще такой какъ Малгоржата? Пожалуй и Стояровъ соперникъ!

— Ну, Стояровъ не говоритъ ни по польски, ни по французски и не такъ уже молодъ.

— Вотъ ты и распорядись у полковника на вечерѣ такъ, чтобъ Брязанцевъ находился въ тѣни...

— Я перемѣню тактику.

По приходѣ на квартиру Малтѣевъ немедленно ушелъ спать, а Дулебовъ долго еще мечталъ о черныхъ глазахъ, которые во все время ужина смотрѣли на него необыкновенно загадочно.

На большомъ выгонѣ за мѣстечкомъ, который по-

крылся уже яркою зеленою травою, мѣстная молодежь устроила качели, вокругъ которыхъ сгрупировалась сельская ярмарка. Въ нѣсколько рядовъ расположились палатки торговцевъ, окрестные поселяне привезли свои продукты, а въ разныхъ мѣстахъ появились выставки питей для увеселенія собравшагося люда.

Часу въ первомъ, пользуясь теплою весеннею погодою, семейства пріѣзжихъ помѣщиковъ, въ сопровожденіи офицеровъ, отправились на ярмарку, конечно съ цѣлью пройдтись въ видахъ развлеченія. Общество шло кучками. Возлѣ дѣвицъ увивались гусары, но ни у одной изъ нихъ не было такой блестящей и многочисленной свиты какъ у графинь Лодоновскихъ, особенно у Малгоржаты. Все это весело болтало, проходя между толпами, которыя почтительно разступались. По распоряженію Каламатова у качелей поставленъ былъ хоръ военныхъ пѣсельниковъ, которые начали собирать вокругъ себя большинство ярмарочныхъ посѣтителей. Туда же направлялись и группы дамъ и офицеровъ.

Тетушка Олоховская шла необыкновенно сердита, потому что обѣ ея племянницы окружены были поклонниками, а такъ какъ младшая не обращала вниманія на ея возгласы, то она старалась уже справляться хоть со старшею, которая, въ свою очередь, не смотря на все желаніе, не могла выполнить всѣхъ требованій старости-

ны. Малгоржата шла между Дембовскимъ и Дулебовымъ, разговаривая преимущественно съ послѣднимъ, что крайне огорчало перваго и приводило въ мрачное расположеніе духа. Дулебовъ былъ въ ударѣ и обращался по временамъ съ ироническими замѣчаніями къ Брязанцеву, который слѣдовалъ нѣсколько поодаль въ сообществѣ своего вѣрнаго пуделя. Онъ отвѣчалъ Дулебову не менѣе иронически, но безъ злобы, стараясь не удаляться отъ группы. На перекресткѣ, гдѣ рядъ палатокъ пересѣкалъ проѣзжую дорогу, стояло нѣсколько цыганъ, продававшихъ лошадь какому-то крестьянину. Первая группа дамъ остановилась, и примѣру ея невольно послѣдовали остальныя. Брязанцевъ очутился близко отъ Дембовскаго. Разыгравшійся его пудель началъ лаять и добродушно уперся передними лапами въ спину Дембовскаго. Тотъ оглянулся.

— Прошу васъ, господинъ Брязанцевъ, укротить вашу собаку! сказалъ онъ.

— Тубо Бриганъ! Извините, пожалуйста, господинъ Дембовскій. Впрочемъ моя собака не обнаружила никакого враждебнаго чувства—она къ вамъ ласкается.

— Мнѣ нѣтъ надобности до ея чувствъ, и я не желаю быть съ нею въ близкихъ отношеніяхъ.

— Какой же вы сердитый! вмѣшалась Малгоржата.— Бриганъ! Иси!

— Пудель подбѣжалъ къ ней и началъ прыгать. Мал-

горжата улыбнулась, погладила собаку и слегка оттолкнула ее.

Бриганъ весело залаялъ и бросился обнимать Дембовскаго. Послѣдній схватилъ его и больно выдралъ за уши. Собака завизжала.

Всѣ изумились. Брязанцевъ вспыхнулъ.

— Господинъ Дембовскій! сказалъ онъ: — еслибъ не запрещало мнѣ уваженіе къ дамамъ и чувство собственнаго достоинства, я вамъ надралъ бы уши.

— Что-о-о? спросилъ, покраснѣвъ отъ злости, Дембовскій.

Брязанцевъ хладнокровно повторилъ фразу.

— И вы осмѣливаетесь говорить это мнѣ въ глаза?

— Я всегда говорю одно въ глаза и за глаза.

— Извольте сію минуту извиниться!

— Не горячитесь, господинъ Дембовскій. Поступокъ вашъ оцѣненъ по достоинству.

— Это наглость...

— Ни слова больше. Гусарскій офицеръ не можетъ быть наглецомъ, но обязанъ учить нахаловъ.

Въ это время проходъ сдѣлался свободнѣе, дамы поспѣшили уйдти, а Малгоржата медлила. Глаза ея сверкали.

— Господа! воскликнулъ взявшійся откуда-то Мал-

тѣевъ: — пожалуйста, отойдите въ сторону — полковникъ въ пяти шагахъ.

— Это ничего не значитъ, сказалъ Дембовскій: — я кругомъ обиженъ и желаю удовлетворенія.

— Вы его получите — гдѣ и когда угодно, отвѣчалъ Брязанцевъ. — На площади дѣйствительно неловко разсуждать объ этомъ. Извольте выбирать секунданта.

— Господа! вмѣшался снова Малтѣевъ:—расходитесь Вызовъ сдѣланъ—вы не принадлежите другъ другу.

Дембовскій кликнулъ Дулебова.

— Хотите быть моимъ секундантомъ?

— Извольте.

Подошли новыя группы, явился Каламатовъ, но противники заняли уже свои мѣста и направились къ качелямъ. Малгоржата нѣсколько разъ оглядывалась на Брязанцева, который шелъ недалеко, лаская пуделя.

Вѣсть о ссорѣ Дембовскаго съ Брязанцевымъ достигла кое-кого, и Савловичъ, оставивъ свою даму, поспѣшилъ къ пріятелю.

— Ты дерешься съ Дембовскимъ?

— Да.

— Ну?

— Хотѣлъ просить тебя въ секунданты.

— А то какъ же иначе. Кто же у него?

— Дулебовъ. Ты ступай переговори, только помни

что мировой быть не можетъ, я не хочу позволить поляку задирать носъ.

— Когда же и на чемъ?

— Во всякое время и на чемъ угодно.

— Надобно бы отложить до завтра.

— Зависитъ отъ Дембовскаго. Вотъ Дулебовъ! Ты съ нимъ переговори прежде.

Савловичъ отозвалъ Дулебова. Секунданты обмѣнялись нѣсколькими словами, и Дулебовъ подошелъ къ Дембовскому. Послѣдній сказалъ свой ультиматумъ.

Черезъ пять минутъ Савловичъ вернулся къ Брязанцеву.

— Полякъ требуетъ, чтобъ ты извинился въ присутствіи всего общества.

— Я не помирюсь и въ такомъ случаѣ, еслибъ онъ даже извинился передъ моимъ пуделемъ.

— Дуэль на сабляхъ тотчасъ послѣ обѣда передъ баломъ.

— Согласенъ. Идите же вы съ Дулебовымъ и прикажите отпустить два совершенно одинаковыхъ клинка. Можете выбрать изъ моего арсенала.

— Я боюсь, что всѣ узнаютъ и дойдетъ до полковника.

— Предложи драться черезъ часъ, какъ только сабли будутъ готовы, пока общество не соберется у полковника.

Савловичъ побѣжалъ улаживать дѣло. Дембовскій согла-

сился. Въ тотъ же моментъ не стало обоихъ секундантовъ, которые поспѣшно возвратились въ мѣстечко.

Брязанцевъ, прибавивъ шагу, догналъ группу, въ которой шла Малгоржата между Дембовскимъ и Брецкимъ. Онъ велъ своего пуделя на носовомъ платкѣ, привязанномъ къ ошейнику.

Малгоржата улыбнулась.

— Теперь вы можете быть покойны, господинъ Дембовскій, сказалъ Брязанцевъ спокойно: — моя собака не будетъ васъ больше безпокоить.

— Очень вамъ благодаренъ.

Малгоржата посмотрѣла на обоихъ испытующимъ взоромъ.

— Вы не будете больше ссориться? сказала она, обращаясь къ обоимъ.

— Не будемъ, молвилъ Брязанцевъ, слегка усмѣхнувшись.

— Зачѣмъ намъ ссориться! сказалъ Дембовскій съ ироніею.

— Какіе вы господа смѣшные! Такъ и вспыхнули. Но гдѣ же Дулебовъ?

— Пошелъ съ Савловичемъ, вѣроятно школьничаютъ съ цыганами.

Многіе офицеры, въ томъ числѣ Стояровъ, подходили къ Брязанцеву, намѣреваясь разспросить его, но видя какъ

онъ шелъ почти рядомъ съ Дембовскимъ, разсудили, что произошла пустая размолвка, которая окончилась ничѣмъ.

Малтѣевъ между тѣмъ скрылся, и молва о поединкѣ затихла.

Общество гуляло еще нѣсколько времени, наконецъ дамы одна по одной начали уходить съ цѣлью заняться туалетомъ.

Передъ обѣдомъ Каламатовъ, одѣтый еще по домашнему, толковалъ съ своимъ дворецкимъ, когда вѣстовой доложилъ о приходѣ поручика Брязанцева. Полковникъ подумалъ не пришелъ ли онъ пофехтовать немного, и велѣлъ просить въ кабинетъ.

— Что прикажете, почтеннѣйшій? сказалъ онъ, протягивая руку.

Вмѣсто отвѣта Брязанцевъ отстегнулъ саблю и молча подалъ полковому командиру.

— Это что значитъ?

— Я рубился сейчасъ на дуэли, полковникъ.

— Съ кѣмъ?

— Съ полякомъ Демборскимъ.

— Ну?

— И отрубилъ ему правое ухо.

— И больше ничего?

— Больше ничего.

— Надѣвайте вашу саблю и забудьте, что вы говорили съ полковымъ командиромъ. Еслибъ былъ доносъ, жалоба, понимаете? А мнѣ какое дѣло до мелкихъ счетовъ. Я даже очень радъ, что вы проучили этого господчика.

— Благодарю васъ, полковникъ, но я считалъ своею обязанностью...

— Это дѣлаетъ вамъ честь. Садитесь и разскажите за что и какъ было дѣло.

Брязанцевъ въ короткихъ словахъ объяснилъ причину спора.

— Это была придирка, а главное яблоко раздора у всѣхъ васъ—грабянка Малгоржата. Ужъ вы господа сватались бы кто нибудь скорѣе, а то, предсказываю, будетъ бѣды съ нею.

Брязанцевъ улыбнулся.

— Однако мнѣ говорили объ этомъ полякѣ еще вчера, какъ о рубакѣ.

— Дерется онъ недурно, только горячъ, и притомъ я

употребилъ всѣ усилія. Видите ли, полковникъ, передъ боемъ я сказалъ ему, что такъ какъ онъ выдралъ моего Бригана за ухо, то и я намѣренъ отрубить ему ухо.

— Значитъ онъ дуракъ и долженъ былъ защищать этотъ членъ.

— Выпалъ такой пассъ.

— Ну да съ вами развѣ самъ чортъ сладитъ. Чтожъ теперь безухій противникъ.

— Ему сдѣлалось дурно. Придя въ себя, онъ сказалъ однакожъ, что считаетъ дѣло неконченнымъ.

— А я думаю, что онъ улизнетъ по добру по здорову.

— Кажется, уѣзжаетъ въ деревню.

— Туда и дорога!

— Я сказалъ, что готовъ возобновить бой.

— Вы однакожъ приходите къ обѣду и на вечеръ.

— Ловко ли?

— Вздоръ какой! Вамъ же честь и слава. Не хотите ли показать мнѣ въ арсеналѣ какъ вы ухитрились отрубить ухо.

— Съ удовольствіемъ.

Каламатовъ велѣлъ принести въ арсеналъ трубокъ и отправился съ Брязанцевымъ.

— Однако, проговорилъ онъ довольнымъ тономъ:— нашимъ офицерамъ дѣлаетъ честь, что ни одинъ даже не намекнулъ полковому командиру о дуэли.

Брязанцевъ ни слова не отвѣчалъ на это.

Ряполовъ перешелъ въ драгуны и стоялъ въ Малороссіи. Общество офицеровъ было тамъ совершенно другое, такъ что никакое подстрекательство не имѣло смысла. Ряполовъ скучалъ и занимался службою. Вскорѣ по прибытіи въ полкъ онъ написалъ Малтѣеву, и просилъ сообщать ему новости о прежнихъ сослуживцахъ. Долго не было отвѣта, наконецъ разъ въ кампаментъ ему принесли съ почты письмо. Адресъ написанъ былъ знакомою рукою. Ряполовъ вспыхнулъ.

— Такъ и есть, подумалъ онъ: — отъ Малтѣева.

Разломавъ печать онъ поспѣшно прочелъ исписанный кругомъ листъ почтовой бумаги. Послѣ разныхъ общихъ мѣстъ Малтѣевъ писалъ слѣдующее:

«Радуйся, Ряполовъ — общаго нашего врага нѣтъ на свѣтѣ. Произошло это неожиданно для другихъ, но я предвидѣлъ конецъ. На дняхъ у Каламатова были два бала сряду. Передъ послѣднимъ Брязанцевъ рубился съ Дембовскимъ и отрубилъ ему ухо. Весь вечеръ онъ былъ

героемъ бала, всѣ такъ и льнули къ нему, даже польки, не смотря, что онъ изуродовалъ ихъ соотчича, показывали ему явное расположеніе. О Малгоржатѣ и говорить нечего. Понятно это бѣсило Дулебова, котораго добрые люди подбили оборвать счастливаго соперника. Мальчикъ взбелѣнился, выпилъ для куражу и передъ ужиномъ наговорилъ дерзостей Брязанцеву. Этотъ отвѣчалъ хоть и осторожно, но все-таки рѣзко, и между ними загорѣлась смертельная вражда. Стрѣлялись по командѣ. Дулебовъ упалъ съ простреленною грудью, но жизнь его не въ опасности, Брязанцевъ убитъ наповалъ. Оба секунданта, Савловичъ и Брецкій, подъ арестомъ. Позабывъ приличіе, грабянка Малгоржата прибѣжала къ убитому Брязанцеву и плакала надъ его трупомъ... Насилу увели ее. Поговариваютъ, что идетъ въ монастырь. Вѣсть эта разстроила Дулебова, такъ что съ нимъ сдѣлалось хуже, но доктора не отчаяваются. Каламатовъ разъярился какъ звѣрь и косо на меня посматриваетъ, но я чтожъ? я въ въ сторонѣ. Ѣдетъ въ корпусную квартиру хлопотать о секундантахъ. Сказываютъ, что Дулебовъ будетъ разжалованъ въ солдаты, если выздоровѣетъ. Вотъ каковы дѣла. Товарищи жалѣютъ кто убитаго, кто раненаго, а по моему тутъ ужъ толковать нечего. Изъ новенькихъ много обѣщаетъ корнетъ Холоденко — сильно вламывается въ амбицію. У насъ кампаментъ. Завтра балъ у маршала.

Скучно. Не предвидится, по крайней мѣрѣ скоро, ничего интереснаго. Прощай, другъ, и пиши что у васъ дѣлается. Твой С. Малтѣевъ».

По прочтеніи письма Ряполовъ потеръ руки и пожалѣлъ только объ одномъ, что некому было сообщить пріятнаго извѣстія.

КОНЕЦЪ.

ГОРОДЪ СМУРОВЪ

(УѢЗДНЫЯ СЦЕНЫ).

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Адаму Петровичу Чеботареву.

ЧАСТЬ I.

Уѣздный городъ Смуровъ раскинутъ на живописномъ берегу довольно значительной рѣчки и производитъ «нарочитую торговлю», какъ выражаются иные географы, неизвѣстно что разумѣя подъ этимъ прилагательнымъ. Лучшая часть его лежитъ на горѣ и представляетъ взору проѣзжаго довольно красивую улицу, просторную площадь, застроенную порядочными домами, и кое-какой деревянный гостиный дворъ; а многолюднѣйшая часть, но довольно плохо выстроенная, лѣпясь по скату горъ, спускается къ рѣкѣ, и тянется вдоль ея песчанаго берега. Окрестности Смурова чрезвычайно красивы, но читатель не прогнѣвается, если я оставлю въ покоѣ литературно-пейзажную живопись.

Среди главной улицы Смурова, испещренной разноцвѣтными и разнообразными домиками, отдѣленными сѣрыми заборами, которые въ извѣстныхъ случаяхъ чернятся сажею до перваго дождя (тогда же бѣлятъ и тру-

бы), взоры путешественника пріятно отдыхали (это дѣлалось очень давно) на густомъ садѣ, который роскошно разросся за красивымъ рѣшетчатымъ заборомъ, и вѣтвями дикихъ каштановъ покрывалъ сверху самыя затѣйливыя ворота, какія когда либо существовали. Съ разсвѣта до полуночи эти ворота не запирались и позволяли заглянуть на обширный зеленый дворъ, въ глубинѣ котораго виднѣлся большой старинный домъ какого-то давняго стиля. Я не архитекторъ и не берусь съ видомъ знатока порицать недостатки или выхвалять красоту зданія; но скажу, что на этотъ домъ пріятно было смотрѣть даже человѣку, неимѣвшему ни надобности, ни возможности заглянуть подъ его замысловатую кровлю. Обширный этотъ дворъ былъ застроенъ по сторонамъ разнообразными службами; но было видно, что владѣлецъ его весьма любилъ деревья, ибо вездѣ, гдѣ только можно, даже между строеніями, посадить каштанъ, тополь или кустъ бѣлой акаціи, тамъ непремѣнно красовались они и, по всему видно, что содержались превосходно. Съ другой стороны, домъ этотъ былъ окруженъ великолѣпнымъ садомъ, который, спускаясь уступами по всему пространству крутого берега, сходилъ къ самой рѣкѣ, примыкая къ ней рядомъ серебристыхъ тополей. Въ этомъ саду однако же вы не встрѣтили бы тѣхъ странныхъ затѣй, какія случается встрѣчать въ садахъ провинціальнаго ба-

рина; здѣсь было все просто, но вездѣ кипѣла роскошная жизнь, развивающаяся подъ вліяніемъ благодатнаго климата, и этой чудной жизни не касались ножницы недоученаго или переученаго садовника, не насиловала фантазія господина, не уродовала прихоть разбогатѣвшаго невѣжды. Деревья во всей естественной красѣ своей раскидывали тѣнистыя вѣтви, и только широкія, извилистыя дорожки, кое гдѣ поставленныя скамейки, и клумбы цвѣтовъ доказывали, что объ этомъ садѣ заботится попечительный хозяинъ, не имѣющій надобности извлекать изъ него дохода, но вѣроятно знакомый съ каждымъ кустикомъ.

Описанный домъ и садъ принадлежали генералъ-поручику Базову, сподвижнику Суворова, вышедшему въ отставку въ началѣ царствованія императора Александра, и мирно доживавшему дни своего безоблачнаго заката. Алексѣй Лазаревичъ Базовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ стариковъ, которые, слѣдуя закону времени, скоро исчезнутъ съ лица земли; но былъ особеннымъ исключеніемъ изъ этихъ немногихъ, какъ по необыкновенно крѣпкому здоровью, бодрости и силѣ, такъ и по умѣнью находить и признавать хорошее въ современномъ. Онъ насчитывалъ себѣ 75 лѣтъ отъ роду, а ежедневно выходилъ въ свой любимый садъ, и по вечерамъ постоянно принималъ у себя своихъ знакомыхъ и почи-

тателей. И говорить будетъ лишнимъ, что весь городъ уважалъ Базова, и все народонаселеніе Смурова такъ привыкло называть его Алексѣемъ Лазаревичемъ, что нѣкоторая часть жителей не знала его фамиліи, а крестниковъ и крестницъ столько развелось у Алексѣя Лазаревича, что можно было изъ нихъ завести цѣлую колонію. Имѣя большое и прекрасно устроенное состояніе, Базовъ не былъ счастливъ въ своей семейной жизни. Жены онъ лишился еще въ молодости, дѣтей также пережилъ и, не желая принимать новыхъ обязанностей, остался вдовымъ, проводя мирную жизнь въ тишинѣ уѣзднаго города. Ему предлагали многія, даже значительныя, должности, но Алексѣй Лазаревичъ отказывался, сначала отговариваясь разстройствомъ своего имѣнія, разореннаго во время продолжительнаго его отсутствія, а впослѣдствіи старостью. Однакоже въ 12-мъ году онъ командовалъ ополченіемъ, а послѣ два трехлѣтія прослужилъ губернскимъ предводителемъ дворянства и въ это время успѣлъ сдѣлать кое-что полезное для края. Въ послѣднее время онъ даже очень рѣдко выѣзжалъ въ свои деревни, но былъ покоенъ за крестьянъ, потому что помѣстьями его управляли люди довольно честные.

Впрочемъ Алексѣй Лазаревичъ Базовъ никогда не бывалъ одинъ. Не имѣя никого изъ близкихъ вокругъ себя, онъ платилъ дань своему вѣку и держалъ до полу-

десятка шутовъ, которые, положимъ, и не всѣ прозывались шутами, но всѣ вообще позволяли дѣлать надъ собою что было угодно. Они придавали жизнь обширнымъ и пышнымъ хоромамъ XVIII столѣтія. Огромный домъ въ два этажа съ мезониномъ былъ выстроенъ на большую ногу, со всѣми удобствами для самаго многочисленнаго семейства. Генералъ-поручикъ занималъ только нижній этажъ, всѣ комнаты котораго ежедневно освѣщались лампами и восковыми свѣчами. Только два раза въ годъ: въ день имянинъ Алексѣя Лазаревича и подъ Новый годъ открывался второй этажъ, и свѣтлыя залы его оглашались музыкой. Алексѣй Лазаревичъ приглашалъ тогда на балъ всѣхъ своихъ знакомыхъ. Дворецкій у Базова былъ прежній его комердинеръ Никита Савичъ, десяткомъ лѣтъ моложе своего господина, и подобно ему добрый, свѣжій старикъ, который зналъ только два дѣла: читать въ слухъ у себя духовныя книги и распоряжаться по дому. Послѣднюю обязанность онъ сократилъ однако же и ограничился только заботами о томъ, чтобы своевременно подавали завтракъ, обѣдъ, чай и ужинъ; чтобы за столомъ были извѣстныя блюда, чтобы во время освѣщались покои; а дальнѣйшія хлопоты по хозяйству передалъ на руки домоправительницѣ Агатѣ Карловнѣ, которая лѣтъ тридцать занимала уже эту должность и развела нѣсколько поколѣній собакъ и кошекъ, которыя шумной, друж-

ной стаей сопровождали её по кладовымъ и вообще по хозяйству. Сверхъ того на Агатѣ Карловнѣ лежала обязанность приготовлять генералу кофе, который она варила такъ мастерски, что если иногда по болѣзни не могла сама его приготовить, генералъ за первымъ глоткомъ узнавалъ это, гнѣвался немного и цѣлый уже день оставался въ дурномъ расположеніи духа.

Каждый день за столомъ Базова можно было насчитать душъ около 15, а если въ городкѣ стояли военные,— и говорить нечего, что они обѣдали у него. Разъ навсегда офицеры были приглашены къ старику запросто. Въ описываемую эпоху въ Смуровѣ не было военныхъ; да и кажется они уже не стояли тамъ лѣтъ около десятка. Обыкновенно вечернее общество Базова составляли: Марко Ивановичъ Хлопотунъ, городничій отставной маіоръ, Кирило Өедосѣичъ Дублинскій, смотритель училища, Романъ Петровичъ Совиковскій, судья, и отставной корнетъ Шилобрѣевъ. Кромѣ ихъ бывали и другіе гости; но первые постоянно 365, а въ високосный 366 разъ въ годъ не смотря ни на какую погоду, навѣщали генерала. Судья, городничій и смотритель составляли партію Алексѣя Лазаревича. Шилобрѣевъ не игралъ въ коммерческія, но тѣмъ не менѣе подходилъ къ каждому изъ играющихъ, совѣтовалъ, сердился и горячился за всѣхъ, потому что

изъ игравшихъ никто не горячился. Кромѣ того онъ былъ мастеръ дразнить попугаевъ, обезьянъ и ссорить шутовъ.

Утро Алексѣй Лазаревичъ обыкновенно проводилъ у себя въ кабинетѣ за чтеніемъ книгъ и журналовъ. Читалъ ему домашній секретарь, образованный молодой человѣкъ—отъявленный философъ, какъ говаривалъ Базовъ, потому что секретарь этотъ, окончивъ чтеніе, уходилъ въ свою комнату до обѣда, а послѣ обѣда уже не показывался, развѣ что нибудь экстренное призывало его къ генералу. Въ Смуровѣ одни утверждали что онъ алхимикъ, а другіе, вслѣдъ за смотрителемъ училища повторяли, что секретарь составляетъ грамматику и лексиконъ какого-то мертваго языка. Названіе этого языка не всѣ умѣли выговорить, а выражались, что языкъ этотъ теперь не въ употребленіи, а когда-то на немъ должно быть говорили. За чтеніемъ газетъ и журналовъ старикъ обыкновенно пилъ кофе, потомъ чай, а къ завтраку выходилъ въ гостиную, гдѣ и оставался до обѣда, который подавали въ 2 часа непремѣнно. Ежедневно Никита Савичъ, обернувъ руку салфеткой, входилъ въ гостиную въ ту минуту, когда часы били два, и докладывалъ, что кушанье подано. Вслѣдъ за этимъ Алексѣй Лазаревичъ съ привѣтливой улыбкой обращался къ присутствовавшимъ, пропускалъ всѣхъ до одного впередъ, и такимъ образомъ всѣ шли черезъ огромную залу къ затворенной тяжелой

рѣзной двери съ золотымъ карнизомъ. Когда процессія, впереди которой шелъ дворецкій, подходила на шагъ къ этой двери, обѣ половинки ея растворялись, и общество вступало въ длинную, богатоубранную столовую. За обѣдомъ, продолжавшимся довольно времени, самъ генералъ заботливо потчивалъ гостей виномъ, у него было строго приказано всѣмъ подавать все, безъ различія чиновъ и состояній. Послѣ обѣда всѣ отправлялись въ кабинетъ, пили кофе, а въ 4 часа генералъ уходилъ къ себѣ отдохнуть. Гости могли дѣлать что имъ угодно, а въ 7 часовъ подавался чай въ большой гостиной, гдѣ и составлялись партіи въ вистъ и преферансъ, начинавшій входить въ моду въ это время. Въ 11 часовъ Никита Савичъ докладывалъ что ужинать подано, и послѣ ужина гости расходились. Это будничный образъ жизни; въ праздникъ было иначе. Послѣ обѣдни, которой почти никогда не пропускалъ Алексѣй Лазаревичъ, все Смуровское общество, т. е. мужчины, отправлялось обѣдать къ Базову, а вечеромъ являлись дамы и дѣвицы въ самыхъ простыхъ нарядахъ и занимались чѣмъ кому было угодно. Обыкновенно по праздникамъ въ большой залѣ гремѣлъ оркестръ музыки, и молодежь танцовала, а постомъ музыка исполняла какія нибудь посерьознѣе пьесы. Оркестръ Алексѣя Лазаревича славился по всей губерніи, и часто его просили на зиму въ разные города, но ста-

рикъ рѣшительно отказывалъ. Какъ питомецъ прошлаго вѣка, Алексѣй Лазаревичъ былъ необыкновенно вѣжливъ съ прекраснымъ поломъ; какъ слабый смертный, и въ глубокой старости сохранилъ пристрастіе къ хорошенькимъ, и обыкновенно по праздникамъ не игралъ въ карты, а усаживался въ покойномъ креслѣ въ гостиной и бесѣдовалъ съ иными дамочками Смурова, изъ которыхъ были и интересныя. Но съ ними я въ свое время познакомлю читателей.

Праздничные вечера Алексѣя Лазаревича назывались „семейными вечерами“ и первымъ необходимыхъ ихъ условіемъ была простота дамскаго костюма, что сначала огорчало иныхъ щеголихъ уѣзднаго города. Неудовольствіе это однако же прошло само собою, когда увидѣли ощутительную пользу этого, нетягостнаго впрочемъ условія. На вечерахъ Алексѣя Лазаревича было шумно и весело, и если бы не одинъ важный недостатокъ — отсутствіе молодежи, то смѣло можно было бы ручаться, что Смуровскій прекрасный полъ проводилъ бы всѣ праздники съ особеннымъ удовольствіемъ. Но, увы, не въ одномъ Смуровѣ чувствуется подобный недостатокъ; почти вездѣ въ провинціи, гдѣ только не стоятъ войска, нѣтъ на балахъ и половины необходимыхъ кавалеровъ. Дѣвицы и молодыя дамы Смурова описываемой эпохи помнили неясно, а иныя знали, только по преданіямъ, воен-

ныхъ постояльцевъ, и только отъ матушекъ своихъ слыхали о тѣхъ баснословныхъ временахъ, когда у Алексѣя Лазаревича танцовали въ двѣ кадрили, а мазурка составлялась паръ изъ двадцати, а иногда и болѣе. Рождественскіе, Свѣтлые праздники и лѣто проходили иной разъ нескучно, потому что въ это время наѣзжала молодежь изъ разныхъ учебныхъ заведеній, и хоть это были почти все гимназисты, однако все таки красные воротники разнообразили семейные вечера, и не одна дѣвица мечтала о юношѣ съ голубыми глазами и на поляхъ не одной реторики Кошанскаго отмѣчались карандашемъ фразы: она мила! она восхитительна! Мѣстные же кавалеры, при всемъ желаніи, не могли занять всѣхъ смуровскихъ красавицъ, потому что танцующее человѣчество состояло только изъ семи человѣкъ, да и то одинъ (непремѣнный засѣдатель) не могъ вальсировать оттого что чувствовалъ головокруженіе,—а о полькѣ и говорить нечего. Полька едва еще начинала проникать тогда въ Смуровъ. Показалъ ее одинъ проѣзжій гусаръ и выучилъ трехъ дѣвицъ, которыя со всѣми усиліями, едва успѣли кое какъ выучить двухъ кавалеровъ: стряпчаго и учителя русской грамматики, котораго шутя, а, можетъ быть, и съ досады смуровская молодежь называла сердцеѣдомъ. Учитель русской грамматики былъ изъ гимназистовъ, довольно молодъ, одѣвался щегольски, танцовалъ не дурно, а го-

ворилъ... но объ этомъ надо спросить у прекраснаго пола. Остальные кавалеры танцовали изрядно, непогрѣшительно знали фигуры кадрили, вальсировали всегда почти въ тактъ, мазурку отхватывали на каблукахъ и вообще дѣйствовали на паркетѣ неутомимо. Многіе канцелярскіе тоже учились втихомолку этой премудрости, но только тотъ изъ нихъ, кто чуствовалъ себя уже вполнѣ въ силахъ не ударить лицемъ въ грязь передъ аристократическою публикою, осмѣливался становиться въ ряды танцующихъ на семейномъ вечерѣ, и отъ перваго дебюта зависѣла вся будущая его слава. Большая часть неофитовъ успѣвала; но иной злополучный юноша, не умѣя приноровить движеній толстой подошвы къ поверхности скользкаго паркета видя какую нибудь интересную особу вдругъ терялъ въ быстромъ предательскомъ вальсѣ равновѣсіе, нѣсколько секундъ лавировалъ, но, увлекаемый роковою силою, повергался на полъ, роняя вмѣстѣ съ собой и снисходительную особу, подарившую его согласіемъ на два, на три тура. Подобное паденіе не рѣдко сопровождалось плачевными послѣдствіями и имѣло гибельное вліяніе на дальнѣйшія успѣхи въ танцахъ. Но число танцоровъ возрастало до 11, а иногда и болѣе, когда изъ уѣзда появлялись молодые помѣщики или проѣзжіе чиновники изъ губернскаго города. Богъ ихъ знаетъ, смуровскихъ дамъ, какъ онѣ провѣдывали объ экстренныхъ кавалерахъ, только всегда при появленіи послѣднихъ, на

семейныхъ вечерахъ Алексѣя Лазаревича, вопреки смуровскому кодексу, появлялась неизвинительная роскошь въ костюмахъ. Зоркій глазъ Базова примѣчалъ подобныя невинныя хитрости; но генералъ только грозилъ издали хорошенькимъ преступницамъ.

Познакомившись съ домомъ Алексѣя Лазаревича заглянемъ и въ другіе дома смуровской аристократіи.

Наискось отъ Базова, черезъ улицу, возлѣ небольшаго ряда лавокъ, въ которыхъ продавались овесъ и сѣно, стоялъ хорошенькій домикъ о семи окнахъ, принадлежавшій уѣздному судьѣ Совиковскому. Романъ Петровичъ служилъ нѣкогда подпоручикомъ въ какомъ-то пѣхотномъ полку, но давно вышелъ въ отставку и былъ судьею уже четвертый срокъ. Дворяне не только единодушно избирали его въ эту должность, но постоянно передъ каждыми выборами отправлялись къ нему съ просьбою не отказываться и занимать по прежнему судейское кресло. Женился Романъ Петровичъ сейчасъ же по выходѣ въ отставку, да кажется женитьба и была причиной того, что онъ оставилъ службу. Плодомъ этого супружества была единственная дочь Наденька, которая по недостаточнымъ средствамъ родителей, выросла и окончила свое воспитаніе въ Смуровѣ. Она была миленькая дѣвушка, страстная охотница читать, но поклонница французскаго языка, котораго, увы, не знала, потому что выучила грама-

тику только до глагола avoir, а изъ разговоровъ умѣла болтать нѣкоторыя фразы, да и тѣ коверкала, надо сказать правду, довольно не милостиво.

На правомъ углу большой улицы, по одной же сторонѣ съ Совиковскимъ, въ красивомъ жолтомъ домикѣ обиталъ Марко Ивановичъ Хлопотунъ, блюститель города, маіоръ и кавалеръ. Семейство его состояло изъ двухъ взрослыхъ дочерей, которыя воспитывались въ полку, на походѣ, но лепетали, къ удовольствію родителей, по французски и слыли, первыми танцорками, потому что мать ихъ была полька,—и изъ трехъ сыновей небольшихъ, рѣзвыхъ мальчиковъ, записанныхъ кандидатами въ кадетскіе корпуса и ожидавшихъ только срока отправленія. Супруга Марка Ивановича была добрая женщина, веселая говорунья, хорошая хозяйка, и имѣла маленькую слабостъ въ сорокъ лѣтъ выставлять свою ножку, которая, надо отдать справедливость, была довольно красива. Сверхъ того госпожа Хлопотунъ черезъ мѣру любила заниматься чужими дѣлами.

На площади противъ гостиннаго двора обиталъ въ собственномъ домѣ, но только зимою, помѣщикъ Лука Ивановичъ Воронъ, на лѣто, какъ водится у порядочныхъ людей, уѣзжавшій въ деревню. Это былъ мужчина лѣтъ 50, плотный, довольно надутый, немножко глуповатый, но у котораго всѣ эти недостатки выкупались прехорошень-

*

кою, молоденькою женою. Подцѣпилъ онъ ее гдѣ-то въ губернскомъ городѣ. Слухи носились, что г-жа Воронъ, бывъ дѣвицею, ни зачто не хотѣла составить счастья Луки Ивановича, но что будто бы нѣжная и заботливая ея маменька (можетъ быть это и неправда) больно высѣкла ее за это и обѣщала впредь поступать точно такимъ же образомъ въ случаѣ непослушанія. И будто бы вслѣдствіе этого черноглазая Юлія Дмитріевна и рѣшилась составить счастье Луки Ивановича, получивъ отъ него предварительно, еще передъ вѣнцомъ дарственную запись на половину его недвижимаго имѣнія, т. е. пріобрѣла на свою долю 67 ревижскихъ душъ мужскаго пола, съ потребнымъ количествомъ земли. Съ тѣхъ поръ она проводила все свое время съ глазу на глазъ съ своимъ нѣжнымъ супругомъ, который не былъ впрочемъ ревнивъ, но до того любилъ Юлію Дмитрівну, что не пускалъ ее ни на шагъ отъ себя. Если же случалось ей выѣзжать на семейные вечера или на балъ въ другое мѣсто, Лука Ивановичъ былъ оченъ радъ, когда жена танцовала, но всегда торчалъ у нея за стуломъ, когда кавалеръ благодарилъ ее, онъ самъ, пользуясь этимъ случаемъ, цаловалъ ее непремѣнно три раза въ губки. Лука Ивиновичъ былъ вообще необщежителенъ, питалъ въ душѣ аристократическія наклонности; не любилъ бывать Богъ знаетъ у кого „и принимать къ себѣ разныхъ этакихъ“, какъ онъ

выражался, и вообще обнаруживалъ изподтишка духъ опозиціи противъ семейныхъ вечеровъ Алексѣя Лазаревича и противъ всеобщаго къ нему уваженія. „Мы слава Богу", говаривалъ онъ: „и сами имѣемъ кусокъ хлѣба, не нуждаемся въ угощеніяхъ Базова. Конечно мы не прочь посѣтить старика, но надобно же соблюдать приличія, а онъ иногда цѣлый годъ не платитъ визита." Услужливые люди, т. е. смотритель училища Дублинскій пылавшій тайною страстью къ Юліи Дмитріевнѣ, и корнетъ Шилобрѣевъ передали это Алексѣю Лазаревичу; но старикъ не только не оскорбился, а напротивъ въ первый же праздникъ поѣхалъ къ Лукѣ Ивановичу, потому что ему не хотѣлось лишать своихъ семейныхъ вечеровъ лучшаго ихъ украшенія, т. е. г-жи Воронъ, которую иныя завистливыя барыни и даже барышни называли вороною, не смотря на то, что Юлія Дмитріевна нисколько не походила на эту птицу, а напротивъ была премиленькая женщина. Больше всѣхъ не любила ее городничиха, потому что у г-жи Воронъ ножка была заглядѣнье, словно игрушка, какъ выражался корнетъ Шилобрѣевъ, который, тоже сгаралъ страстью къ прекрасной Юліи Дмитріевнѣ. Городничиха даже объявила подъ секретомъ, что нога у Юліи Дмитріевны вовсе на такъ мала, какою кажется, но что г-жа Воронъ опытная кокетка и умѣетъ всегда поворачивать свои ноги такъ, что онѣ кажуться крошечными;

въ самомъ же дѣлѣ весьма обыкновенныя и не хорошей формы. При этомъ, если не было никого изъ постороннихъ, а одни короткіе знакомые, городничиха приподымала платье и показывала свою ногу, но вдругъ, какъ бы опомнившись, призывала которую нибудь изъ дочерей и говорила: „Вотъ посмотите, чѣмъ же это не нога, меньше чѣмъ у вороны, а вѣдь никто не кричитъ объ этомъ!"

Черезъ площадь, какъ разъ противъ оконъ Луки Ивановича жилъ отставной надворный совѣтникъ, служившій въ Сибири, у котораго было четыре дочери Старшая называлась Катей, а остальныя всѣ были Марьи и для отличія именовались: Маша, Машенька и Машурочка. Если кто знакомился съ Кириломъ Ѳедоровичемъ, онъ, послѣ обычныхъ привѣтствій, представлялъ гостю своихъ дочерей и непремѣнно тотчасъ же изъяснялъ, отчего три младшія дочери его назывались Марьями. Въ бытность мою на службѣ въ Иркутскѣ,—говаривалъ онъ сморкаясь, при чемъ великолѣпный носъ его издавалъ звуки бассетъ-горна,—я женился тамъ на своей Агафьѣ Даниловнѣ. Въ первый же годъ брака Богъ благословилъ насъ Катенькой; а послѣ хотя и ежегодно прибавлялось семейство, однако малютки черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умирали Ужъ. чего мы не дѣлали, даже однажды приглашали генеральскаго доктора,— былъ знакомъ,—ничто не

помогало. Похоронивъ пятаго ребенка, мы пріуныли ненашутку. Вотъ Агафьѣ Даниловнѣ и снится сонъ. Видитъ она старика съ бѣлой бородою, да такой, говоритъ, словно изъ чистѣйшаго серебра 84 пробы; одѣтъ по монашески, только, говоритъ, не клобукъ на головѣ, а какой-то говоритъ, блестящій сосудъ, изъ котораго течетъ елей, ну такой чистый, что хоть въ лампаду. Вотъ старикъ подошелъ къ ней и приказалъ ей намазать волосы этимъ елеемъ. Агафья Даниловна со страхомъ исполнила это приказаніе, а старикъ и говоритъ: „Жено! если у тебя будутъ сыновья, называй ихъ Гавріилами, а буде дочери, то не иначе, какъ Марьями, и младенцы будутъ живы.“ Жена проснулась и сообщила мнѣ сонъ. Послѣ этого Богъ благословилъ насъ еще тремя дочерьми, и каждую мы нарекали Маріей.“ Маша, Машенька и Машурочка были довольно недурныя собою дѣвушки.

На западной сторонѣ площади, окруженная садомъ двухъ-этажная аптека Карла Ивановича Гринштубе, у котораго тоже были двѣ дочери невѣсты, Лизхенъ и Мальхенъ, довольно смазливыя нѣмочки, и хотя онѣ имѣли нѣкоторымъ образомъ право принадлежать къ смуровской аристократіи, но какъ-то вели жизнь болѣе уединенную и не были постоянными посѣтительницами семейныхъ вечеровъ.

При самомъ въѣздѣ въ Смуровъ по одному проселоч-

ному тракту, жила еще вдова Штабъ-лѣкарша Теремѣева, у которой была хорошенькая дочь Пашенька. Теремѣева имѣла порядочное состояніе, ѣздила въ четвероместной коляскѣ, принимала у себя прекрасно и составляла необходимое звѣно смуровской аристократіи, заключая кругъ избранныхъ. Остальное общество состояло изъ разнообразныхъ членовъ; но какъ читателю не придется встрѣтиться съ ними на страницахъ нашего разсказа, то я и оставлю въ покоѣ многочисленныхъ обитателей Смурова, которые по праву рожденія, состоянія, знатности или талантовъ не могли попасть въ кругъ аристократіи. При этомъ не лишнее будетъ замѣтить, что Алексѣй Лазаревичъ не дѣлалъ въ своемъ домѣ различія гостямъ и приглашалъ всѣхъ и каждаго. Но опять надо сказать и то, что Базовъ могъ принимать кого ему угодно, но не могъ же онъ насильно заставить аристократовъ, а въ особенности аристократокъ вести знакомство Богъ знаетъ съ кѣмъ. Иныя выскочки изъ дамъ и пробовали было являться на семейные вечера; но во первыхъ не разъ должны были проходить сквозь строй безжалостныхъ взоровъ, подъ градомъ самыхъ тонкихъ насмѣшекъ, во вторыхъ сами чувствовали неловкость своего положенія. Ни воспитаніе, ни манеры, самые костюмы ихъ не подходили подъ уровень щеголихъ этого чужаго для нихъ міра.

Смуровскіе кавалеры были какъ всѣ кавалеры. Моло-

дые люди старались одѣваться щеголевато, да и не очень молодые слѣдовали тому же правилу Кто могъ выписывать платье изъ губернскаго города, тотъ непремѣнно его выписывалъ, кто не могъ — покрайней мѣрѣ наблюдалъ, чтобы мѣстные портные строго слѣдовали современной модѣ. Вотъ почему на семейныхъ вечерахъ вы не могли встрѣтить того нелѣпаго безобразія, какое встрѣчается во многихъ уѣздныхъ городахъ, гдѣ фракъ походитъ иногда на пальто, а жилеть на мебельный чахолъ. Всѣ костюмы были пристойны, хотя въ одномъ и грѣшили мѣстные львы, т. е. въ пестротѣ, и яркости цвѣтовъ. Впрочемъ пестрота эта не простиралась далѣе галстуховъ и жилетовъ, да и то на семейныхъ вечерахъ; а на балахъ всѣ кавалеры бывали въ черныхъ фракахъ и свѣтлыхъ жилетахъ, развѣ уже у кого нибудь прачка не успѣвала вымыть или какъ нибудь запачкался бальный жилетъ такъ, чти приходилосъ надѣвать цвѣтной. Но и то кавалеры, съ кѣмъ случалась подобная оказія, спѣшили разсказать передъ баломъ всѣмъ кому вѣдать надлежало, отчего они не въ свѣтломъ жилетѣ. Надо отдать справедливость, что молодые люди вообще умѣли держать себя прилично. Съ прибытіемъ въ Смуровъ учителя русской граматики Григорія Ильича Мордаевскаго, появившагося въ лакированныхъ сапогахъ, кавалеры пришли было въ уныніе, потому что въ Смуровѣ не было лакированной кожи; но черезъ

мѣсяцъ евреи гдѣ то достали этого товара, и у первѣйшихъ щеголей, т. е. у стряпчаго, уѣзднаго лѣкаря и непремѣннаго засѣдателя появились лакированные сапоги хотя они были шиты и не совсѣмъ красиво, однако, какъ угодно, а на паркетѣ лакированный сапогъ, какой бы онъ ни былъ все таки не то что опойковый. Корнетъ Шилобрѣевъ не надѣвалъ однакоже лакированныхъ сапоговъ; онъ говорилъ, что при военномъ мундирѣ это запрещено: за это, говоритъ, нашего брата сажаютъ на брандурку. Многіе желали знать что это за брандурка и адресовались къ Шилобрѣеву съ вопросомъ, а корнетъ отвѣчалъ, что брандурка — казенная квартира съ отопленіемъ и освѣщеніемъ при чемъ покручивалъ усы, заливался продолжительнымъ смѣхомъ и прибавлялъ! „или, если угодно черезъ часъ по столовой ложкѣ“. Многимъ желалось-бы знать изъясненіе и этой, повидимому, чисто медицинской фразы, но всѣхъ пугало не менѣе непостижимое слово: трезвонъ съ перезвономъ.

Вообще корнетъ любилъ мудреныя выраженія, а съ дамами былъ краснорѣчивъ и необыкновенно находчивъ. Ходилъ онъ въ военномъ платьѣ. Поговаривали, что Антонъ Михайловичъ не имѣлъ на это никакого права; но кто же рѣшился бы напомнить ему объ этомъ, тѣмъ болѣе что онъ поселился, какъ дома, у Алексѣя Лазаревича и состоялъ при немъ какъ бы по особымъ порученіямъ.

Видите-ли; они были однополчане, т. е. Базовъ командовалъ тѣмъ самымъ полкомъ, въ который Антонъ Михайловичъ опредѣлился лѣтъ черезъ двадцат по оставкѣ генерала. Явившись въ Смуровъ, Шилобрѣевъ такъ и отрекомендовался генералу, объявивъ откровенно, что онъ лишился всего состоянія и не можетъ служить въ кавалеріи, не имѣя приличнаго содержанія и будучи подверженъ страданіямъ печени. Алексѣй Лазаревичъ сейчасъ же предложилъ сослуживцу жить у него сколько угодно, и делекатно давалъ Антону Михайловичу способы не только одѣваться щегольски, но даже и кутнуть въ городѣ, если-бы встрѣтилась необходимость. Шилобрѣевъ съ своей стороны тоже старался чѣмъ нибудь услужить генералу: сталъ завѣдывать его конюшней, ѣздилъ даже въ деревни Базова, дѣлалъ инспекторскій смотръ конскому заводу, и всегда сопровождалъ на ярмарки ремонтъ, который продавалъ выгодно и необыкновенно ловко. Это называлъ онъ военнымъ временемъ, а въ мирное жилъ въ Смуровѣ припѣваючи: ухаживалъ за прекраснымъ поломъ, и былъ однимъ изъ неутомимыхъ танцоровъ. На семейныхъ вечерахъ онъ обыкновенно появлялся въ уланскомъ сюртукѣ, на который, вопреки формѣ, навѣшивалъ новенькій, блестящій этишкетъ неизмѣримой длины, и такъ ловко его запутывалъ, что неопытные могли счесть этотъ этишкетъ аксельбантомъ. Одну только странность замѣчали у

Антона Михаиловича, но къ этому въ продолженіи десяти лѣтъ успѣли привыкнуть обитательницы Смурова: корнетъ никогда не носилъ на балахъ перчатокъ. „Это, говорилъ онъ подъ веселую руку:—съ позволенія сказать дребедень! Охота-же мнѣ напяливать перчатки! Будь у меня на рукахъ что нибудь этакое понимаете? или наконецъ у меня бы руки потѣли, ну извѣстное дѣло, я не постоялъ бы за полтинникомъ. Но какъ у меня руки чисты и недурны, такъ я и оставляю перчатки для верховой ѣзды. И я не понимаю какъ можно въ перчаткахъ рѣшиться взять за руку хорошенькую: не чувствуешь ни теплоты, ни пожатія и ни какихъ авантажей. Довольно и безъ меня бонжуровъ т. е. распереферто̀въ и тому подобныхъ физикатовъ". О возрастѣ своемъ Антонъ Михайловичъ никогда не давалъ положительныхъ свѣдѣній и отвѣчалъ со свойственной ему уклончивостью. Блестящіе черные волосы, лихіе усы въ завиткахъ и полное лицо явно свидѣтельствовали что онъ еще не былъ старъ; но иной разъ корнетъ подъ веселую руку разсказывалъ съ хронологіей нѣкоторыя свои похожденія, и странно было думать что Антону Михайловичу за сорокъ. Впрочемъ онъ выражался о себѣ таинственно, хотя и намекалъ подъ веселую руку, что прошедшее его было похоже на хиромантію, но самый намекъ этотъ повергалъ его знакомыхъ еще въ большее недоумѣніе и заставлялъ теряться въ до-

гадкахъ. Одна хорошенькая дѣвушка рѣшилась было спросить его, что онъ разумѣетъ подъ словомъ хиромантія? и Шилобрѣевъ, какъ человѣкъ очень деликатный съ дамами, не смѣя напомнить ей о трезвонѣ съ перезвономъ отвѣчалъ, что подъ словомъ хиромантія, которое всякому извѣстно, кто читалъ гадательныя книги, онъ разумѣетъ какую-то этакую филологію. Хорошенькая дѣвушка не смѣла болѣе разспрашивать, потому что замѣтила, что Шилобрѣевъ при этомъ задумался, граціозно подбочинившись и закручивая завитки черныхъ усовъ. Молодежь любила однакоже веселаго, беззаботнаго корнета. У него была бездна веселыхъ занимательныхъ анекдотовъ съ *моимъ почтеніемъ* и даже самыхъ *малиновыхъ*. Такъ называлъ онъ анекдоты, которыхъ нельзя было разсказать въ женскомъ обществѣ, но отъ которыхъ мужчины помирали со смѣху. Не думайте однакоже, что Антонъ Михайловичъ, по примѣру прочихъ разсказчиковъ, всегда самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ своихъ анекдотовъ. Нисколько. Напротивъ, слушая иного господина, который разсказывалъ какое-нибудь давно извѣстное смѣшное приключеніе и представлялъ изъ себя главнаго героя, Шилобрѣевъ улыбался и послѣ говорилъ: не мѣшало бы шпанскую мушку на языкъ! Къ чести Шилобрѣева должно сказать еще и то, что, живя 10 лѣтъ въ домѣ генерала, онъ не только не сдѣлалъ ничего предосудительнаго, но дѣйствуя прямо,

не измѣняя своимъ привычкамъ, никогда не ссорился ни съ кѣмъ и самъ Никита Савичъ и сама Агата Карловна, относилась объ немъ съ уваженіемъ.

Шуты не любили его немножко; но и тѣхъ не обижалъ онъ какими нибудь жестокостями не задавалъ ни одному трезвону съ перезвономъ, а изрѣдка только угощалъ перчикомъ еъ чемеричкой, на что тоже у него былъ свой терминъ. Это впрочемъ мелочи, и Шилобрѣевъ не столько хлопоталъ о собственной потѣхѣ, сколько о томъ, чтобы шуты не даромъ ѣли хлѣбъ и занимались службой ,,иначе, лежа на боку, можно забыть и шутовство" говоривалъ онъ. Корнетъ производилъ имъ иногда ученье, заставлялъ дѣлать разныя эволюціи, придавая къ нимъ для увеличенія количества взвода шаловливую обезьяну. Ученье это всегда окружала толпа любопытныхъ, и оно не всегда оканчивалось комически, потому что шуты иногда вступали въ драку, и ихъ надо было разнимать, причемъ у иного послѣ не хватало клочка волосъ, а иной возвращался съ порядочной царапиной, которую впрочемъ приписывали вмѣшательству обезьяны. Разумѣется ссоры эти не доходили до Алексѣя Лазаревича, и много много, что узнавалъ о нихъ Никита Савичъ, который безъ церемоніи грозилъ шутамъ посадить ихъ на хлѣбъ и на воду, что и примиряло враждующихъ.

На одной изъ красивыхъ улицъ Москвы, въ глубинѣ

обширнаго двора, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, стояли барскія палаты XVIII вѣка со всѣми фантазіями и затѣями минувшаго времени—даже во внутреннемъ устройствѣ, хотя потокъ новыхъ обычаевъ давно уже преобразовалъ Бѣлокаменную. Эти палаты принадлежали княгинѣ Варварѣ Петровнѣ Усманской, имѣвшей семь тысячь душъ, сотни двѣ родныхъ, нѣсколько тысячь знакомыхъ, необъятную дворню, десятки попугаевъ, огромное количество мосекъ, приживалокъ, воспитанницъ, арапа и сѣдаго калмыка. Съ утра до вечера домъ княгини Усманской былъ набитъ посѣтителями; Варвара Петровна была во первыхъ очень богата, во-вторыхъ бездѣтна и стара, въ третьихъ тщеславилась благотворительностью. Что же касается княгини, ей были нужны только новыя вѣсти и приличная партія бостона, а подъ конецъ преферанса, который одинъ изъ всѣхъ нововведеній какъ-то понравился старухѣ. Играла она обыкновенно по три копѣйки, играла чрезвычайно дурно, пропасть проигрывала; но съ шести часовъ вечера и до глубокой ночи регулярно сидѣла за карточнымъ столомъ, не играя въ году одну только недѣлю, когда говѣла, и то недѣлю, неполную, а начиная съ среды. Несмотря на необыкновенную набожность, старушка однакожь тяготилась этими днями, потому что не входила въ свою пышную гостиную, обитую голубой шелковой матеріей, съ золоче-

ными карнизами, гдѣ привыкла сидѣть у полукруглой выгнутой печки, на какомъ то фантастическомъ диванѣ, за любимымъ ломбернымъ столомъ. Старушка ѣздила тогда аккуратно въ церковь, молилась, долго, заставляла читать себѣ священныя книги, но въ семь часовъ вечера чувствовала такую грусть, что впадала въ совершенное уныніе и кажется считала минуты до того вожделѣннаго времени, когда совѣсть и приличіе позволятъ ей составить партію. Княгиня до того привыкла у себя къ преферансу, что, не играя сама во время говѣнья, уже съ середы принимала своихъ обычныхъ посѣтителей и просила ихъ играть въ карты, а сама, сидя комнатъ за восемь посылала кого нибудь освѣдомляться о ходѣ игры, потѣшалась, если кто нибудь ставилъ большой ремизъ и обыкновенно приговарилала: „я ему всегда сказывала, матушка, что онъ играть не умѣетъ: вотъ же ухитрился поставить ремизъ, когда можно было выиграть!“

Княгиня была худощавая средняго роста старушка, всегда въ темномъ капотѣ и остроконечномъ чепцѣ, который завязывала широкою лентою подъ бородою. По поводу этого обстоятельства знакомые, и больше проживалки, трубили по всей Москвѣ, что у матушки княгини росли на бородѣ порядочные волосы, которыхъ она брить не рѣшалась, подстригать не имѣла охоты, и потому прикрывала бантомъ эту маленькую игру природы. Кня-

гиня Усманская принадлежала къ числу дамъ высшаго общества того времени, когда еще высшее общество смотрѣло на остальное человѣчество не съ тѣмъ вѣжливымъ презрѣніемъ, съ какимъ оно смотритъ теперь, но съ истиннымъ высокомѣріемъ, съ настоящею гордостью, безъ маски, безъ натянутой холодности. Въ то время, когда княгиня была еще молода, вельможи обходились съ низшими привѣтливо, но требовали къ себѣ открыто уваженія и подобострастія; а если кому и отдавали справедливость въ душевныхъ качествахъ, умѣ или талантѣ, то тѣмъ не менѣе не прощали, когда даже такіе люди забывались передъ ними въ какомъ бы то ни было случаѣ. Княгиня принадлежала къ обломкамъ этого общества, уже не существующаго, которое не могло пережить своихъ разрушенныхъ убѣжденій и распалось само собою, подобно рыцарскому замку, который развалился для того, чтобы уступить мѣсто какому нибудь красивому дому или фабрикѣ. Она сохранила въ своемъ старинномъ домѣ все старинное великолѣпіе, конечно полинялое, обветшалое, но гордое, подовлявшее васъ и своимъ богатствомъ и тяжестью вкуса.

Выговаривала она тѣмъ изъ знакомыхъ, кто не пріѣзжалъ поздравить ее съ праздникомъ, и презрительно отзывалась о князьяхъ и графахъ, которыхъ роды были моложе ея рода. Вообще она не любила грузинскихъ кня-

жескихъ фамилій, и знакомые, если не хотѣли заслужить ея не расположенія, никогда не называли князьями членовъ этихъ фамилій: иначе старушка выходила изъ себя до того, что нижняя челюсть ея начинала трястись, губы съуживались и два единственные ея зуба непремѣнно бы стучали, если бы только могли коснуться другъ друга. Больше всего княгиня тщеславилась тѣмъ, что ни одинъ изъ членовъ почтеннаго рода князей Усманскихъ не запятналъ себя неравнымъ бракомъ, и съ гордостью разсказывала, что она въ семнадцать лѣтъ, будучи влюблена въ прекраснаго молодаго человѣка, пожертвовала всѣмъ,— и, единственная наслѣдница одной отрасли своего рода, вышла за шестидесятилѣтняго старика послѣдняго потомка другой славной отрасли князей Усманскихъ. „Я терпѣть не могла князя“ говорила она роднымъ, близкимъ знакомымъ или наконецъ приживалкамъ: „но если бывало вспомню, что съ нимъ угасаетъ слава нашего рода, невольно чуствовала къ нему уваженіе.“ Но она была бездѣтна. При этой любви къ славному имени предковъ казалось бы старушка должна была придти въ отчаяніе оттого, что родъ Усманскихъ угасалъ безъ потомства; но напротивъ, она торжественно, съ гордостью говорила, что видно Богу угодно было, чтобы знаменитый родъ Усманскихъ угасъ самъ собою въ эту эпоху, когда Игнашка Буинскій князь, Ванька Славинъ князь, Сережка Вель-

скій князь, тогда какъ Буинскіе, Славины и Вельскіе недавно, небольше какъ лѣтъ триста назадъ, были люди самаго темнаго происхожденія.... „Велика важность“ говорила она: „что тотъ спасъ армію, этотъ зажегъ непріятельскіе корабли, тотъ прогналъ татаръ; это, батюшка, все заслуги, кто и говоритъ: да Усманскіе, почитай при Андреѣ Боголюбскомъ были князьями, да не простыми, а удѣльными. Теперь же князей не перечтешь! брось камень въ голубя па площади, а попадешь въ князя или въ графа. Оттого то теперь не одно сіятельство служитъ гдѣ нибудь въ палатѣ писцомъ, а грузинскіе князья... да эти, говорятъ въ Тифлисѣ метутъ мостовыя. А какъ женятся-то нынѣшніе князья да графы, или за кого княжны и графини выходятъ за мужъ! Просто ужасъ. Какъ подумаешь, право лучше умирать безъ потомства: покрайней мѣрѣ будешь знать, что къ благородному гербу твоему не прибавятся ножницы портнаго или аршинъ гостинодворца.“

Княгиня Усманская слыла однако же доброй женщиной. И въ самомъ дѣлѣ у нея было доброе сердце, только доброта эта проявлялась иногда въ очень странныхъ формахъ, и ни одно благодѣяніе ея не обходилось безъ долгихъ наставленій и обычнаго заключенія, что люди за добро обыкновенно платятъ неблагодарностью. А между тѣмъ домъ ея былъ наполненъ приживалками и мно-

жествомъ воспитанницъ, изъ которыхъ большая часть оставалась въ дѣвушкахъ, потому что, по мнѣнію княгини, не встрѣчались приличныя партіи, а выдавать воспитанницу за кого нибудь старушка не хотѣла; приданое же назначала самое ничтожное. Обязанность воспитанницъ состояла въ томъ, чтобы присутствовать въ гостиной, при гостяхъ молчать, безъ гостей разсказывать что нибудь когда спросятъ, или читать Московскія вѣдомости; но каждая должна была имѣть при себѣ работу. Обязанностью приживалокъ было—утромъ являться въ спальню княгини, цаловать у ней руку и сообщать всевозможныя происшествія, случавшіяся въ Москвѣ, въ особенности же все, что относилось къ графскимъ или княжескимъ домамъ.

Въ обыкновенные дни воспитанницы допускались къ столу княгини, но на званыхъ обѣдахъ являлись только двѣ, три избранныя. Приживалки имѣли особый столъ у ключницы, имъ позволялось иногда не приходить къ обѣду на томъ основаніи что, разбредясь по обширной столицѣ за собираніемъ новостей, онѣ не могли всегда поспѣть домой въ назначенное время. Можно себѣ представить сколько въ домѣ княгини было ссоръ, сплетней, непріятностей и зависти! Все это доходило до ушей старушки, которая цѣлое утро посвящала домашнимъ слѣдствіямъ и наказывала виновныхъ, то приказывая имъ

класть извѣстное число поклоновъ, то сажая ихъ на хлѣбъ-на воду, или изгоняя ихъ на нѣсколько дней въ прачешную.

Въ описываемое время одна изъ воспитанницъ княгини, Наташа, пользовалась особымъ ея вниманіемъ: во первыхъ, потому, что была обыкновенно добра, во вторыхъ, потому, что получила прекрасное образованіе и присутствіе ея въ гостиной всегда льстило самолюбію старушки. Бѣдная эта дѣвочка попала къ Усманской, какъ попадали многія другія дѣвочки: по просьбѣ родителей или по ходатайству знакомыхъ, и вѣроятно вступила бы въ категорію прочихъ воспитанницъ княгини, которыхъ послѣдняя выростила больше двадцати, еслибъ случай не помогъ Наташѣ выдти изъ тѣсной сферы первоначальнаго ея назначенія. У княгини бѣла племянница, графиня Симская, которую старуха очень жаловала, и какъ дочь, любимой сестры, и какъ графиню. Послѣднее обстоятельство было очень важно въ глазахъ Варвары Петровны, потому что многія изъ ея родныхъ выходили просто безразсудно, по ея мнѣнію. Графиня Симская оставила послѣ себя сиротку дочь, которую Варвара Петровна взяла на свое попеченіе. А какъ графиня внучка была однихъ лѣтъ съ Наташей, то обѣ дѣвочки сейчасъ же подружились, что и дало возможность старушкѣ узнать короче Наташу: а тамъ уже вслѣдствіе привычки, кня-

гиня болѣе и болѣе привязывалась къ хорошенькой воспитанницѣ. Графиня внучка, достигнувъ семнадцати лѣтъ и получивъ самое блестящее воспитаніе, недолго однакожъ радовала заботливую бабушку: растанцовавшись на первомъ балѣ, она неосторожно покушала мороженаго, заболѣла скрывала причину болѣзни и умерла, несмотря на всѣ усилія лучшихъ медиковъ столицы. Событіе это больше всѣхъ опечалило Наташу, которая, теряя подругу, теряла вмѣстѣ съ ней и свое значеніе въ свѣтѣ и неясныя надежды, безъ сомнѣнія представлявшіяся молодому воображенію. И хотя старушка не охладѣла къ ней, однако Наташа начала замѣчать, что Варвара Петровня рѣже ласкала ее; а года черезъ два послѣ смерти внучки, перестала и отпускать ее на вечера къ тѣмъ изъ родныхъ, которые, изъ угожденія къ старухѣ, ласкали и ея любимую воспитанницу.

Незадолго до начала описываемыхъ происшествій, какъ-то разъ вечеромъ, сверхъ всякаго ожиданія, обыгравъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, старушка пришла въ такое восхищеніе, что не могла скоро уснуть и долго не отпускала отъ себя Наташу. Между прочими разговорами, княгиня намекнула воспитанницѣ, что пора ее пристроить. Наташа заплакала и объявила, что не желаетъ оставлять благодѣтельницу и не располагаетъ никогда выдти замужъ. Что Наташа питала къ княгинѣ горячую призна-

тельность, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; что же касается второй половины отвѣта, то кажется, это была одна изъ тѣхъ звучныхъ фразъ, которыя были въ модѣ у всѣхъ дѣвушекъ лѣтъ двадцать тому назадъ и говорились больше для эфекта. Конечно, Наташа очень хорошо сознавала свое сомнительное положеніе въ обществѣ, была убѣждена, что всѣ тѣ, кто напѣвалъ ей нѣжности, дѣлали это по привычкѣ... Но въ двадцать лѣтъ у хорошенькой дѣвушки не разрушается еще міръ очарованій, и надежды всегда порхаютъ на горизонтѣ предположеній о будущемъ.

Княгиня начала намекать о своей старости, о возможности внезапной смерти и хотя деликатно, однако упомянула о томъ, что дочери бѣднаго дворянина, круглой сиротѣ, какъ бы она образована ни была, не слѣдовало быть разборчивой. Разговоръ этотъ заронилъ въ душу дѣвушки много печальныхъ мыслей, и она не могла уснуть до разсвѣта. Въ счастливые годы, при жизни своей подруги, она предавалась удовольствіямъ и развлеченіямъ возраста, и въ это время чувствовала влеченіе то къ одному, то къ другому блестящему юношѣ; но мало по малу понявъ умненькой своей головкой настоящія свои отношенія къ свѣту, успѣла заставить замолчать свое сердце. Однакоже несмотря на все это, самолюбивыя мечты

находили иногда потаенные пути къ сердцу молодой дѣвушки.

Съ нѣкотораго времени княгиня начала чувствовать себя нехорошо, и медики рѣшили чтобы она весну и лѣто прожила въ деревнѣ. Старушка сначала противилась этому, говорила что болѣзнь ея происходитъ отъ старости; но когда любимый докторъ ея вызвался ѣхать съ нею въ деревню, Варвара Петровна согласилась и составила предположенiе такого рода, чтобы прежде съѣздить въ Кiевъ на поклоненiе св. угодникамъ, а оттуда уже отправиться въ деревню въ одну изъ южныхъ губерній. Разумѣется, что княгиня выбралась на своихъ, съ порядочнымъ штатомъ, какъ слѣдовало ея чину и званiю. Поѣздъ этотъ состоялъ изъ пяти экипажей и тащился нога за ногою. Дворецкій выѣзжалъ обыкновенно впередъ до разсвѣта, отыскивалъ самую удобную, покойную квартиру, готовилъ обѣдъ и убиралъ комнаты по возможности, разставляя дорожный ломберный столъ, и парадно ожидалъ прибытiя ея сiятельства. Все было устроено такъ, чтобы старушка ни въ чемъ не терпѣла недостатка и могла удовлетворять всѣмъ своимъ прихотямъ: видѣла любимыхъ мосекъ, когда бы ей ни вздумалось, ворчала на трехъ приживалокъ, имѣла партiю преферанса en trois и встрѣчала въ передней, а если передней не было на крыльцѣ — знакомыя физiономiи арапа и сѣдаго кал-

мыка, который постоянно вязалъ чулокъ, покачиваясь на мѣстѣ, словно еврей передъ шабашемъ. Въ половинѣ мая поѣздъ княгини Усманской, часу въ четвертомъ пополудни, прибылъ въ Смуровъ и остановился у воротъ хорошенькаго домика на площади, нанятаго на недѣлю, потому что Варвара Петровна располагала отдохнуть въ Смуровѣ, какъ на половинѣ дороги; притомъ она чувствовала себя не такъ здоровой.

Читателямъ конечно извѣстно изъ опыта, а инымъ изъ повѣстей и романовъ, что пріѣздъ новаго лица, въ особенности сколько нибудь значительнаго, служитъ эпохой въ уѣздномъ городѣ. Смуровъ хотя и составлялъ нѣкоторымъ образомъ исключеніе, т. е. не подходилъ подъ общій уровень городишекъ, стоялъ на довольно приличной ногѣ и, по примѣру губернскихъ городовъ, имѣлъ свою отъявленную аристократію, рѣзко отличавшуюся отъ прочаго человѣчества, — но все таки даже избранные его жители не умѣли еще пріобрѣсти того ледовитаго и наружнаго равнодушія, съ которымъ губернскіе аристократы узнаютъ о чьемъ нибудь пріѣздѣ, хотя въ глубинѣ души и сгараютъ любопытствомъ узнать поскорѣе: Кто пріѣхалъ? За чѣмъ? Долго ли пробудетъ? и т. д. Справедливость требуетъ замѣтить, что жителями или лучше сказать жительницами Смурова пропущенъ былъ пріѣздъ дворецкаго, такъ что княгинѣ успѣли уже приготовить обѣдъ

и только тогда, когда дворецкій отправился въ лавки купить лимоновъ, тогда только, по нѣкоторымъ салонамъ разнеслась смутная вѣсть о пріѣздѣ княгини. Разумѣется, что не успѣла Варвара Петровна показаться еще у заставы, какъ возлѣ ея квартиры собралась толпа любопытныхъ. Но, да не подумаетъ читатель, что въ этой толпѣ былъ кто нибудь изъ порядочныхъ! Какъ это можно! Мелькали тамъ шляпки и зонтики, но это былъ Богъ знаетъ кто, разныя этакія. Порядочныя дамы и дѣвицы смотрѣли изъ оконъ городничихи, или отъ г-жи Воронъ, а кавалеры просто прогуливались по городу, потому что была прекрасная погода. Корнетъ же Шилобрѣевъ красовался на молодой лошади, которую объѣзжалъ, что впрочемъ онъ дѣлалъ еще не далѣе какъ вчера. Правда, что корнетъ вчера ѣздилъ подвечеръ, и въ старомъ сюртукѣ, а сегодня выѣхалъ днемъ и въ новомъ сюртукѣ съ этишкетомъ; но Шилобрѣевъ легко могъ имѣть на это совершенно другія причины. Проѣзжая мимо оконъ Юліи Дмитріевны и видя у нея пріятное общество, корнетъ остановилъ коня, но не переставая потрогивать его слегка лѣвой шпорой, отчего лошадь піафировала на мѣстѣ и выказывала искуство и ловкость всадника. Ни Шилобрѣевъ, ни дамы, ни дѣвицы, бывшія въ окнахъ, даже не намекнули о пріѣздѣ княгини, а госпожа Воронъ съ милой улыбкой обратилась къ Антону Михайловичу:

— Куда это вы такъ рано собрались, М-r Шилобрѣевъ?

— На душу нашла какая то химера, отвѣчалъ онъ, трепля правой рукой по шеѣ статную лошадь: — хочу проѣхаться въ поле разсѣять эту утопію.

При этомъ на Юліи Дмитріевнѣ остановились самые убійственные взгляды, противъ которыхъ трудно было устоять хладнокровно.

— Вы хандрите? спросила г-жа Воронъ.

— Нѣтъ извините, отвѣчалъ онъ, нѣсколько обиженнымъ тономъ: — съ позволенія сказать, хандра военному человѣку не полагается; хандрить можно фертамъ, бонжурамъ и бонсуарамъ.

— Но сами же вы говорите, что вы не въ духѣ.

— То-есть, если угодно былъ не въ духѣ, но теперь... этакъ начинаю, что называется, чувствовать филадельфію.

— Какъ филадельфію? спросилъ чей-то тоненькій голосокъ, въ которомъ слышался едва удерживаемый смѣхъ.

— Обыкновенно какъ, т. е. на душѣ у меня теперь начинаетъ показываться этакое равновѣсіе.

И, взглянувъ самымъ злодѣйскимъ образомъ на Юлію Дмитріевну, Шилобрѣевъ поднялъ лошадь въ галопъ и и поскакалъ къ Московской заставѣ, рисуясь на сѣдлѣ, на которомъ, впрочемъ, держался ловко и граціозно.

Квартира Усманской была приготовлена какъ разъ

противъ дома Юліи Дмитріевны. По мѣрѣ того, какъ толпа любопытныхъ собиралась у воротъ княгини, всѣ почти фешьонебли Смурова останавливались у оконъ г-жи Воронъ. Стряпчій и Григорій Ильичъ Мордаевскій подошли побесѣдовать. Блюститель правосудія обратился къ старшей дочери городничаго, а учитель русской грамматики или сердцеѣдъ, поправляя безпрестанно перчатки со всею небрежностью губернскаго льва, облокотился локтемъ на окно, а колѣномъ правой ноги о деревянный выступъ, опоясывавшій домъ Луки Ивановича. Самъ же Лука Ивановичъ сверкалъ лысиной изъ за четырехъ женскихъ головокъ и не могъ принимать участья въ разговорахъ.

— Долго еще нашъ Смуровъ будетъ походить на провинцію говорилъ Мордаевскій.—Кажется городокъ хоть куда, а посмотрите сколько народу собралось у воротъ княгини.

— Да кто же этотъ народъ! сказала Юлія Дмитріевна, сдѣлавъ премиленькую гримасу.

— Разумѣется, приговорилъ нараспѣвъ учитель русской грамматики: — чернь всегда необыкновенно любопытна.

— И что въ самомъ дѣлѣ интереснаго видѣть пріѣздъ совершенно незнакомой особы, тѣмъ болѣе что

она, говорятъ, пріѣхала на два мѣсяца! молвила г-жа Воронъ.

— На три недѣли! Мнѣ сказывалъ папенька, а онъ слыхалъ отъ самаго Акима Павловича, проговорила Машенька

— А мнѣ сказывали завѣрное, вмѣшался стряпчій:—что всего на двѣ недѣли, такъ и задатокъ отданъ.

— Странно! отъ кого же это Лука Ивановичъ слышалъ, что на два мѣсяца? сказала Юлія Дмитріевна.

— Мнѣ говорилъ самъ Моргульцевъ, когда я заходилъ къ нему въ лавку, отвѣчалъ Лука Ивановичъ, стараясь приподняться на носки, чтобы увидѣть что нибудь на площади.

— Моргульцевъ привыкъ набавлять на все цѣны, проговорилъ протяжно учитель русской грамматики:—такъ ему ничего не значитъ прибавить и здѣсь нѣсколько недѣль лишнихъ.

Все общество захохотало, а меньшая дочь городничаго не вытерпѣла и сказала:

— Григорій Ильичъ не можетъ не разсмѣшить.

А Григорій Ильичъ даже не улыбнулся.

— Наконецъ, если бы княгиня была здѣсь только и проѣздомъ, сказала Юлія Дмитріевна:—что же особенно любопытнаго въ томъ, чтобъ ее видѣть!

— Пошли бы вы, Семенъ Павловичъ, узнали, скоро

ли пріѣдетъ княгиня! шепнула стряпчему старшая дочь городничаго.

— Ожидаютъ съ минуты, на минуту, отвѣчалъ стряпчій тоже шопотомъ.

— Ахъ, да, mesdames, доложено ли объ этомъ Алексѣю Лазаревичу? спросила Юлія Дмитріевна.

— Папаша самъ заходилъ, какъ только получили извѣстіе, отвѣчала меньшая дочь городничаго.

— Можетъ быть его знакомая.

— Я слышала что Алексѣй Лазаревичъ сказалъ: это не важная персона! молвила Наденька Совиковская.

— Извините, а мнѣ папаша говорилъ, что Алексѣй Лазаревичъ сказалъ, что сейчасъ же поѣдетъ къ ней съ визитомъ.

— Много было бы чести, ma chére, сказала съ улыбкой Юлія Дмитріевна:—еслибы Алексѣй Лазаревичъ, въ его лѣта, въ его званіи, ѣздилъ съ визитомъ къ каждой проѣзжей. Кажется вѣдь самъ губернаторъ, когда посѣщаетъ Смуровъ, не ожидаетъ визита Алексѣя Лазаревича.

— Отчего же, душка, и не посѣтить старуху, если это важная дама, сказалъ Лука Ивановичъ, не теряя надежды видѣть что нибудь на площади. — Моргульцевъ разсказывалъ, а ему говорилъ дворецкій, что княгиня кавалеръ, т. е. имѣетъ звѣзду и ленту.

Многія дамы расхохотались.

— Нѣтъ, mesdames, сказалъ учитель русской грамматики незамѣтно улыбнувшись:—дѣйствительно есть родена, которыми жалуютъ дамъ при Дворѣ.

— Вотъ видите! говорилъ торжествующій Лука Ивановичъ, и прибавилъ, обращаясь къ женѣ:—Люлюлюсенька! протяните мнѣ свою рученочку—смерть хочется поцаловать.

— Ахъ какіе вы, право, досадные, Лука Ивановичъ, говорила Юлія Дмитріевна, протягивая между четырехъ головъ мизинецъ.

Раздалось чмоканье, и черезъ нѣсколько секундъ г-жа Воронъ отдернула руку и незамѣтно стала вытирать свой мизинецъ.

Вдругъ послышался топотъ, и изъ за гостиннаго двора показался Шилобрѣевъ, несшійся во весь карьеръ. Въ одинъ мигъ очутился онъ передъ окнами Юліи Дмитріевны, съ необыкновеннымъ искуствомъ удержавъ лошадь, такъ что она, упираясь передними ногами, сдѣлала нѣсколько прыжковъ чрезвычайно красивыхъ.

— Что? ѣдетъ? спросила Юлія Дмитріевна, позабывъ осторожность и нежеланье казаться любопытной.

— Подъѣзжаетъ къ заставѣ, отвѣчалъ Шилобрѣевъ, окончательно разсѣявшій свою утопію.

— Видѣли?

— Какъ же-съ! Въ передней каретѣ двѣ старушки

и одна молоденькая дама; но скажу вамъ, что за розанчикъ, такъ ужъ просто по системѣ Гитонъ де Морво!

Съ этимъ словомъ Шилобрѣевъ поклонился, подскакалъ къ квартирѣ княгини, сказалъ дворецкому, что ея сіятельство уже въ городѣ, а самъ во весь карьеръ полетѣлъ домой, вѣроятно, доложить объ этомъ генералу.

Во всю дорогу княгиня еще ни разу не располагалась такъ удобно, какъ на своей Смуровской квартирѣ. Изъ оконъ кругомъ были прекрасные виды; передъ домомъ суета и движеніе; комнаты оклеены бумажками, а въ гостинной, кажется, было три ломберныхъ столика. Отобѣдавъ и отдохнувъ часовъ до семи, старушка усѣлась у открытаго окна въ обществѣ одной любимой приживалки и Наташи, которая съ любопытствомъ посматривала на маленькую суету уѣзднаго города. Все шло какъ нельзя быть лучше, все было въ квартирѣ будто дома, даже арапъ и калмыкъ широко размѣщались въ передней, одинъ привлекая въ окна взоры любопытныхъ, а другой флегматически занимаясь вязаньемъ чулка, начатаго еще въ Маломъ Ярославцѣ.

При всей своей напыщенности, княгиня была чрезвычайно радушна, а хлѣбосольство было какъ бы уже въ крови Усманскихъ. И вотъ, выспавшись хорошенько и придя въ хорошее расположеніе духа отъ маленькихъ удобствъ квартиры, она уже подумывала, какъ бы завтра

пригласить кого къ обѣду и, само собою разумѣется, позвать на вечеръ на пульку преферанса, потому что правду сказать она хоть и играла съ докторомъ и приживалкой, однако безъ особеннаго удовольствія. Старушка не очень горевала о проигрышѣ, но любила процессъ игры; выиграть же у доктора или у приживалки по ея мнѣнію было все равно, что заплатить себѣ изъ собственной шкатулки. Смуровъ все таки былъ городъ, и княгиня не безъ основанія думала, что преферансъ проникъ наконецъ и въ глушь провинціи, но что по новости игры, здѣсь вѣроятно еще не было такихъ искусниковъ, какіе доставались ей иногда на долю въ Бѣлокаменной. Послѣднее обстоятельство имѣло тоже немаловажную прелесть въ мечтахъ старушки, и ей грезилась интересная партія съ добрыми провинціалами, изъ которыхъ иные играютъ семь безъ двухъ, а, можетъ быть и безъ трехъ, и вообще плохо постигаютъ тайны преферанса. И недѣля, которую княгиня предполагала прожить въ Смуровѣ, не пугала ее, представляя возможность не только не скучать, а напротивъ съ удовольствіемъ поиграть въ преферансъ съ людьми, которые должны за счастье считать быть приглашенными къ столу ея сіятельства.

— Къ намъ идетъ какой-то военный! сказала Наташа, взглядывая въ окно.

— Можетъ быть здѣшній губернаторъ.

— Это, кажется, уѣздный городъ.

— Такъ полиціймейстеръ, или другой какой чиновникъ. Вотъ и посмотримъ, что здѣсь за люди.

Вслѣдъ за этимъ вошелъ сѣдой калмыкъ и пробормоталъ что-то очень невнятно.

— Проси! сказала княгиня, привыкнувъ понимать сѣдаго калмыка.

Раздался звонъ шпоръ, послышалось бренчанье сабли, и Антонъ Михайловичъ, въ мундирѣ, предсталъ предъ лицо княгини. Ловко расшаркнувшись, онъ подошелъ къ старушкѣ и остановился въ довольно граціозной позѣ.

— Имѣю честь представиться в. с—ву, корнетъ Шилобрѣевъ.

— Очень рада. Ты, батюшка служишь?

— Нахожусь въ чистой, в. с—во. Я пришелъ засвидѣтельствовать вамъ почтеніе отъ имени генерала Базова и испросить приказаніе в. с—ва, когда вамъ будетъ угодно принять его п—во.

— Садись, батюшка! Какой же это Базовъ? Не сынокъ ли сенатора Лазаря Алексѣевича Базова?

— Судя по равновѣсію, в. с—во, должно быть такъ, потому что генералъ называется Алексѣемъ Лазаревичемъ.

— Такъ и есть — это онъ! Много, премного благодарна. Это былъ прехорошенькій мальчикъ; мы съ нимъ

танцовали когда-то. А что, чай, Алексѣй Лазаревичъ постарѣлъ немного?

— Если хотите, отвѣчалъ Шилобрѣевъ, садясь на кресло довольно свободно: — генералъ не слишкомъ еще поддается старости, однако водится этотъ грѣшокъ, в. с—во.

— Много благодарна, что вспомнилъ старую знакомую. Знаешь ли, Наташа, сказала княгиня, обращаясь къ воспитанницѣ: — что мы съ Базовымъ однажды были въ парѣ въ маскарадѣ... Этому впрочемъ не больше какъ лѣтъ сорокъ назадъ. Какъ же, какъ же, помню его очень хорошо: высокій стройный блондинъ. Надо знать что Базовы не князья и не графы, но очень древняго рода, и моя прабабушка съ матерней стороны была за мужемъ за однимъ Базовымъ, кажется, за роднымъ братомъ дѣда Алексѣя Лазаревича. Да точно мы въ родствѣ. Проси, батюшка, проси генерала, что-де княгиня велѣла сказать, что очень рада видѣть его во всякое время. Ну, а играетъ ли генералъ въ карты?

— Играетъ, в. с—во.

— И прекрасно! такъ таки доложи, что молъ княгиня ожидаетъ съ преферансомъ. А есть ли здѣсь кто нибудь еще изъ порядочныхъ, чтобы составить партію?

— Какъ не быть! Извольте только приказать. Мигомъ соберемъ четверню.

— Да—ты, батюшка, приказчикъ!

Шилобрѣевъ почтительно улыбнулся. Во все время разговора съ княгиней онъ запускалъ дьявольскихъ голубей Наташѣ т. е. «вертуновъ, чортъ возьми, по системѣ Гитонъ де Морво,» какъ онъ выражался подъ веселую руку. Изъ всѣхъ его объясненій этой фразы достовѣрнѣйшимъ было то, что запускать голубей кому—значило страстно смотрѣть въ глаза хорошенькой, а окончаніе: «по системѣ Гитонъ де Морво» прибавлялось уже обыкновенно для приданія большей силы выраженію.

— А ты, батюшка, родственникъ какой Базову, что ли?

— Почти, в. с—во: я однополчанинъ. Видители ли генералъ одинокъ...

— Понимаю, батюшка. А вашъ городокъ мнѣ понравился.

— Недуренъ городокъ, в. с—во; недостаетъ ему категоріи, но если сказать правду, онъ имѣетъ довольно эклиптики, такъ что можно жить.

И Шилобрѣевъ запустилъ жесточайшихъ голубей Наташѣ, которая во всѣ глаза смотрѣла на молодцоватаго корнета.

— То есть, какой, батюшка, эклиптики? спросила княгиня.

— То есть, в. с—во, я хотѣлъ сказать, что здѣсь народъ добрый; а если случаются полюсы или прямѣе сказать этакіе интервалы, то все оканчивается безъ всякаго урона.

Княгиня видимо не поняла, что хотѣлъ сказать Шилобрѣевъ, но зная, что нельзя же требовать многаго отъ провинціи, притворилась, что понимаетъ. Наташа закрыла платкомъ свои хорошенькія губки.

— Ты, батюшка не изъ гвардейцевъ?

— Никакъ нѣтъ, в. с—во, я служилъ въ ***—скомъ уланскомъ полку, и смѣю увѣрить, что у насъ были отличные офицеры.

— Какъ же! какъ же! я сама знаю многихъ отличныхъ офицеровъ.

— У насъ были такіе, что день и ночь бывало книжки читаютъ, просто физики, в. с—во! А какъ начнутъ между собою разговоръ, то хоть будутъ говорить по русски, а ничего понять невозможно. Въ особенности штабсъ-ротмистръ Муховертовъ—просто кого угодно заткнетъ за поясъ.

— Такъ, такъ батюшка! Въ старину и офицеры были особъ статья; такихъ уже нѣтъ нынче.

Шилобрѣевъ махнулъ рукою.

— Да, прежде, я вамъ скажу, было паралельнѣе, что называется. У насъ напримѣръ иные офицеры не только что знали тамъ какую астрономію, грамматику или ариѳметику, но были такіе, что отъ доски до доски катали какую угодно мизантропію.

— Ну, батюшка, мизантроповъ и теперь довольно.

— Что это за мизантропія, в. с—во! никакихъ антиподовъ, а такъ себѣ... Да что и говорить!

— Это правда.

— А вы, сударыня, смѣю спросить: довольны нашимъ Смуровымъ? сказалъ Шилобрѣевъ, обращаясь къ Наташѣ.

— Очень довольна, отвѣчала Наташа, едва удерживаясь отъ смѣха.

— У насъ можно препріятно провести время: дамъ и дѣвицъ изобиліе, да и въ кавалерахъ нѣтъ недостатка. Танцуемъ довольно часто и даже нивелируемъ польку.

Княгиня позвонила въ колокольчикъ, и когда явился дворецкій, приказала готовить чай.

— А ты, батюшка, прибавила она, обращаясь къ Шилобрѣеву:— потрудись доложить Алексѣю Лазаревичу, что я жду его на чай и на пульку; да если можно, приведите съ собой еще кого нибудь порядочнаго.

Шилобрѣевъ всталъ, раскланялся, ловко щелкнулъ шпорами и, запустивъ самыхъ адскихъ голубей Наташѣ, вышелъ довольно поспѣшно.

Дорогою онъ предавался самымъ разнообразнымъ мечтаніямъ. Первый разъ въ жизни онъ не оскорбился, услыхавъ отъ посторонней особы *ты*, а напротивъ чувствовалъ къ ней какое-то особенное уваженіе. Но мысль

о княгинѣ недолго занимала пылкую голову корнета; ему очень скоро начала представляться хорошенькая Наташа, съ раскраснѣвшимся личикомъ и свѣтлыми, шелковистыми локонами. За нѣсколько шаговъ отъ дому, онъ почувствовалъ даже дерзость сравнить ее съ г-жею Воронъ и признался самъ себѣ, что если Юлія Дмитріевна и была чертовски хороша, то пріѣзжая въ свою очередь неударила бы въ грязь лицомъ передъ нею. И какія мечты вспыхнули въ его сердцѣ при этомъ сравненіи! Какія надежды улыбнулись Антону Михайловичу! „Она съ улыбкой смотрѣла на меня все время“, думалъ Шилобрѣевъ: „и какъ замѣтно, съ удовольствіемъ поглядывала на мою талію и порядочный ростъ... О эти столичныя штуки непромахъ! А дѣвченка разлюли! Надо будетъ узнать, какъ она приходится княгинѣ и сколько за нею мазу. Можно бы и пріютиться, чортъ возьми! Пора, братъ Антонъ, остепениться, пора Шилобрѣевъ, перестать ухаживать за чужими женами!“ Думая подобнымъ образомъ, конечно онъ лучше всѣхъ зналъ о своихъ побѣдахъ и неудачахъ по части волокитства. Смуровская хроника, главнымъ, хоть и не отвѣтственнымъ редакторомъ которой была г-жа Хлопотунъ, утверждала, что Антонъ Михайловичъ не пользовался ничьей исключительной привязанностью; но одинъ чиновникъ честью увѣрялъ, что видѣлъ у Шилобрѣева двѣ записки на разноцвѣтныхъ бумажкахъ, ко-

торыя, при его входѣ, Антонъ Михайловичъ сейчасъ же убралъ со стола. Кромѣ того двѣ дѣвицы, хотя и не изъ аристократическаго круга, пылали къ нему страстью, о чемъ весьма многимъ было извѣстно, и даже одна изъ нихъ, имѣя собственный домъ и 7 ревижскихъ душъ, намекала, что она непрочь бы и вступить въ законное супружество. Послѣднее обстоятельство очень хорошо зналъ соперникъ его Кирило Ѳедосѣичъ Дублинскій, и даже уговаривалъ его тонкимъ дипломатическимъ образомъ жениться, потому что, говорилъ онъ, невѣста дѣвушка изрядная и, какъ носятся слухи, имѣетъ въ Приказѣ капиталецъ.

Но въ такомъ ли положеніи и на такой ли ногѣ стоялъ Шилобрѣевъ, чтобъ польститься на какихъ нибудь 7 ревизскихъ душъ! Прямо и наотрѣзъ Антонъ Михайловичъ отвѣчалъ тонкому дипломату:

— Я, говорилъ онъ:—слава Богу въ кускѣ хлѣба не нуждаюсь и не нахожусь въ какой нибудь навигаціи, а жертвовать собою изъ пустяковъ не намѣренъ. Были у насъ невѣсты и почище, да свобода дороже всего. Я не старъ, и если немного поправлюсь, могу снова вступить въ службу; а навязать себѣ на шею бабу... Довольно и безъ меня охотниковъ жениться, пусть себѣ женятся. Примѣромъ вы, Кирило Ѳедосѣичъ, и человѣкъ ученый, и чины тамъ у васъ важные по вашему. Вотъ бы и жениться!

— Нѣтъ, Антонъ Михайловичъ, я уже подожду, сказалъ ему на это смотритель.

— То-то подожду, Небось невѣста не интересна, такъ вы и сватаете мнѣ. Извините, сами на обухѣ рожь молотимъ! Еще, слава Богу не дошло до библіографіи.

И когда смотритель, съ улыбкой, очень деликатно и тонко спросилъ въ какомъ смыслѣ корнетъ принимаетъ слово библіографія, Шилобрѣевъ отвѣчалъ съ досадой:

— Да вѣдь, это же ваше ученое слово! Ну, то есть я еще не дошелъ до такой степени македоніи, чтобы не могъ прожить на бѣломъ свѣтѣ.

Значитъ Смуровская хроника была несправедлива къ корнету, когда онъ не только, что имѣлъ успѣхъ у прекраснаго пола, но еще самъ отказывался отъ независимаго состоянія, предлагаемаго ему отъ чистаго сердца. Изъ этого можно заключить, и весьма безошибочно, что Шилобрѣевъ не изъ ложнаго самолюбія придавалъ себѣ иныя достоинства; что онъ имѣлъ ихъ въ извѣстной степени, когда ихъ цѣнили, и цѣнили не для того, что бы сказать любезность, но чтобы ими воспользоваться. Легко согласиться и съ тѣмъ, что корнетъ Шилобрѣевъ для иныхъ былъ весьма выгодной партіей: все вѣдь зависитъ отъ того, съ какой точки смотрѣть на вещи, и о вкусахъ не спорятъ. Антонъ же Михайловичъ много еще сохранилъ огня и прекрасно сберегъ свою довольно красивую наруж-

ность. Проведя молодость въ полку (въ нижнемъ чинѣ— онъ какъ-то не могъ доказать дворянства—протянувъ 12 лѣтъ унтеръ-офицеромъ), въ обществѣ офицеровъ, людей далеко образованнѣе себя и еще съ дѣтства имѣя страсть ловить слова, употребительныя въ разговорахъ людей образованныхъ, онъ удержалъ въ памяти множество такихъ словъ, нисколько незаботясь понять ихъ значенія и употреблялъ ихъ въ разговорѣ, отчего рѣчь требовала изъясненія. А изъясненій-то и не любилъ Шилобрѣевъ. Ему казалось, что онъ выражается довольно ясно и въ Смуровѣ бѣсилъ его въ особенности смотритель. Корнету казалось даже иной разъ обиднымъ, что Кирило Ѳедосѣичъ, самъ человѣкъ ученый, спрашиваетъ его, хотя деликатно и очень тонко, онъ что разумѣетъ подъ тѣмъ или другимъ словомъ. Не знать Дублинскому этихъ словъ нельзя; зачѣмъ же спрашивать? Не явныя ли это насмѣшки, которыя позволяетъ себѣ ученый съ людьми, учившимися на мѣдныя деньги? По мнѣнію Шилобрѣева, это было немного невѣжливо и совсѣмъ не по свѣтски.

Алексѣй Лазаревичъ сидѣлъ уже въ большой гостиной, когда Антонъ Михайловичъ возвратился отъ княгини. Судья, городничій и смотритель собрались, по обыкновенію къ вечернему чаю и на пульку преферанса.

Ну что, Антонъ Михайловичъ, когда принимаетъ княгиня? спросилъ Базовъ.

— Это ваша старая знакомая, генералъ, и просила сейчасъ пожаловать.

— Да какъ же, сударь, вечеромъ ѣхать съ визитомъ?

— Просто безъ церемоніи, говоритъ—мы съ Алексѣемъ Лазаревичемъ не разъ танцовали вмѣстѣ.

Старикъ улыбнулся.

— Должно быть еще въ прошломъ столѣтіи. Вотъ, господа, любопытная встрѣча двухъ развалинъ.

— Смѣю доложить, в. п—ву, что княгиня не походитъ на развалину: она очень милая и привѣтливая женщина, что называется высшаго тона.

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь. Усманскіе издревле славились въ Москвѣ знатностью, и въ старые годы чванились древностью рода; но эта, какъ вы говорите, моя знакомая, вѣроятно, исключеніе изъ общаго правила.

— Обращеніе, генералъ, безъ всякой континентальной системы...

— То есть, вы хотите сказать простое и привѣтливое, перебилъ съ улыбкой генералъ, который умѣлъ постигать настоящую мысль корнета, какъ бы фигурно она ни была выражена.

— Точно такъ, в. п—во! А ужъ скажу вамъ, что съ ней за красавица...

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Ни даже въ Польшѣ не видалъ такой красоты: рѣшительно роза, и еще по системѣ Гитонъ де Морво.

— А! должно быть интересна. Однако дѣлать нечего, надо исполнить желаніе старухи. Мнѣ совѣстно, господа, оставлять васъ.

— Извините в. п—во, я и позабылъ сказать перебилъ корнетъ:—что княгиня поручила мнѣ просить васъ пригласить къ ней вашихъ добрыхъ знакомыхъ на пульку преферанса.

— Тѣмъ лучше! Господа! позволите надѣяться, что не откажите.

Всѣ изъявили согласіе, но не знали какъ быть съ костюмами. Генералъ рѣшилъ однакоже, что правила общежитія требовали представиться въ первый разъ военнымъ въ мундирахъ, а статскимъ во фракахъ.

Шилобрѣевъ мигомъ распорядился, чтобъ заложили четверомѣстную карету, а Алексѣй Лазаревичъ ушелъ переодѣваться; гости послѣдовали примѣру генерала. По близости разстоянія между живущими, черезъ полчаса всѣ были готовы, и, шестерней лихихъ рысаковъ, отправились на чай къ княгинѣ Усманской.

При входѣ генерала въ блестящемъ мундирѣ, при видѣ этого бодраго старика, сохранившаго еще въ своихъ движеніяхъ много характера исчезнувшаго общества, княгиня живѣе обыкновеннаго приподнялась со своего мѣс-

та, почувствовала въ себѣ что-то, чего не понимала уже десятки лѣтъ, но что перенесло ее на мигъ въ давноминувшее. На глазахъ у нее даже выступили слезы, когда, склонясь довольно ловко, генералъ поцѣловалъ ея руку. Болѣе наблюдательный взоръ, чѣмъ взоръ Шилобрѣева, запускавшаго адскихъ голубей Наташѣ, замѣтилъ бы, что на княгинѣ былъ новенькій чепецъ и шаль, закутывавшая ее была не та, которую недавно видѣлъ Антонъ Михайловичъ.

Когда княгинѣ были представлены обитатели Смурова, старинные знакомые начали припоминать свои, встрѣчи, говорили съ одушевленіемъ о лицахъ, отъ которыхъ можетъ быть, не осталось и костей, и совершено перенеслись въ эпоху, непонятную для присутствовавшихъ. Въ это время подавали чай на богатыхъ серебрянныхъ подносахъ и бесѣда шла часовъ до 9. Но какъ бы ни были интересны разговоры, (исключая разговора двухъ влюбленныхъ), какъ бы ни переливалась самая интересная бесѣда,—если только раскрытъ зеленый столъ, на которомъ лежатъ карты, а собесѣдники все народъ, болѣе или менѣе предающійся этому милому развлеченію, взоры какъ то невольно обращаются на зеленое поле и можно держать пари, что каждый изъ собесѣдниковъ напомнилъ бы, что грѣхъ терять золотое время, еслибъ его не удерживало приличіе. Наконецъ настала минута, про

которую говорятъ обыкновенно *тихій ангелъ пролетѣлъ* и княгиня машинально встала, приблизилась къ столу, распечатала карты, и съ улыбкой, которой, можетъ быть, хотѣла придать милое выраженіе сопровождавшее эту улыбку лѣтъ сорокъ назадъ, граціозно подала карточку генералу. Со всею граціею XVIII столѣтія, Алексѣй Лазаревичь взялъ колоду картъ изъ рукъ княгини, предложилъ ей выбрать прежде и потомъ уже, какъ вѣжливый кавалеръ, желая избавить хозяйку отъ труда, роздалъ карты судьѣ и городничему. Распросили какія правила, почемъ призъ, и самый чинный преферансъ, какой когда либо, существовалъ въ Смуровѣ, занялъ четырехъ партнеровъ. Пока городничій тасовалъ и сдавалъ карты, княгиня съ Базовымъ вспомнили нѣсколько лицъ, о существованіи которыхъ и не слыхали ни Хлопотунъ, ни Совиковскій, но первое *куплю*, сказанное княгиней, положило конецъ постороннимъ разговорамъ.

Оберъ-приживалка подсѣла къ княгинѣ, а Наташѣ пришлось занимать смотрителя и Шилобрѣева. Знать судьбѣ уже было угодно, чтобы эти два человѣка сталкивались всегда въ присутствіи хорошенькихъ. Въ самомъ дѣлѣ, Дублинскій и Шилобрѣевъ въ одинъ годъ пріѣхали въ Смуровъ и оба ухаживали за аптекаршей, которая послѣ уѣхала въ Одессу. Года черезъ три оба они увивались за инвалидной поручицей; еще вчера косились другъ на

друга за Юлію Дмитріевну, а сегодня лицомъ къ лицу очутились въ присутствіи московской красавицы. Впрочемъ, смотритель не имѣлъ такого черезчуръ мягкаго сердца, какъ Антонъ Михайловичъ; онъ вообще былъ постояненъ, несмотря на удачу или неудачу, и довольно сильно пылалъ къ госпожѣ Воронъ. Но и онъ не могъ не отдать справедливости красотѣ мододой дѣвушки, которая притомъ держала себя такъ просто и мило и такъ привѣтливо занимала гостей.

Зная привычки княгини, не любившей громкихъ разговоровъ во время игры, Наташа увела своихъ гостей въ сосѣднюю комнату, и помѣстившись у раствореннаго окна, усадила возлѣ себя Дублинскаго и очарованнаго Шилобрѣева. На площади между тѣмъ густѣли толпы гуляющихъ; иные любопытные проходили мимо самыхъ оконъ, и смотрителю показалось, что онъ даже разглядѣлъ знакомыя лица.

— Какъ у васъ здѣсь хорошо, господа! сказала Наташа.

— Вы изволите намъ льстить, отвѣчалъ смотритель.

— Нисколько. Этотъ чудный воздухъ, эти густые сады — такая прелесть!

— Для проѣзжающихъ, сударыня, отозвался Шилобрѣевъ: — стоитъ попривыкнуть, и всякая мальвазія исчезаетъ.

Наташа вопросительно посмотрѣла на Шилобрѣева, потому что хорошенько не вслушалась.

— Стоитъ гдѣ нибудь пожить, продолжалъ корнетъ:— хотя бы на самомъ красивомъ мѣстѣ, и оно приглядится.

— Однако же согласитесь съ тѣмъ, что то, что хорошо въ природѣ, и остается хорошимъ.

— Я раздѣляю ваше мнѣніе, сказалъ смотритель.

— А я, извините, сударыня, не совсѣмъ раздѣляю, сказалъ Шилобрѣевъ:—если смотрѣть покойно, то кажется такъ, а найдетъ на тебя хиромантія, выходитъ этакъ.

Наташа разсмѣялась, но нашла возможность не оскорбить Шилобрѣева и сейчасъ же сказала:

— Мы, кажется, начали философствовать, а въ такомъ случаѣ вы, меня, господа, совершенно загоняете.

Корнетъ сморщился не много, а смотритель прибавилъ:

— Извините, но мнѣ кажется, что женщины самые опасные соперники въ разговорѣ.

— Не всегда, отвѣчала Наташа, радуясь что удалось увернуться.

— Почти всегда, отозвался Шилобрѣевъ:—хотя и говорятъ, что у женщинъ волосъ дологъ, а умъ коротокъ, однако ошибаются! О, женщинамъ не клади пальца въ ротъ, т. е. онѣ такъ хитры и тонки, что противъ нихъ не устоитъ ни какой казанскій мудрецъ.

— А развѣ Казань славится или славилась своими мудрецами? спросила Наташа.

— Антонъ Михайловичъ хотѣлъ сказать: греческій мудрецъ, робко замѣтилъ смотритель.

— Тьфу ты пропасть! Извините, сударыня, я ошибся: видите ли я зналъ, что знаменитые мудрецы называются точно также какъ и знаменитое мыло, т. е. греческими; а какъ я предпочитаю казанское...

Наташа не могла выдержать долѣе и хохотала отъ чистаго сердца. Шилобрѣевъ смотрѣлъ на нее съ безпокойствомъ.

— А вы прекрасно ѣздите верхомъ, наконецъ сказала она, обращаясь къ корнету.

— Развѣ вы изволили замѣтить?

— Я вѣдь женщина, а сами вы говорите, что мы превосходимъ даже казанскихъ мудрецовъ. Вы ѣхали на прекрасной лошади.

— Это кобыла завода генерала Базова, происходитъ отъ знаменитой Зюлейки, выведенной изъ Персіи, и Баязета: лошадь, скажу вамъ нехвастая, такая, что не каждый на ней поѣдетъ, говорилъ Шилобрѣевъ, облокачиваясь о спинку стула и бренча шпорами.

— Я это лѣто буду лишена удовольствія ѣздить верхомъ...

— А вы ѣздите, сударыня?

— Да.

— У Алексѣя Лазаревича есть необыкновенно смирныя лошади, только жаль, что здѣсь дамскаго сѣдла недостанешь. Назадъ тому лѣтъ восемь у нась ѣздила аптекарша.

— Которой вы давали уроки, перебилъ смотритель.

— И могу сказать выучилъ отлично, продолжалъ Шилобрѣевъ:—держалась въ сѣдлѣ молодцомъ, а главное ѣздила смѣло, локтями не болтала и...

— Отчего же другія дамы не слѣдовали ея примѣру? спросила Наташа.

— Нѣтъ здѣсь этого обыкновенія. Народъ все, знаете, смотритъ на ѣзду съ какой-то этакой категоріей; мужьямъ и отцамъ кажется, что женщинѣ ѣздить верхомъ неприлично, какъ будто въ этомъ есть какіе-то символы.

— Много еще зависитъ и оттого, вмѣшался смотритель:—что нужны средства.

— Пустяки, а съ позволенія сказать, капризы или попросту меридіаны, и больше ничего!

— А между тѣмъ Смуровъ одинъ изъ образованнѣйшихъ городовъ, сказалъ смотритель — общество довольно многочисленное...

— Есть публичный садъ? спросила Наташа.

— Много садовъ, сударыня, отвѣчалъ Шилобрѣевъ; только того, что называется городскимъ—нѣтъ; да у насъ

впрочемъ въ какомъ угодно гулять можно. Вотъ если и вамъ вздумается, такъ у генерала садъ лучшій во всей губерніи. Нѣтъ въ немъ особыхъ затѣй на манеръ французскихъ, нѣтъ этакихъ разныхъ архитектуръ или прямѣе сказать вавилоновъ; но кто любитъ погулять, такъ нагуляется досыта.

— У господина Ворона садъ тоже очень недуренъ, сказалъ смотритель: а равномѣрно и въ аптекѣ.

— Ну ужъ въ аптекѣ, извините! сказалъ съ улыбкой Шилобрѣевъ:—тамъ, сударыня, вездѣ пахнетъ латинской кухней; посмотришь на право—ромашка, на лѣво шалфей; ну такъ отовсюду и несетъ девельдрекомъ!

— Нѣтъ, Антонъ Михайловичъ, бесѣдка изъ акацій у аптекаря очень хороша.

— Только развѣ что бесѣдка.

— И общество ваше часто собирается вмѣстѣ? спросила Наташа, обращаясь къ Шилобрѣеву.

— Постоянно разъ въ недѣлю по воскресеньямъ у насъ. Время проходитъ очень пріятно: мы танцуемъ sans façon, безъ всякаго интереса или прямѣе сказать, безъ антикритикъ, почти подеревенски. Кромѣ того случаются имянины, свадьбы; да и вообще у насъ не скучно.

— Такъ и должно быть въ небольшомъ городѣ. А театра нѣтъ?

— Бываютъ и театры во время Покровской ярмарки.

О, тогда Смуровъ нашъ, можно сказать, кипитъ удовольствіями: знаете, съѣзжаются помѣщики, и между этой деревенщиной есть много хорошихъ людей, даже образованныхъ.

— Я никогда не имѣла понятія о провинціальной жизни, а мнѣ кажется, что здѣсь только и можно жить. Какъ чудно поютъ соловьи! говорила Наташа, съ наслажденіемъ вдыхая воздухъ, насыщенный араматомъ бѣлыхъ акацій, которыя росли во множествѣ вдоль заборовъ.

— Это еще ничего, говорилъ Шилобрѣевъ: — это соловьи такъ себѣ, неученые, горланятъ всю ночь, съ позволенія сказать; вотъ, смѣю доложить, у купца Моргульцова есть одинъ въ клѣткѣ, такъ, я вамъ говорю, концертистъ бестія: стоитъ только потереть огнивомъ по ножу или хоть по желѣзному гвоздю, какъ начнетъ, какъ заведетъ, такъ вѣкъ бы не разстался. Давалъ я Моргульцеву четыре полуимперьяла,—и слышать не хочетъ.

Въ это время княгиня позвала Наташу, и интересный разговоръ прекратился.

Часу въ 12-мъ подали ужинъ, впродолженіи котораго старики снова принялись припоминать молодость; княгиня, выигравъ рублей около 6, была въ отличномъ расположеніи духа. Алексѣй Лазаревичъ, уѣзжая и поцаловавъ руку у княгини, объявилъ что завтра воскресенье, и что всѣ добрые люди собираются у него провести ве-

черъ; но для радостнаго свиданія съ старинной и такой милой знакомой, онъ пригласилъ всѣхъ на цѣлый день и надѣется, что Варвара Петровна со всѣмъ домомъ пожалуетъ откушать хлѣба соли. Варвара Петровна изъявила согласіе и проводила Базова до двери гостинной. Здѣсь старые знакомые отдали другъ другу послѣдній церемонный поклонъ, и сѣдой калмыкъ со свѣчей проводилъ гостей до экипажа. Многіе изъ жителей, а въ особенности изъ жительницъ Смурова не спали, а сидѣли у открытыхъ оконъ, ожидая пока не проѣдетъ домой Алексѣй Лазаревичъ.

На другой день часовъ въ 7 вечера, верхній этажъ дома Базова, открытый для гостей, представлялъ самое веселое зрѣлище. Обширныя комнаты были наполнены цвѣтомъ избраннаго общества, и дамамъ не ставились въ грѣхъ ихъ лучшіе наряды. Многія даже послѣ обѣда ходили домой переодѣваться и явились на вечеръ во всемъ блескѣ своего туалета. Танцующіе кавалеры были во фракахъ, а корнетъ Шилобрѣевъ въ мундирѣ, но по обыкновенію безъ перчатокъ.

За обѣдомъ Наташа съ любопытствомъ разсматривала довольно многочисленное Смуровское общество и замѣтила, что въ провинціи, при самомъ посредственномъ образованіи, мужчины далеко отстали отъ дамъ въ отношеніи обращенія и костюма. Г-жа Воронъ и дѣвицы

Хлопотунъ были миленькія особы и одѣты довольно не дурно, а, разговаривая съ ними, она убѣдилась, что не все то правда, что говорятъ о провинціи. Конечно ей показались дикими нѣкоторыя манеры Маши, Машеньки и Машурочки, странными чопорность и горделивость Наденьки Совиковской; но развѣ и въ Москвѣ не попадались ей въ обществѣ подобныя шероховатости? Вотъ кавалеры, такъ надо сказать правду, довольно ее смѣшили; даже самъ Григорій Ильичъ Мордаевскій, несмотря на новенькій вице-мундиръ и палевый жилетъ, показался ей страннымъ; а это произошло отъ того, что онъ разговаривалъ съ ней высокимъ слогомъ. Впрочемъ роль Григорія Ильича была довольно щекотлива. Ему очень понравилась Наташа, и какъ первый левъ города, онъ не хотѣлъ быть незамѣченнымъ московской красавицей; но черные глазки Юліи Дмитріевны смотрѣли на него не слишкомъ привѣтливо, когда онъ, заложивъ палецъ за пуговицу жилета, (этому онъ научился изъ извѣстной повѣсти графа Соллогуба) подходилъ къ Наташѣ и высокимъ слогомъ говорилъ о томъ, что бѣдные жители провинціи, при всей своей искренности и чистосердечіи, должны уступать пальму первенства столичнымъ щеголямъ, говорящимъ однѣ заученыя фразы. Григорій Ильичъ впрочемъ былъ глубоко убѣжденъ, что столичная молодежь совершенно испорчена морально, а заключеніе это выво-

дилъ онъ, припоминая губернскую молодежь, которую видѣлъ или знавалъ въ томъ городѣ, гдѣ воспитывался.

Юлія Дмитріевна Воронъ точно была немножко оскорблена въ глубинѣ души, видя явное предпочтеніе, оказываемое пріѣзжей, и добро бы дочери княгини, а то, можетъ быть, еще дѣвушкѣ Богъ знаетъ какого происхожденія. Смуровская хроника, успѣвшая оповѣстить о нѣкоторыхъ недостаткахъ Наташи, въ томъ числѣ и объ ея огромной ногѣ, сообщила однакоже, что княгиня даетъ за нею 50,000 руб. сер., приданаго. Молодежь прильнула къ Наташѣ, хотя Мордаевскій и велъ себя необыкновеннымъ дипломатомъ; Шилобрѣевъ же рѣшительно и открыто говорилъ, что подобной дѣвушки не бывало отъ самого изобрѣтенія пороха. Можетъ быть непріязненныя мнѣнія о Наташѣ, опираясь на показанія смуровской хроники, и успѣли бы разойтись съ приличными коментаріями, но Алексѣй Лазаревичъ, усадивъ возлѣ себя пріѣзжую и проговоривъ съ ней около часу по французски, сказалъ всѣмъ, что это не только прекрасная, но и превосходно образованная особа.

Надо было видѣть съ какой заботой Шилобрѣевъ предупреждалъ малѣйшія желанія княгини, какъ угождалъ старушкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ ловко умѣлъ не пропустить иногда мелочнаго обстоятельства, если нужно было прислужиться московской красавицѣ. Стряпчій, уѣзд-

ный лѣкарь и непремѣнный засѣдатель были тоже на сторонѣ Наташи, которая и не подозрѣвала, что появленіе ея можетъ быть на долго разстроило симпатіи, возникавшія между нѣкоторыми сердцами смуровской молодежи.

Базовъ не сѣлъ за преферансъ, извиняясь передъ княгиней тѣмъ, что, неимѣя хозяйки въ домѣ, не хочетъ оставить вечеръ безъ всякаго присмотра, а составилъ ей партію, посадивъ городничаго и судью, знакомыхъ уже Варварѣ Петровнѣ,—на свое же мѣсто упросилъ сѣсть Луку Ивановича Ворона, который чрезвычайно плохо игралъ и ставилъ огромные ремизы. Послѣднее обстоятельство чрезвычайно понравилось старухѣ, и она просто дѣлала чудеса въ этой партіи, придя въ самое лучшее расположеніе духа.

Наконецъ заиграла музыка. Шилобрѣевъ тонко вывѣдывалъ у Наташи: чѣмъ обыкновенно начинались балы въ Москвѣ, и когда Наташа, не давъ ему удовлетворительнаго отвѣта, сказала, что это зависитъ отъ хозяевъ, и только намелкнула, что если у княгини бывали вечера, то старушка любила сдѣлать одинъ или два тура полонеза,—Антонъ Михайловичъ мигомъ взлетѣлъ на хоры и сказалъ капельмейстеру, что если онъ махнетъ рукой, то чтобы оркестръ грянулъ самый лучшій полонезъ. Такъ и случилось. При первыхъ тактахъ блисгательнаго польскаго Алексѣй Лазаревичъ подошелъ къ княгинѣ, и, встрѣтивъ

взоръ старушки, безмолвно склонился передъ нею; но вѣроятно поклонъ этотъ имѣлъ особенное значеніе, потому что Варвара Петровна сей часъ же сложила карты, извинилась передъ партнерами и подала руку генералу. Какъ только первая пара пошла въ залу, Шилобрѣевъ граціозно подлетѣлъ къ Наташѣ, лихо щелкнулъ шпорами и пригласилъ ее. Мордаевскій взялъ Юлію Дмитріевну, стряпчій меньшую Хлопотунъ, уѣздный лѣкарь Совиковскую, непремѣнный засѣдатель Машеньку, прочіе взяли прочихъ, иные иныхъ, и такимъ образомъ составилась длинная вереница, плавно потянувшаяся по всѣмъ комнатамъ. Приведя на мѣсто княгиню, порядочно уставшую, Алексѣй Лазаревичъ овладѣлъ хорошенькой ручкой Наташи и повелъ ее чрезъ длинный рядъ комнатъ, разсказывая, по привычкѣ, какъ пріятно даже старику быть въ присутствіи милой особы, какъ забывается старость и чувствуется возвратъ молодости, и тому подобныя фразы, которыя обыкновенно имѣлъ онъ слабость напѣвать всѣмъ хорошенькимъ.

На поворотѣ, въ большой гостиной, Наташа спросила его:

— Кто этотъ молодой человѣкъ?

Генералъ оборотился.

— А! это мой домашній секретарь, сказалъ онъ и прибавилъ, обращаясь ко вновь прибывшему: — Здравствуй-

те любезнѣйшій Андрей Ивановичъ! Давно ли возвратились?

— Сію минуту.

— Жалѣйте, почтеннѣйшій! Я думаю, что вамъ охота не доставила такого удовольствія, какъ намъ пріѣздъ милыхъ московскихъ знакомыхъ.

И Базовъ тутъ же представилъ своего секретаря Наташѣ.

Описывая обитателей Смурова, я сказалъ весьма коротко о домашнемъ секретарѣ генерала. Андрей Ивановичъ Львовскій, молодой человѣкъ лѣтъ 26, кандидатъ словеснаго факультета, третій уже годъ занимался частной перепиской Базова, смотрѣлъ за его библіотекой и читалъ ему газеты и журналы. Это былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ тружениковъ, которые, съ дѣтства, бывъ лишены всякой посторонней помощи, принуждены собственнымъ трудомъ добывать кусокъ насущнаго хлѣба, а между тѣмъ глубоко проникнутые любовью къ наукѣ, изучаютъ ее, забывая удовольствія и развлеченія возраста. Перебиваясь кое какъ, Львовскій блистательно окончилъ курсъ въ одномъ изъ университетовъ, и предназначая себя къ ученой службѣ, рѣшился во что бы то ни стало поучиться еще и за границей. Для путешествія нужны были средства. Андрей Ивановичъ искалъ сначала мѣста домашняго учителя, но какъ-то случайно попалъ въ секретари къ Базову, который сразу оцѣнилъ молодаго человѣка, назна-

чилъ ему прекрасное содержаніе, и даже положилъ непремѣнно облегчить Львовскому средства путешествовать заграницей. Львовскій обѣщалъ быть знаменитымъ лингвистомъ и, пользуясь свободнымъ временемъ, изучалъ древніе языки, не находя для себя особеннаго удовольствія въ Смуровскихъ развлеченіяхъ. Конечно въ извѣстные дни онъ бывалъ вездѣ, но слылъ домосѣдомъ и, какъ мы видѣли, даже алхимикомъ и сочинителемъ грамматики и лексикона какого-то несуществующаго языка. Вообще Львовскій не созданъ былъ для свѣтской жизни. Послѣдніе два года пребыванія въ университетѣ жилъ онъ у одного товарища, принадлежавшаго къ порядочному кругу, приготовляя его къ экзамену, и былъ принятъ въ хорошихъ домахъ; но ни блескъ губернскихъ салоновъ, ни самыя роскошныя губернскія львицы не произвели особеннаго впечатлѣнія на молодаго ученаго. Бывъ воспитанъ до 13 лѣтъ въ одномъ изъ лучшихъ петербургскихъ пансіоновъ вмѣстѣ съ сыномъ покойнаго своего благодѣтеля, Андрей Ивановичъ сохранилъ какъ-то и при ужасной бѣдности хорошія манеры и наружную свѣтскую полировку, безъ которой иные джентельмены, какъ ни стараются принять горделивую осанку и пренебрежительную мину, все таки обличаютъ неумѣнье держать себя въ порядочномъ обществѣ. Хотя Львовскій не былъ франтомъ и щеголямъ, тѣмъ не менѣе костюмъ его отличался стро-

гой скромностью и изяществомъ; но, при образѣ жизни молодаго ученаго, жители Смурова не могли отдать ему даже и этой справедливости. Алексѣй Лвзаревичъ любилъ его, понималъ, всячески старался вводить въ кругъ посильныхъ развлеченій, но Львовскій находилъ тысячи причинъ не принимать большаго участья въ удовольствіяхъ Смурова.

Въ день пріѣзда княгини, отправясь съ утра на охоту въ одну изъ деревень Базова, Львовскій рѣшительно не зналъ, какой застанетъ переворотъ въ городѣ, и, при возвращеніи, чрезвычайно удивился, увидя освѣщеніе въ верхнемъ этажѣ. Сначала онъ было испугался и велѣлъ ѣхать шибче, но еще на площади узналъ отъ кого-то, что у генерала балъ, по случаю пріѣзда изъ Москвы одной важной княгини, которая имѣетъ ленты, звѣзды и, говорятъ, присутствуетъ въ сенатѣ. Львовскій улыбнулся, и ѣхалъ домой уже гораздо покойнѣе. Онъ усталъ немного послѣ охоты и послѣ дороги, но любопытство его возрасло до такой степени, что онъ въ туже минуту переодѣлся по бальному и взошелъ на верхъ.

Когда генералъ представилъ его Наташѣ и, раскланявшись съ нею пошелъ взять на туръ полонеза Юлію Дмитріевну, Львовскій пригласилъ Наташу и пошелъ съ нею, удивляясь самъ себѣ, какъ это онъ, нетанцовавшій годы, рѣшился пуститься въ танцы. Пригласивъ однакоже

даму и еще такую милую граціозную дѣвушку, Андрей Ивановичъ нашелся какъ-то удачно, и въ продолженіи тура сказалъ съ ней нѣсколько словъ, не употребляя ни комплиментовъ, которыми осыпалъ ее Шилобрѣевъ, ни высокопарнаго слога, которымъ бесѣдовалъ съ ней Григорій Ильичъ Мордаевскій.

Когда окончился полонезъ, старшая Хлопотунъ подбѣжала къ матери.

— Видѣли вы что Львовскій танцовалъ?

— Видѣла.

— Вотъ новости!

Черезъ секунду Машенька подбѣжала къ городничихѣ.

— Амалія Осиповна! видѣли вы какъ Львовскій танцовалъ съ этой пріѣзжей?

Черезъ минуту къ этому кружку подлетѣла Наденька Совиковская.

— Амалія Осиповна! видѣли вы, что Львовскій пускается въ танцы, ей Богу!

— Видѣла, видѣла, и удивляюсь. А знаете, mesdames, что я замѣтила: у нея нога просто ужасъ! Нельзя сказать, чтобы уже была слишкомъ большая, а рѣшительно безобразна.

— А замѣтили-ли вы, Амалія Осиповна, вмѣшалась Наденька Совиковская: — какія манеры у этой барышни?

Ходитъ какъ будто не своими ногами, ей Богу! Ну, ужъ видно и въ столицѣ бываютъ съ грѣхомъ пополамъ.

— А знаете, перебила меньшая Хлопотунъ, подходя къ матери:—что Львовскій сегодня пустился въ танцы, и какъ расфрантился! Будь у него только хорошая цѣпочка къ жилету, онъ бы глядѣлъ настоящимъ щеголемъ.

Но вотъ оркестръ заигралъ вальсъ.

Мордаевскій съ минуту простоялъ въ нерѣшимости, но вдругъ поворотилъ направо и очутился передъ Наташей. Ни Юлія Дмитріевна, ни меньшая Хлопотунъ, ни Наденька Совиковская, отличавшія учителя русской грамматики, не успѣли опомниться, какъ онъ уже довольно ловко и по его мнѣнію, очень граціозно, летѣлъ вокругъ залы, обхвативъ стройный станъ Наташи.

Шилобрѣевъ топнулъ ногой съ досады и почти въ слухъ проговорилъ:

— Проклятая чернильница этакая, или прямѣе сказать циркуль!

Но Мордаевскій сдѣлалъ одинъ только туръ съ пріѣзжей — и посадивъ ее на мѣсто, отправился къ Юліи Дмитріевнѣ. Нехотя хорошенькая госпожа Воронъ пошла съ нимъ вальсировать, и тогда только самолюбіе ея успокоилось, когда сердцеѣдъ протанцовалъ съ ней четыре тура. Не успѣла она сѣсть и перевесть духъ, какъ почувствовала возлѣ своего лица что-то шерсткое; лицо

Луки Ивановича, заросшее страшной рощей бакенбардъ, приближалось къ ея личику, и нѣжный мужъ, по обычаю, поблагодарилъ ее за танецъ, влѣпивъ ей три продолжительныхъ поцалуя.

— Ахъ, какіе вы досадные, Лука Ивановичъ! проговорила молодая женщина, искусно вытирая губки вышитымъ батистовымъ платкомъ.

— Моя ты юрулюпинька!

Уѣздный лѣкарь подхватилъ Юлію Дмитріевну.

Чуть только сердцеѣдъ отошелъ отъ Наташи, какъ, быстрымъ шагомъ подлетѣлъ къ ней Шилобрѣевъ.

— Осчастливьте! сказалъ онъ, протягивая къ ней обѣ руки, безъ церемоніи.

И когда Наташа молча встала, онъ, обхвативъ ея стройный станъ, ухарски понесся, щелкая шпорами при каждомъ поворотѣ, при чемъ какъ-то такъ ловко дѣйствовалъ лѣвою рукою, что кисти этишкета болтались необыкновенно граціозно. Провальсировала Наташа два тура и устала порядочно, потому что не могла попасть въ тактъ съ своимъ кавалеромъ, кое-какъ протанцовала и третій туръ, но Шилобрѣевъ увлекалъ ее снова.

— Merci! проговорила она.

— Что прикажете?

— Благодарю васъ! довольно! я устала.

— Какъ угодно-съ! сказалъ неутомимый корнетъ, са-

жая Наташу на стулъ: — а я только что растанцовался. Впрочемъ и то сказать вы легки, словно перышко, и съ вами прекрасно танцовать, не чувствуешь не только никакой катастрофы, а напротивъ большую интермедію. А на первую кадриль позволите?

— Съ удовольствіемъ.

— Непремѣнно велю сыграть: „Ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ!“ Славная пѣсня. У насъ въ полку ее отлично пѣлъ штабсъ-ротмистръ Муховертовъ, знаете, съ какимъ-то особеннымъ присвистомъ.

Наташу поминутно приглашали избранные смуровскіе вальсеры.

— Ловко ли вальсируетъ пріѣзжая? спросила Юлія Дмитріевна у Мордаевскаго.

— Очень.

— Видите! А мнѣ казалось, что она облокачивается на руку.

— Такъ чуть-чуть.

— Это даже должно быть пріятно для кавалера.

— Вы жестоки, произнесъ меланхолически учитель русской грамматики.

— Я васъ не понимаю, отвѣчала спокойно г-жа Воронъ, замѣчая, что приближался Лука Ивановичъ, съ одной изъ улыбокъ, доказывающихъ, что онъ желаетъ облобызать дрожайшую половину.

— Или не хотите понимать, говорилъ сердцеѣдъ голосомъ, въ которомъ слышалась грусть.

— Отчего вы не танцуете Юлюлюсинька? спросилъ Лука Ивановичъ, помѣщаясь за стуломъ жены.

— А вамъ что до этого?

— Какъ что? Я поблагодарилъ бы васъ, моя Люсининочка.

— Ахъ, какіе вы досадные, Лука Ивановичъ!

Въ это время къ Юліи Дмитріевнѣ подлетѣлъ Шилобрѣевъ

— Осчастливте-съ! сказалъ онъ.

— Право не знаю, кажется, я устала.

— Нѣтъ-съ? говорилъ Шилобрѣевъ, кокетливо выставляя правую ногу.

Вообще Антонъ Михайловичъ имѣлъ претензіи на хорошее сложеніе, носилъ рейтузы въ обтяжку, и утверждалъ, что у мужчины первое—ночи, а тамъ хоть трава не рости или сказать прямѣе—adieu mon plaisir!

— Я такъ много вальсировала, сказала Юлія Дмитріевна замѣчая съ удовольствіемъ, что къ ней подходилъ стряпчій.

— Осмѣлюсь ли? говорилъ стряпчій, становясь въ третью позицію и выставляя лакированные сапоги, надѣтые въ первый разъ.

— Не знаю какъ быть! сказала г-жа Воронъ.—Впро-

чемъ пойдемъ-те Антонъ Михайловичъ; а съ вами послѣ прибавила она, обращаясь къ стряпчему.

Шилобрѣевъ подлетѣлъ, выдѣлывая шпорами необыкновенныя штуки.

Львовскій подошелъ къ Наташѣ.

— У васъ часто веселятся подобнымъ образомъ? спросила она.

— Каждую недѣлю, но случаются вечера и чаще.

— Но вы, кажется, не принимаете участья въ этихъ веселостяхъ.

— Да, я никогда не танцую.

— Не любите.

— Не скажу этого; но какъ то съ дѣтства мнѣ неdавались танцы, и я чувствую, что рѣшительно неспособенъ къ свѣтской жизни, даже въ Смуровѣ.

— Конечно серьозныя занятія...

— О, нѣтъ, я не педантъ и не думаю, что всѣ должны любить мой предметъ; напротивъ иной разъ мнѣ пріятно смотрѣть на удовольствія молодежи.

— А я замѣтила, что въ этомъ маленькомъ обществѣ много искренности.

— И вы правы, если исключить нѣкоторыя тайныя, мелочныя негодованія, микроскопическія интриги.

— Неужели и здѣсь то же, что и въ большихъ городахъ?

— Въ извѣстной только формѣ и въ своихъ размѣрахъ. Поживете подольше, увидите.

— Но какъ же вы могли замѣтить, бывая рѣдко въ свѣтѣ?

— Каждый день у генерала я встрѣчаюсь съ членами этого общества.

— А здѣсь довольно милыхъ особъ?

— Въ особенности эта черноглазая дама замѣчательной наружности.

— Какъ она прекрасно держитъ себя. Опять эта стройная дѣвушка, что вальсируетъ мимо насъ.

— Это старшая дочь городничаго.

— Еще я замѣтила одно очень интересное личико дѣвушки въ палевомъ платьѣ.

— Это дочь судьи.

— Она очень хороша, но какое то странное выраженіе.

— Особа эта, если не ошибаюсь, очень самолюбива, сознаетъ силу своей красоты и, можетъ быть, не видитъ достойной дани.

— Вы начинаете злословить.

— Объясняю только ваши недоразумѣнія.

Въ это время сердцеѣдъ, скользя по паркету, какъ человѣкъ, которому нипочемъ паркеты, подошелъ къ Наташѣ.

*

— Угодно-съ?

Наташа пошла съ нимъ вальсировать, а когда возвратилась на свое мѣсто, Львовскаго уже не было.

Мордаевскій вынулъ изъ вицъ-мундира фуляровый платокъ съ необыкновенно яркими арабесками, отеръ лицо и усѣлся возлѣ Наташи.

— Ничто такъ не утомляетъ какъ вальсъ, сказалъ онъ.

— Да.

— И знаете-ли, у насъ въ обществѣ нѣтъ пропорціи: танцующихъ дамъ около пятнадцати, а вальсирующихъ кавалеровъ много-много шесть.

— Вообще кавалеровъ здѣсь меньше.

— Это радуетъ насъ немного: все таки мы больше выигрываемъ.

— За тоже и устаете.

— Пропотѣть немножко не мѣшаетъ. А признаюсь вамъ, продолжалъ сердцеѣдъ: есть такія дамы, что пока обойдешь туръ...

— О, да вы любите посмѣяться.

— Нѣтъ, говорилъ довольный учитель русской грамматики:—но, ей Богу, иная барышня, извините за сравненіе, походитъ на боченокъ.

— Бѣдныя барышни!

— Конечно вы не можете принять этого на свой счетъ,

потому что ваша талія стройна, какъ пальма счастливой Аравіи.

— А знаете ли, что это развѣ немного лучше боченка. Помоему, ничего не могло бы быть безобразнѣе, какъ талія, похожая на пальму.

— Но это поэтическое сравненіе арабовъ.

— Можетъ быть это и въ ихъ вкусѣ; впрочемъ они вообще стройность женщины—сравниваютъ со стройностью пальмы.

— А какъ вы легко вальсируете.

— Будто бы?

— Какъ пери.

— А вы танцовали съ пери?

Сердцеѣдъ вопросительно посмотрѣлъ на Наташу и непонималъ: шутитъ ли московская красавица, или она въ самомъ дѣлѣ профанируетъ поэзію.

— Пери...

— Довольно о перьяхъ; сказалъ подходя Шилобрѣевъ. —Эти господа и въ танцахъ занимаютъ дамъ перьями и чернильницами. Не угодно ли-съ? прибавилъ онъ обращаясь къ Наташѣ.

Протанцовавъ два тура, корнетъ приказалъ оркестру замолчать.

Нечего говорить, что всѣ глаза слѣдили за малѣйшимъ движеніемъ Наташи и многіе, въ томъ числѣ городни-

чиха, дивились тому, что у московской пріѣзжей платье не развѣвалось и не открывало ногъ, которыя, по словамъ мѣстной хроники, были порядочной величины. Но больше всѣхъ не нравилась Наташа Юліи Дмитріевнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, пріѣзжая невольно затронула самолюбіе г-жи Воронъ, потому что была лучше ее, поколебала ея владычество, и еще доказала всему Смурову, что можно было заставить танцовать и Андрея Ивановича, о которомъ уже рѣшили, что это домосѣдъ высочайшей степени. Съ Наденькой Совиковской было напротивъ; хотя она и была втайнѣ недовольна пріѣзжею, чувствуя ея превосходство, однако не могла не поблагодарить ее въ душѣ за нанесеніе удара тщеславію Юліи Дмитріевны, которая, по мнѣнію Наденьки, предосудительнымъ образомъ отбивала молодежь у дѣвушекъ и, постоянно кокетничая, лишала послѣднихъ возможности составить порядочную партію. Не безъ удовольствія также она замѣтила, что Юлія Дмитріевна, несмотря на наружную веселость, была какъ будто не въ своей тарелкѣ.

Первая кадриль однакоже прошла благополучно, потому что пока одинъ Шилобрѣевъ отчалилъ отъ родного берега, а прочіе кавалеры танцовали съ тѣми же дамами, передъ которыми въ насоящее время выражали свои чувства, конечно иные явно, другіе въ тихомолку. Шилобрѣевъ же кромѣ того, что для многихъ былъ собствен-

но не интересенъ, давно уже пріучилъ обитательницъ Смурова «къ перемѣнѣ направленія», какъ онъ выражался подъ веселую руку. Недавно еще, и, какъ часто, передъ меньшою Хлопотунъ бренчали, за каждымъ словомъ, его нейзильберныя шпоры,—а это было признакомъ нѣжнаго чувства Антона Михайловича,—и прошло не больше двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ уже началъ напѣвать любезности Юліи Дмитріевнѣ.

Надо однакоже замѣтить, что въ первой кадрили, въ которой, казалось, между танцующими царствовало совершенное согласіе, нѣкоторыми дамами были сдѣланы довольно ясные намеки своимъ кавалерамъ. Сердцеѣдъ былъ даже немножко обезкураженъ холодною вѣжливостью своей дамы г-жи Воронъ, которая безпрерывно указывала ему на Наташу и восхищалась ею, разумѣется, притворно; стряпчій подвергся тоже ироніи меньшой Хлопотунъ, за то что поднялъ платокъ Наташи и подавая его пріѣзжей, будто бы дрожалъ отъ восторга; лѣкарь въ свою очередь былъ пораженъ невниманіемъ Наденьки Совиковской. Одинъ непремѣнный засѣдатель (не вальсировавшій по причинѣ круженія головы) не былъ совсѣмъ обезкураженъ своею дамою, хотя и ему Машенька сдѣлала замѣчаніе, что столичныя дѣвицы притягиваютъ сердца, какъ магнитъ. При этомъ засѣдатель улыбнулся, нѣжно посмотрѣлъ на свою даму и сказалъ, что

магнитъ притягиваетъ только желѣзо. Остальныя пары не ссорились между собою и танцовали просто для собственнаго удовольствія. А Шилобрѣевъ былъ на седьмомъ небѣ. Онъ не только разсыпался въ пухъ передъ своей дамой, не только угощалъ ее самыми разнообразными выраженіями, какія только слыхивалъ когда либо въ жизни, но даже подумывалъ какъ бы пожать ей ручку, хотя правду сказать не могъ рѣшиться на подобную удаль. Вызывая улыбку, и часто смѣхъ Наташи, Шилобрѣевъ вообразилъ себя на верху блаженства и гордо смотрѣлъ на молодыхъ людей, какъ бы говоря: завидуйте мнѣ, я одинъ удостоился чести привлечь вниманіе московской красавицы.

Вторую кадриль Наташа танцовала съ сердцеѣдомъ, а Шилобрѣевъ, его неизмѣнный vis-à vis, подхватилъ Юлію Дмитріевну, за которой на этотъ разъ очень близко сталъ неотвязный Лука Ивановичъ, знавшій молодецкую удаль корнета, конечно изъ его-же разсказовъ.

— Надолго-ли останется у васъ воспоминаніе о нашихъ мѣстахъ? спросилъ Мордаевскій Наташу, небрежно играя цѣпочкой часовъ и разваливаясь на стулѣ возлѣ своей дамы, какъ дѣлалъ одинъ знакомый ему чиновникъ одного губернскаго города.

— Я такъ пріятно провожу здѣсь время, что мнѣ было-бы грѣшно забыть радушіе Смурова.

— Однѣ фразы! У васъ въ столицѣ ничего не значитъ сказать то, что не чувствуете.

— Совершенная напраслина на столицу!.. Гдѣ же говорятъ всегда то, что думаютъ?..

— Да, вы правы!.. Иногда такія прекрасныя мысли толпятся въ головѣ...

— Однако намъ начинать.

Кончивъ вторую фигуру, Мордаевскій снова развалился на стулѣ и снова небрежно началъ играть цѣпочкой.

— Вы уѣдете, говорилъ онъ:—забудете уѣздный городъ, встрѣченный на дорогѣ, но городокъ долго будетъ о васъ помнить.

— Видите, что не только въ столицѣ говорятъ не то, что думаютъ.

— Гдѣ намъ? Конечно, можетъ быть и здѣсь иные говорятъ противъ чувствъ, но я не изъ ихъ категоріи.

— Объ этомъ надо спросить у здѣшнихъ жительницъ.

Сердцеѣдъ сконфузился, потому что Юлія Дмитріевна пристально посмотрѣла на него; но онъ былъ выведенъ изъ непріятнаго положенія словами Наташи, напоминавшей ему, что пора начинать.

— Ваша московская красавица недурна, говорила Юлія Дмитріевна своему кавалеру.

— Недурна! Помилуйте-съ! отвѣчалъ Шилобрѣевъ, трепля себя правой рукой по ногѣ: — да такой красавицы нѣтъ даже по системѣ Гитонъ-де-Морво.

— Что же въ ней особеннаго? А какъ гнется въ танцахъ!

— Ну, ужъ извините, Юлія Дмитріевна, смѣю увѣрить васъ просто, что она королева бала.

Г-жа Воронъ притворилась, что не слышитъ и, обратясь къ мужу, спросила:

— Лука Иванычъ! А замѣтили вы какъ Львовскій увивался за московской пріѣзжей?

— Я только замѣтилъ тебя, моя Юлюлюпинька! Позволь поцѣловать плечико Юлюненочекъ.

— Ахъ, какіе вы досадные!

Фигура на время разрознила Юлію Дмитріевну съ ея супругомъ.

— Вы говорите, что Львовскій увивался за Наталіей Михайловной? спросилъ Шилобрѣевъ, съ улыбкой самодовольствія.

— А развѣ вы не замѣтили?

— Ему ли, этакому лексикону, ухаживать, можно сказать за такой играціей, или попросту за такой эссенціей? да онъ не умѣетъ сказать слова съ дѣвушкой!

— Однако они шептались довольно долго, я сама видѣла.

Шилобрѣевъ залился громкимъ смѣхомъ, сквозь который пробивалась однако же досада.

— Воображаю, что онъ отпускалъ ей за каламбуры на китайскомъ языкѣ или, можетъ быть, даже на голландскомъ: — вѣдь онъ ихъ знаетъ до пропасти...

— Да и она щебетала съ нимъ четверть часа, ужь вѣрно смѣялась надо всѣми.

Шилобрѣевъ надулся, и какъ-то безъ одушевленія сталъ танцовать кадриль.

Не успѣли пары раскланяться, Наташа продолжала еще разговаривать съ своимъ кавалеромъ, какъ генералъ подвелъ къ ней Львовскаго.

— Вамъ, mademoiselle Nathalie, слѣдуетъ пальма побѣды, когда вы заставили пройтись полонезъ этого философа.

— М-r Львовскій сдѣлалъ полтура, генералъ, и то, какъ онъ говоритъ нечаянно.

— Однако все таки вы были причиной этой нечаянности. Не можете ли вдохновить его на кадриль?

— Я такъ давно не танцовалъ, что боюсь перепутать фигуры, сказалъ Львовскій.—Впрочемъ если М-me Nathalie будетъ столько снисходительна и проститъ мою неловкость, я почту особеннымъ удовольствіемъ проситъ ее на кадриль.

— Охотно даю вамъ слово, и мнѣ кажется, что вы не ошибетесь ни разу.

— Не совѣтовалъ бы вамъ держать пари.

Смотря недовольнымъ взоромъ на Львовскаго, который весело разговаривалъ съ Наташей, корнетъ подошелъ къ послѣдней.

— Вы любите Наталья Михайловна, нечетныя числа? спросилъ онъ.

— Особенной страсти не питаю ни къ четнымъ, ни къ нечетнымъ.

— А я такъ люблю нечетъ, и по этому хотѣлъ просить васъ на третью кадриль.

— То есть на слѣдующую?

— Да-съ.

— Извините, я уже дала слово.

Недовѣрчиво посмотрѣлъ Шилобрѣевъ и подумалъ не можетъ быть!

— А съ кѣмъ вы танцуете, смѣю спросить?

— Съ М-г Львовскимъ...

— Какъ! Андрей Ивановичъ танцуетъ! Это что-то необыкновенное, покрайней мѣрѣ мы ни разу не видали этой удали.

— А вы этого и не подозрѣвали, Антонъ Михайловичъ? спросилъ Львовскій.

— Отчего-же въ самое трудное время, при недостат-

кѣ кавалеровъ, вы не танцовали? говорилъ Шилобрѣевъ, почти съ досадою.

— Оттого, что я тогда не умѣлъ, отвѣчалъ секретарь, улыбаясь.

— Когда же вы успѣли научиться?

— Очень недавно, Антонъ Михайловичъ.

— Все это дребедень или попросту—сатурналія. По крайней мѣрѣ, Наталья Михайловна, не откажите мнѣ мазурку.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Шилобрѣевъ щелкнулъ шпорами и отправился отыскивать даму на третью кадриль, серьезно безпокоясь о неожиданной охотѣ Львовскаго къ танцамъ.

Когда же секретарь протанцовалъ кадриль съ Наташей не спутавъ ни одной фигуры, толкамъ, предположеніямъ и предсказаніямъ не было конца. Мѣстная хроника даже утверждала, что свадьба молодыхъ людей давно уже рѣшена княгиней и Алексѣемъ Лазаревичемъ. Въ мазуркѣ всѣ начали трубить въ голосъ о близкой свадьбѣ, и въ танцовальной залѣ не знали только объ этомъ Львовскій и Наташа, да не вѣрилъ еще Шилобрѣевъ, который рѣшился во что бы то ни стало, перебитъ вакансію лексикону, какъ онъ называлъ секретаря. Иногда, подъ веселую руку, онъ говорилъ что это

меридіанъ, который любилъ важничать своей Бранденбургіей.

И корнетъ въ мазуркѣ выдѣлывалъ чудеса ловкости и находчивости въ изобрѣтеніи самыхъ разнообразныхъ по его мнѣнію, фигуръ, которыя иногда такъ были замысловаты, что Шилобрѣевъ, собравъ три, четыре пары на средину, не могъ никакъ самъ ничего составить и хотя и сознавался въ душѣ, что напуталъ вздору, однако сваливалъ вину на непонятливость другихъ кавалеровъ. Но ни искуство въ танцахъ, ни отчаянныя любезности, ни самыя отборныя слова изъ всевозможныхъ отраслей наукъ не помогли Шилобрѣеву очаровать Наташу, которая подъ конецъ мазурки начала зѣвать и даже не смѣялась при-непостижимо великолѣпныхъ фразахъ своего кавалера.

Юлія Дмитріевна танцовала съ Мордаевскимъ и была съ нимъ достаточно ласкова, но не могла избавиться отъ докучнаго Луки Ивановича, который, сидя за ея стуломъ, то клалъ ей на плечо голову, то просилъ ручку, то умолялъ хоть ударить его по губамъ вѣеромъ.

Балъ продолжался за полночь. Княгиня обыграла своихъ партенеровъ и весело ужинала. Она обласкала многихъ дамъ, въ особенности полюбила госпожу Хлопотунъ, и проговорила минутъ десять съ Юліей Дмитріевной, отчего обѣ эти особы пришли въ восторгъ и возбудили зависть во многихъ пріятельницахъ.

Приживалка княгини составила свой кругъ знакомства, которому и разсказывала объ ужасной испорченности нравовъ въ столицѣ и о своемъ вдовьемъ житьѣ-бытьѣ.

Послѣ ужина, княгиню проводилъ Алексѣй Лазаревичъ, а Наташу сетретарь и Шилобрѣевъ.

Юлія Дмитріевна просила княгиню на завтра удостоить ее чести откушать у нея, и пригласила дамъ, а Лука Ивановичъ позаботился о мужскомъ обществѣ.

Недовольнѣе всѣхъ былъ — Шилобрѣевъ.

Вправо отъ дома, въ большомъ флигелѣ, Шилобрѣевъ занималъ три хорошенькія комнатки, убранныя по его фантазіи довольно разнообразно. Мебель была порядочная, по стѣнамъ висѣли плохія литографіи, оружіе, трубки, кисеты и нѣсколько шапочекъ различныхъ формъ. Антонъ Михайловичъ никогда не сидѣлъ у себя безъ шапочки, и надо сказать правду, онъ умѣлъ съ какимъ-то особеннымъ кокетствомъ надѣвать каждую шапочку: такъ, напримѣръ, голубую съ серебромъ носилъ на правую сторону и немножко назадъ, малиновую накидывалъ на макушку, зеленую подвигалъ на лѣвое ухо, греческую феску съ огромной голубой кистью носилъ словно киверъ,—и каждая изъ этихъ шапочекъ была непремѣнно ему къ лицу. Небольшое кокетство изстари водилосъ за корнетомъ, и онъ говаривалъ иногда подъ веселую руку, что мужчина, который не занимается собою, настоящая

рохля или прямѣе выразиться, теленокъ. Правду сказать, Шилобрѣевъ частенько подсмѣивался надъ нѣкоторыми смуровскими джентльменами за безвкусіе, по его мнѣнію, костюмовъ; но, какъ опытный дипломатъ, говорилъ это шутя не стараясь объ исправленіи этой погрѣшности. Подобные промахи кавалеровъ служили ему въ танцахъ предметомъ самыхъ лукавыхъ остротъ и мѣткихъ каламбуровъ. Самъ же Антонъ Михайловичъ, какъ уже видѣли читатели, одѣвался всегда изыскано. Дома Антонъ Михайловичъ носилъ архалуки, сшитые очень красиво и обозначавшіе талію; архалуковъ этихъ у него было три или четыре, и два изъ нихъ обшиты узенькимъ серебряннымъ галуномъ. Обыкновенно, сверхъ архалука онъ надѣвалъ черкесскій поясъ перетягивался, садился возлѣ стола противъ небольшаго зеркальца и курилъ изъ любимой трубки. Халата онъ терпѣть не могъ и говорилъ что эта одежда не идетъ порядочнымъ людямъ, и что въ халатѣ, какъ бы онъ ни былъ хорошъ, все-таки человѣкъ будетъ смахивать на какого-нибудь татарина. Книгъ корнетъ не жаловалъ и откровенно признавался, что онѣ ему еще и въ дѣтствѣ надоѣдали, и что онъ не могъ видѣть риторики, физики или азбуки. Романы по его мнѣнію, тоже дребедень, все врутъ, выдумываютъ чортъ знаетъ какія нелѣпости и обманываютъ народъ. За то Антонъ Михайловичъ зналъ множество непечатныхъ стиховъ

и любилъ ихъ декламировать подъ веселую руку. А больше надоѣли ему *разныя книги* въ первые три года его службы. Антонъ Михайловичъ жилъ тогда у эскадроннаго командира, который все свободное отъ службы время посвящалъ чтенію въ кругу офицеровъ, и тамъ-то корнетъ невольно нахватался всѣхъ этихъ словъ, которыя пригодились ему впослѣдствіи, во время извѣстныхъ разговоровъ.

На другой день послѣ описаннаго вечера, довольно рано утромъ, Шилобрѣевъ въ зеленомъ полосатомъ халатѣ и малиновой шапочкѣ, сидѣлъ передъ своимъ зеркальцемъ, и прихлебывая чай, курилъ трубку, задумчиво пуская дымъ на разные манеры.

Дверь потихоньку отворилась, и вошелъ учитель русской грамматики.

— А, г. Сердцеѣдъ! раненько же вы подымаетесь.

— Добрый день, Антонъ Михайловичъ! Сегодня у насъ экзаменъ, но не такъ еще скоро начнется, вотъ я и зашелъ...

— Очень радъ. Матюшка, эй! чаю поживѣе!

— Я уже пилъ.

— Ничего, повторить не мѣшаетъ. Ну что каково послѣ вчерашняго?

— Какъ и всегда, говорилъ Сердцеѣдъ, протяжно зѣвая и разваливаясь въ креслѣ:—усталъ порядкомъ.

— Ну, а московка-то? Ась?

— Ничего нѣтъ необыкновеннаго, дѣвушка какъ дѣвушка...

— Нѣтъ ужъ ферцейгенъ-зи съ пардончикомъ, если позволите г. Сердцеѣдъ! Этакой аппетитный кусочекъ, что человѣку можно и свихнуться, или попросту почувствовать мелодраму.

— Это значитъ почтеннѣйшій, что вы врѣзались...

— Кто? я? А еслибы и такъ?

И корнетъ ухорски подбоченился.

— Ничего; я говорю только то, что всѣ замѣтили.

— Того... И Юлія Дмитріевна?

— И Юлія Дмитріевна.

— Гмъ! Эй Матюшка! чаю поживѣй и подай Ромула!

Матюшка мигомъ принесъ два стакана чаю и бутылку рому.

— Развѣ для куражу, говорилъ Серцеѣдъ, наливая въ стаканъ изъ бутылки.

— Только побольше, а то вѣдь вы чернильницы этакія и пуншу порядкомъ выпить не умѣете.

— Довольно, Антонъ Михайловичъ: у меня вѣдь сегодня экзаменъ.

— Къ чорту ваши экзамены! Ну что же говорила Юлія Дмитріевна.

Мордаевскій слегка улыбнулся.

— Говоритъ, Антонъ Михайловичъ не промахъ.

Корнетъ покрутилъ усы и еще больше заломалъ на затылокъ малиновую шапочку.

— Надѣюсь, что не промахъ, сказалъ онъ:—сначала запустилъ такихъ голубей,—только держись, а тамъ пики на перевѣсъ и маршъ въ атаку!

— Все это хорошо; но какъ изъясните вы эту охоту Львовскаго къ танцамъ?

Корнетъ сдѣлалъ недовольную мину.

— Львовскій, проговорилъ корнетъ, выпивъ два большіе глотка пуншу:—какъ бы вамъ сказать, этотъ латинскій лексиконъ большой фантазеръ или попросту индѣецъ! Желалъ бы я знать чѣмъ онъ занималъ въ танцахъ молодую дѣвушку? Наташа вѣдь не знаетъ, надѣюсь, по латыни, а онъ вѣроятно закидывалъ ее своими Гомерами, Расинами и тамъ разными этакими латинскими мудрецами.

— Они говорили много по французски.

— Ну, я вамъ скажу, теперь никого неудивишь французскимъ языкомъ. Еслибы я учился съ малолѣтства, кто знаетъ, не лучше ли бы я говорилъ Львовскаго. Штабсъ-ротмистръ Муховертовъ разсказывалъ, что когда полкъ нашъ былъ за границей, такъ солдаты говорили по французски.

— И эта пріѣзжая, кажется, находила удовольствіе болтать съ Львовскимъ?

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, нѣтъ—не вѣрьте вы этимъ женскимъ сплетнямъ или по просту филантропіямъ.

— Развѣ же вы сами не замѣтили?

Корнетъ почувствовалъ, какъ что-то кольнуло его въ сердце.

— Ничего я не замѣтилъ, да и замѣчать было нечего, отвѣчалъ онъ.

— Вижу теперь, Антонъ Михайловичъ, что вы просто втюрились.

Корнетъ помолчалъ съ минуту.

— А знаете, что я вамъ скажу, Григорій Ильичъ, эта дѣвушка рѣшительно съ одолженіемъ или, прямѣе, по системѣ Гитонъ де Морво. Чортъ знаетъ какъ она умѣетъ понравиться. Скажу вамъ откровенно: дай за нею княгиня хоть 5 тысячь серебреца, да притомъ чистоганомъ, сію минуту женился бы, не будь я Шилобрѣевъ.

— Говорятъ за нею больше.

— А вотъ узнаемъ. Что эти волокиты лексиконы, біографы и перпендикуляры! Все эти финтифанты, дребедень, въ мужья не годятся; а человѣкъ солидный, ѣздокъ, служака, — вотъ мужъ что называется молодецъ, или попросту Геркулесъ. А ужъ если бы провѣдать о приданомъ, да съ Божьею помощью подхватилъ этакую милочку, такъ чортъ знаетъ какъ было бы недурно.

— Женитесь, женитесь, почтеннѣйшій!

— Что, братъ, не думаешь ли скушать послѣ и это сердечко? Жирно будетъ. Я самъ не прочь пріударить за хорошенькой, но чуть женюсь, нѣтъ, у меня взятки гладки: я вѣдь по уланской совѣсти, или попросту задамъ трезвону съ перезвономъ.

— А сами вы, Антонъ Михайловичъ, кажется, ни кому не даете спуску.

— Я — другое дѣло. Да и кто же виноватъ, что мужья колпаки, или попросту козероги!

— А я слышалъ вчера, прибавилъ небрежно Мордаевскій, прихлебывая чай изъ стакана: — что будто бы между генераломъ и княгиней рѣшено уже на счетъ Наташи.

— Какъ? не спросясь меня! Значитъ они были заранѣе увѣрены въ моемъ согласіи.

— Вотъ въ томъ-то и шутка, что объ васъ нѣтъ и помину: говорятъ, что Львовскаго прочатъ въ женихи московской пріѣзжей.

Шилобрѣевъ нѣсколько минутъ оставался съ раскрытымъ ртомъ отъ удивленія; краска мгновенно выступила на лицѣ его, и онъ схватилъ и бросилъ на столъ малиновую шапочку.

— Львовскаго? этого астронома или попросту Тохтамыша? Никогда! скорѣе Шилобрѣевъ сочинитъ австрій-

скій лексиконъ, а Дублинскій поѣдетъ на ординарцы! Слышите ли, Григорій Ильичъ, этому не бывать!

— Не мое дѣло, Антонъ Михайловичъ, я только передалъ, что слышалъ.

— Сплетни, или прямѣе сказать завиральныя идеи! Наташа первый разъ видѣла Львовскаго на балѣ; да и княгиня не имѣла съ генераломъ никакихъ сношеній.

— Совершенно согласенъ. Однако г-жа Хлопотунъ утверждаетъ, что это почти рѣшено.

— Совѣтовалъ бы я г-жѣ Хлопотунъ держать язычекъ на привязи. Сегодня же поговорю съ генераломъ.

— Желаю вамъ успѣха, а между тѣмъ до свиданія: мнѣ пора уже на экзаменъ.

Долго еще Шилобрѣевъ, по уходѣ Мордаевскаго, сидѣлъ передъ своимъ зеркальцемъ и, сильно затягиваясь, прихлебывалъ пуншъ изъ стакана. Накурившись вдоволь, осмотрѣвъ конюшни, задавъ легенькое ученье шутамъ, завернувъ къ Моргульцеву послушать ученаго соловья, корнетъ надѣлъ новый сюртукъ съ этишкетомъ и отправился къ генералу, чтобъ ѣхать вмѣстѣ на обѣдъ къ Юліи Дмитріевнѣ. Всѣ приглашенные къ этому обѣду собрались уже, послѣ экзамена, у Алексѣя Лазаревича, и разговоръ вертѣлся на томъ, какъ вчера было весело: Старикъ рѣшилъ, что Наташа была царицей бала; даже городничій, котораго меньшая дочь соперничала съ Юліей

Дмитріевной, признался, что московская пріѣзжая очень хороша. Однако Базовъ, не желая потерять въ мнѣніи г-жи Воронъ, сказалъ что на его глаза, Наташа имѣетъ передъ Юліей Дмитріевной одно преимущество—молодость, но что красотой не превосходитъ смуровскую красавицу. Сердцеѣдъ благодарнымъ взоромъ посмотрѣлъ на генерала, а Шилобрѣевъ молча крутилъ усы и глядѣлъ въ окно, не желая принимать участья въ разговорѣ. Онъ, можетъ быть, оставался бы до отъѣзда въ этомъ положеніи, но надо же было Львовскому сказать, что красота Наташи пройдетъ послѣ 20 лѣтъ, и что, по всему судя, она будетъ полна.

— Это вамъ почему извѣстно, позвольте спросить? сказалъ Шилобрѣевъ, поворачиваясь на лѣво кругомъ и отставляя ногу.

— На этотъ вопросъ трудно отвѣчать, но мнѣ такъ кажется.

— Я полагаю это написано въ вашихъ лексиконахъ и разныхъ японіяхъ! Нѣтъ, сударь, Наталія Михайловна красавица, или по просту Бобелина!

Алексѣй Лазаревичъ улыбнулся.

— Вы, Антонъ Михайловичъ, что-то горячо вступаетесь за нашу милую гостью, сказалъ онъ.

— Наша обязанность, генералъ, защищать угнетенную невинность.

— А вѣдь г. Львовскій не сказалъ ничего оскорбительнаго, вмѣшался сердцеѣдъ.

— И вы туда же! проговорилъ Шилобрѣевъ, смотря съ упрекомъ на учителя русской грамматики. — Рыбакъ рыбака видитъ издалека. Охъ, эти мнѣ ученые! Вездѣ имъ этимологія, вездѣ контрапункція. Вотъ видите, Андрей Ивановичъ! Сегодня вы порицаете красоту Наталіи Михайловны, а вчера ей напѣвали разныя нѣжности, или прямѣе выразиться сладкія манипуляціи.

Генералъ однако же прекратилъ этотъ споръ, сказавъ, что Юлія Дмитріевна ожидаетъ.

Весь Смуровъ, т. е. все порядочное общество было приглашено на обѣдъ къ г-жѣ Воронъ. Послѣ жаркаго Шилобрѣевъ развеселился и нѣсколько разъ пилъ здоровье Наташи. Ему было пріятно видѣть, что Львовскій совершенно не занимался пріѣзжей красавицей, а болѣе молчалъ, и корнетъ строилъ планъ нападенія на сердце Наташи. Правду сказать, онъ и боялся только Львовскаго, чувствуя превосходство послѣдняго; на остальныхъ же молодыхъ людей не обращалъ никакого вниманія.

Послѣ обѣда, когда многіе усѣлись за зеленые столы, Шилобрѣевъ улучилъ свободную минуту и атаковалъ Наташу у двери уборной, куди воспитанница хотѣла уда-

литься поправить воротничекъ, выдвинувшійся довольно нескромно.

Загородивъ, безъ церемоніи, дѣвушкѣ дорогу, корнетъ злодѣйски улыбнулся.

— Нельзя-съ! проговорилъ онъ, щелкнувъ шпорами:— я поставленъ на часахъ и никого не пропускаю.

— Кто же васъ поставилъ?

— Кто-съ? Ахъ, Наталія Михайловна... Ну, да вѣдь вы сами знаете.

Наташа разсмѣялась.

— Видите, уже вы и смѣетесь, продолжалъ Шилобрѣевъ. О, женщины, женщины!...

И корнетъ ухорски закрутилъ усъ, граціозно придерживаясь за ручку замка.

— Что значитъ ваше восклицаніе: о, женщины?

— Значитъ то, что онѣ довѣрчивы, или, прямѣе, слушаютъ и принимаютъ за истину всякую модуляцію.

— Какую модуляцію?

— Эхъ, Наталія Михайловна! Есть люди, которые въ глаза говорятъ одно, а за глаза другое.

— Это не новость.

— Самая свѣжая новость. Вчера одинъ франтъ напѣвалъ вамъ въ кадрили френологію, а сегодня говорилъ, что красота ваша пройдетъ съ лѣтами. Видите?

— И тотъ правъ, кто говорилъ это, потому что ни-

чего нѣтъ болѣе преходящего, какъ наружность женщины. Знаете ли, что я не желала бы понравиться одною только наружностью.

— Да вѣдь у васъ и талія, скажу вамъ золотая, да и все прочее такъ и обдаетъ жаромъ.

— Однако позвольте мнѣ пройти, г. Шилобрѣевъ, говорила Наташа, удерживаясь отъ смѣха и вмѣстѣ желая кончить изъясненіе, которое могло повлечь за собою какую нибудь плоскость.

— Но вы меня поняли?.. говорилъ корнетъ, невольно давая дорогу воспитанницѣ.

— Рѣшительно не поняла.

— Шутите!

Но Наташа захлопнула уже дверь за собою. Не успѣлъ Шилобрѣевъ опомниться, какъ Юлія Дмитріевна показалась изъ залы. Видя задумчивость корнета, г-жа Воронъ улыбнулась.

— Вы кого нибудь ожидаете? спросила она.

— Васъ, отвѣчалъ Шилобрѣевъ, никогда не упускавшій случая приволокнуться.

— Полноте прикидываться! Нѣтъ г. Шилобрѣевъ, вы непостояннѣе бабочки.

Корнетъ вздохнулъ.

— Любовь не свой братъ, Юлія Дмитріевна.

— Не дремлите же! У васъ естъ соперникъ, сказала

г-жа Воронъ, лукаво погрозивъ Шилобрѣеву, и исчезла въ уборной.

— Соперникъ, чортъ возьми! проговорилъ Шилобрѣевъ, покручивая усы и поворачиваясь налѣво кругомъ. — Не смастерилъ ли въ самомъ дѣлѣ латинскій лексиконъ какой штуки? Отъ этихъ франтовъ, да ученыхъ добра ожидать нечего: не поддѣдюлилъ-бы онъ меня втихомолку! Шалишь, медикусъ хирургусъ! у насъ и шило брѣетъ! Нѣтъ, шалишь, г. метроманъ! Я вѣдь пустилъ брандера; хоть Наташа и говоритъ, что не поняла ничего, однако знаемъ мы ихъ сестру.

И корнетъ отправился въ гостиную. Княгиня играла въ преферансъ съ Алексѣемъ Лазаревичемъ, Дублинскимъ и городничимъ. По лицу ея видно было, что ей не шла карта, и она сидѣли нахмурившись. Базовъ игралъ довольно великодушно, выпускалъ ее сколько было можно; но Дублинскій, а больше всего Хлопотунъ, пользовались неумѣньемъ старушки, которой, впрочемъ, не везло ужаснымъ образомъ.

Шилобрѣевъ подсѣлъ къ княгинѣ.

— Каково идутъ дѣла, в. с—во? спросилъ онъ, щелкнувъ шпорами и заглядывая въ карты Дублинскаго.

— Очень дурно, отвѣчала старуха съ неудовольствіемъ. — Ну вотъ, смотри, купила на семь, а въ прикупкѣ семерка и десятка.

— Гмъ! в. с—во! не такъ изволите сносить,—сказалъ Шилобрѣевъ, успѣвъ довольно ловко посмотрѣть въ карты городничаго.

— А ты уже какъ думаешь?

— На коего, съ позволенія сказать, хрѣна оставили вы эту даму? Измѣнитъ бестія; оставьте лучше вотъ такъ! И корнетъ пошепталъ что-то старухѣ.

— Ну, будь по твоему; только и отвѣчай, если поставлю ремизъ.

— Смѣю доложить, ремиза не будетъ никакого, а еще выторгуемъ лишнюю взятку.

Княгиня объявила игру и при помощи Шилобрѣева выиграла, причемъ Алексѣй Лазаревичъ улыбнулся, а городничій справа и Дублинскій слѣва, каждый покосился соотвѣтствующимъ глазомъ на Шилобрѣева. У каждаго изъ нихъ блуждала на губахъ извѣстная фраза: пятый игрокъ подъ столъ; фраза эта очень хорошо была уже извѣстна корнету, но уваженіе къ княгинѣ остановило партенеровъ, которые, по сочувствію, разомъ только закашляли, что также понялъ Антонъ Михайловичъ.

— Теперь, в. с—во! сказалъ онъ, не обращая вниманія на нахмуренныя лица городничаго и смотрителя:—позвольте мнѣ только снять, и Кирило Ѳедосѣичъ сдастъ вамъ непремѣнно восемь, а если не восемь, то за семь, ручаюсь.

— Сымай, батюшка, сымай.

— Бабушка на двое сказала, молвилъ смотритель и сдалъ карты.

Княгиня не смотрѣла картъ, пока не кончилась сдача; когда же она раскрыла свою игру, то просто ахнула отъ удивленія. У нея образовалось 8 въ червяхъ.

— Да ты колдунъ, милый мой, что ли? проговорила развеселившаяся старушка.

— А вотъ посмотрите какую игру сдастъ вамъ генералъ, только позвольте я задумаю.

— Пожалуйста задумай.

Генералъ разсмѣялся.

Но у княгини не было игры, и она уже готова была упрекать Шилобрѣева: однако у нее случился такой вистъ, что городничій, играя семь, остался безъ двухъ.

Уваженіе къ дамамъ было забыто, и, записывая ремизъ огромными цифрами, городничій сказалъ Шилобрѣеву извѣстную фразу.

— Да вѣдь, батюшка! мнѣ Брилошеевъ ничего не совѣтывалъ проговорила княгиня.

— Не то, в. с—во, а игра любитъ аккуратность.

Корнетъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на городничаго. Алексѣй Лазаревичъ не сказалъ ни слова.

— Ну, милый мой, прибавила старушка, обращаясь къ Антону Михайловичу: — покрайней мѣрѣ, сиди возлѣ меня: этого никто не можетъ запретить.

— Съ удовольствіемъ в. с—во, и посмотрите какъ чертовски повалитъ вамъ игра, или прямѣе какая произойдетъ очертація.

На старушку нашла что называется полоса, и она не только отыграла свои ремизы, но къ вечеру выиграла восемь цѣлковыхъ.

Шилобрѣевъ былъ внѣ себя отъ восторга. Пока чистили столъ, княгиня изъявила желаніе проходиться немного по саду, и разумѣется всѣ гости отправились вслѣдъ за нею. Алексѣй Лазаревичъ предложилъ руку гостьѣ, прочіе кавалеры, слѣдуя его примѣру, поспѣшили выбрать дамъ; но когда корнетъ суетился и отыскивалъ Наташу, она уже рука объ руку шла съ Львовскимъ, и какъ нарочно эта пара отстала отъ прочихъ.

Шилобрѣевъ не вытерпѣлъ и подошелъ съ правой стороны къ Наташѣ.

— Позволите гулять тройкой? спросилъ онъ ухарски подбочениваясь.

— Кажется по этой аллеѣ удобнѣе парой, отвѣчала смѣясь воспитанница.

— Ничего, если одна пристяжная будетъ идти и по травѣ: теперь вѣдь скоро травяное продовольствіе.

Львовскій обратился къ Наташѣ по французски, и они продолжали начатый разговоръ.

Шилобрѣевъ шелъ, нахмурившись, нѣкоторое время, крутилъ усы, дергалъ этишкеты и не зналъ какъ выйдти изъ затруднительнаго положенія.

— Знаете ли, Наталія Михайловна, сказалъ онъ наконецъ,—что нашъ полкъ переименованъ?

— Нѣтъ не знаю.

— Признаюсь откровенно—жаль: полкъ былъ славный!...

— Названіе не можетъ его измѣнить, какъ мнѣ кажется.

— Конечно, да какъ-то мы привыкли къ прежнему.

— Вѣдь вы въ отставкѣ, Антонъ Михайловичъ, сказалъ Львовскій.

— Что же за важность! То-то вы, господа ученые! вамъ бы физика да мельпомены, а тамъ хоть трава не расти! Нѣтъ, почтеннѣйшій, вы не поймете удовольствія летѣть передъ взводомъ въ атаку.

— Каждому свое, Антонъ Михайловичъ.

— Эхъ, Андрей Ивановичъ, гдѣ вамъ знать, какъ подберешь лошадь, возьмешь ее въ шенкеля, а позади тебя молодцы... да что и говорить: это въ лексиконахъ не написано.

— Вы такъ любите военную службу, зачѣмъ же вы ее оставили? спросила Наташа.

— Мудрено отвѣчать, Наталія Михайловна! Если прав-

ду сказать, такъ сдуру; взялъ да и вышелъ... Была причина, или по просту Лузіада, но это плевое дѣло.

Скоро, однакоже, гуляющіе поворотили, потому что княгиня нашла вечеръ довольно прохладнымъ; а кажется, что ей хотѣлось поскорѣе сѣсть за преферансъ. Послѣднее тѣмъ было вѣроятнѣе, что увидя корнета, она съ улыбкой обратилась къ нему:

— А ты, батюшка Брилошеевъ, пожалуйста уже посиди возлѣ меня!

— Радъ стараться, в. с—во.

— Не повѣришь, Наташа, сказала старушка, обращаясь къ воспитанницѣ: какая идетъ ко мнѣ карта, когда подсядетъ Мылобрѣевъ.

— М. Шилобрѣевъ, подсказала воспитанница.

— Ахъ, прости старухѣ, голубчикъ Брилошеевъ: я вѣчно перепутаю фамилію.

— Ничего, в. с—во! помилуйте.

И корнетъ сдѣлалъ подъ козырекъ.

— А замѣтили вы, какая кокетка эта воспитанница, сказала Юлія Дмитріевна, жеманно опираясь на руку сердцеѣда.—Она не только что вѣшается на шею Львовскому, но еще дѣлаетъ глазки и Антону Михайловичу.

— Дѣвушка не такъ молодая, хочется выйдти замужъ, такъ она, знаете, и думаетъ подцѣпить провинціала.

— Убьетъ же бобра! Одинъ погруженъ въ архивы, а другой...

— Погруженъ въ конюшни, сказалъ сердцеѣдъ, вынимая свой знаменитый фуляръ и распуская его словно штандартъ, съ цѣлью разогнать кучу комаровъ, которые жужжали на мѣстѣ, составляя въ воздухѣ летучую колонну.

— Смотрите, Наденька! Наденька смотрите! говорила госпожа Хлопотунъ дѣвицѣ Совиковской, указывая пальцемъ на Наташу. — Машенька! смотри же, Бога ради! Ахъ, какія же вы непроворныя! Представьте, вѣтеръ развѣялъ платье Наташи, и у нея не нога—ножища!

И нѣсколько паръ глазъ устремилось на край платья Наташи; но ничего не было видно, хотя слѣдокъ, оставляемый на пескѣ ботинкой воспитанницы, и довольно ясно опровергалъ выдумку городничихи.

Сердцеѣдъ слышалъ это и обратился къ г-жѣ Хлопотунъ:

— Вотъ уже это напрасно, сказалъ онъ:—не спорю, что воспитанница кокетка, что не умѣетъ держать себя въ порядочномъ обществѣ; но что ножка у нея немногимъ развѣ больше, чѣмъ у Юліи Дмитріевны.

— Je me fache, M-r. Мордаевскій! говорила Юлія Дмитріевна.

— Вы говорите маленькая у нея ножка? спросила городничиха съ жаромъ.—Катя, поди сюда! громко про-

должала она, обращаясь къ старшей дочери.—Вы конечно судите по этому слѣду: это слѣдъ Кати. Катя, стань здѣсь! ну, теперь подыми ногу! Видите, что ея башмакъ.

— Да гдѣ же слѣдъ воспитанницы? спросила Юлія Дмитріевна.

— А вотъ онъ.

— Это нога Львовскаго, вотъ и каблукъ, сказалъ Мордаевскій.

— Львовскаго! Ахъ, Григорій Ильичъ, да вы развѣ не видѣли, что у нея ботинки съ каблуками. Нѣтъ, всѣ наши мужчины съ ума сошли отъ пріѣзжей.

Юлія Дмитріевна почла за лучшее догнать общество.

— А чуть ли не права городничиха, шепнула она своему кавалеру:—что воспитанница многихъ свела съ ума.

— Можетъ быть тѣхъ, у кого его и не было, отозвался небрежно Мордаевскій, свертывая свой штандартъ.

— Однакоже, на балѣ у Алексѣя Лазаревича, мой одинъ знакомый къ ней къ первой подошелъ ангажировать на вальсъ.

— Юлія Дмитріевна началъ было учитель, но какъ-то замялся, а въ это время почти надъ ухомъ у него раздалось:

— Люлюперочка! гдѣ ты, ангельчикъ? Княгиня уже въ гостиной; поди къ ней, мой Люлюньчикъ!

— Иду, иду! неужели же мнѣ совершенно оставить другихъ гостей?

— Это все свои! А по этому случаю, позволь, Люлюньдарчикъ мой, поцаловать плечико или пальчикъ.

— Ахъ, какіе вы досадные Лука Ивановичь! проговорила Юлія Дмитріевна, входя на крыльцо и протягивая мужу палецъ, который и былъ покрытъ множествомъ поцалуевъ.

— Завидная пара! говорилъ стряпчій старшей Хлопотунъ,—то и дѣло что цѣлуются.

— Отъ чистаго ли сердца? спросила Катенька, лукаво улыбаясь.

— А чѣмъ-же не жизнь Юліи Дмитріевнѣ? Настоящая барыня, какъ сыръ въ маслѣ, чего ей не достаетъ?

— Любви, прошептала дѣвушка.

— Любви! ужъ кажется черезъ чуръ много любви; я на мѣстѣ Луки Ивановича любилъ бы ее меньше.

— Ахъ какой вы строгой!

— Вѣдь она ему всѣмъ обязана.

— Значитъ вы свою жену держали бы въ рукахъ.

— Держалъ бы въ рукахъ, Катерина Петровна.

Катенька хотѣла было удалится; но стряпчій догадавшись объ этомъ маневрѣ, слегка придержалъ ее.

— Какъ-же вы хотите, чтобы не держать жену въ

рукахъ, говорилъ онъ нѣжнымъ голосомъ: вѣдь иначе нельзя прижать её къ любящему сердцу...

— А! вы бы этакъ бы держали! это дѣло другое, говорила Катенька, слегка сжимая руку стряпчаго.—Нѣтъ, я говорю о строгости...

И они подошли къ крыльцу.

Преферансъ уже составился въ гостиной. Княгиня играла необыкновенно удачно, приписывая это присутствію Антона Михайловича. Корнету однако же надоѣло сидѣть молча, не мѣшаясь въ игру, и онъ ушелъ затянуться и полюбезничать съ Наташей. Въ это время старушка закупилась и поставила ремизъ на осьми; всѣдъ за этимъ повистовала на семь Хлопотуну, который ужасно подсиживалъ,—и осталась безъ двухъ. Княгиня нахмурилась и сдавъ карты, пошла въ залу.

Выкуривъ трубку, корнетъ только что подошелъ къ Наташѣ.

— Куда же ты уходишь Мылобрѣевъ? А безъ тебя, мой батюшка, я обремизилась.

— Сейчасъ, в. с—во! говорилъ корнетъ, съ досадой ставя трубку въ уголъ и обращаясь къ Наташѣ прибавилъ:—не удалось курнуть, чортъ возьми!

Съ этимъ запустивъ ей самыхъ анаѳемскихъ голубей, по системѣ Гитонъ де Морво, корнетъ подбѣжалъ къ княгинѣ.

— Пожалуйста не отходи отъ меня, батюшка, Брѣешиловъ.

— Слушаю, в. с—во! сказалъ Антонъ Михайловичъ, слѣдуя за княгиней, и снова изъ дверей пустилъ Наташѣ пару вертуновъ.

— Алексѣй Лазаревичъ! молвила старушка, садясь на свое мѣсто: я начинаю замѣчать, что нашъ милый Шилобритвинъ не на шутку ухаживаетъ за дамами.

— О, Антонъ Михайловичъ дамскій кавалеръ, сказалъ Базовъ съ улыбкою, и подвинулъ карты старушкѣ, со всею любезностью прошлаго столѣтія.

— А вотъ, в. с—во, у васъ вѣрно, съ моимъ приходомъ девять въ бубнахъ.

— Посмотримъ, посмотримъ!

И съ какимъ-то тайнымъ предчувствіемъ княгиня начала разбирать карты. Но взглянувъ на лицо ея, можно было угадать, что корнетъ не ошибся. Въ глаза такъ и бросились тузы, короли и дамы.

— Ну, ты просто колдунъ, любезный Бритвошеевъ.

— Шилобрѣевъ в. с—во.

— Не сердись, голубчикъ, я уже сказала что вѣчно перековеркаю фамилію, но теперь буду помнить. Ахъ, батюшки! тузовъ-то, королей... нѣтъ, Усобрѣевъ, ты дока.

Княгиня сыграла восемь и сдѣлала ручкой корнету; а

корнетъ попросилъ позволенія поцѣловать руку ея сіятельства.

— Изволь дружокъ, изволь, Тѣлобреевъ, я даже сама тебя поцѣлую.

И пока продолжался процесъ цалованія, Хлопотунъ шепнулъ Дублинскому:

— Какъ она его честитъ то мыло, то бритва, а никакъ не попадетъ на шило.

— Однако, кажется, она и безъ шила отбрѣетъ насъ порядкомъ, отвѣчалъ Дублинскій тоже шопотомъ.

— А теперь, что будемъ играть? спросила княгиня у корнета.

— Теперь, в. с—во, повистуемъ и заремизимъ.

— Вотъ это дѣло, любезный Брѣеусовъ!

— Шилобрѣевъ замѣтилъ Базовъ, съ улыбкою.

— А онъ, мой батюшка, ужъ и не поправляетъ старуху: видно доброе. сердце Нѣтъ, позвольте, дайте мнѣ мѣлокъ, я запишу фамилію моего благодѣтеля передъ собою.

И на зеленомъ сукнѣ княгиня большими буквами написала: Голошеевъ.

— Вотъ такъ! прибавила она? теперь уже не собьюсь. Ну-съ, что же у насъ есть? Но въ этотъ разъ у княгини десятка пикъ была старшая карта.

— Не всегда же коту масляница!.. проговорилъ Шилобрѣевъ ухорски подбочениваясь.

Гости разъѣхались довольно рано.

Недѣля, проведенная княгиней въ Смуровѣ, прошла незамѣтно, и мало измѣнила отношенія городскихъ жителей, хотя сначала и казалось, что Наташа, какъ яблоко раздора, должна сильно подѣйствовать на возникающія и на установившіяся уже нѣжныя страсти. Мы видѣли, что два только джетльмена отчалило отъ роднаго берега: корнетъ Шилобрѣевъ и смотритель Дублинскій, который хотя и не говорилъ никому ни слова о своихъ чувствахъ, однако тѣмъ не менѣе горѣлъ довольно горячимъ пламенемъ къ дѣвицѣ весьма достойной уваженія. Кирило Өедосѣичъ весь вѣкъ, еще со студенческой скамейки имѣлъ особенную привязанность къ женщинамъ; но всѣ предметы его страсти, начиная отъ дочери переплетчика, у котораго стоялъ онъ студентомъ, до Наташи включительно, не замѣчали что вблизи ихъ билось сердце, готовое запылать волканомъ. Дублинскій былъ вообще робокъ въ дѣлахъ любви, и только глазолизничилъ, какъ говаривалъ подъ веселую руку Шилобрѣевъ. Узнавъ, что Наташа воспитанница, слѣдовательно открытая вакансія для каждаго благородія, Кирило Өедосѣичъ подумывалъ, что ей весьма и весьма недурно было бы называться надворной совѣтницей; а когда Смуровская хроника сосчитала сколько паръ платья, башмаковъ, какой экипажъ, лошадей, какую прислугу и какое количество денегъ княгиня даетъ за На-

ташей, Дублинскій даже было рѣшился сдѣлать предложеніе. Но пока все это толпилось въ головѣ смотрителя, злодѣй Шилобрѣевъ далеко опередилъ его на поприщѣ волокитства. Дублинскій побаивался тоже и Львовскаго, но послѣдній еще недавно сказалъ, что не намѣренъ жениться прежде окончанія курса въ какомъ нибудь заграничномъ университетѣ. Да и что Львовскій? При всемъ умѣ, образованіи, при красивой наружности и молодости, онъ не дамскій угодникъ. Но Антонъ Михайловичъ герой, зубы съѣлъ на волокитствѣ, по его же собственному признанію. И бѣдный Дублинскій довольствовался только привѣтливой улыбкой Наташи, доставшейся ему заурядъ, да сохранилъ въ памяти одно, впрочемъ пустое обстоятельство, когда она уронила платокъ, а онъ поднялъ и отдавая, зацѣпилъ какъ-то ея бѣленькую красивую ручку. Прикосновеніе это сильно подѣйствовало на сорокалѣтняго неопытнаго юношу, который въ жизнь свою не прикасался къ рукѣ молодой женщины, исключая тѣхъ рукъ, съ которыми приходилъ въ соприкосновеніе при выдачѣ муки, при покупкѣ грушъ или яблокъ, при повѣркѣ бѣлья и при другихъ житейскихъ надобностяхъ.

Три послѣдніе дня были днями прощальныхъ обѣдовъ и вечеровъ, которыми Хлопотунъ, Лука Ивановичъ и въ заключеніе, Базовъ почтили московскую старушку.

Было шесть часовъ вечера. Въ домѣ Алексѣя Лазаревича толпились всѣ почти обитатели Смурова, приглашенные на весь день. Обѣдъ кончился не такъ давно до чаю оставалось еще много времени; дамы отправились переодѣться къ балу, и потому все мужское общество разбрелось и группировалось, гдѣ кому было удобнѣе.

Черезъ два часа снова собрались въ залу. Танцы шли своимъ чередомъ, и какъ водится, за Наташей неотступно ухаживалъ Шилобрѣевъ. Въ третьей кадрили онъ почти изъяснился ей въ любви, но изъясненіе это какъ-то было необыкновенно кудревато. Наташа поняла его, однако нашла возможность обратить въ шутку, и ничего не отвѣчала. Считая дѣло поконченнымъ, тѣмъ болѣе, что воспитанница дала ему слово танцовать съ нимъ мазурку, Антонъ Михайловичъ недолго думалъ и отправился сказалъ объ этомъ княгинѣ.

Послѣ второй пульки старушка усѣлась отдохнуть на широкомъ диванѣ, и такъ-какъ она полулежала съ закрытыми глазами, то Базовъ ушелъ въ залу, а прочіе партенеры сочли благоразумнымъ удалиться, чтобъ не помѣшать вздремнуть ея сіятельству.

Упоенный счастьемъ, Шилобрѣевъ ничего этого не видѣлъ и смѣло подходилъ къ княгинѣ, сильно звеня шпорами и порядочно стуча каблуками. Предпринимая важный разговоръ, онъ, не доходя шага за три до ста-

рушки, разсудилъ высморкать носъ и, вынувъ платокъ, такъ усердно принялся исполнять эту непривлекательную необходимость, что носъ его, издавъ звуки на подобіе сигнальной трубы, разбудилъ спавшаго попугая и заставилъ старушку открыть глаза.

— Что за тревога такая? спросила послѣдняя, смотря вокругъ удивленными глазами.

— Ничего, в. с—во! Это я...

— А, это ты! Представь любезный Усобрѣевъ, мнѣ показалось, что кто-то затрубилъ у меня надъ ухомъ. Ну что новенькаго? Видишь ты волочишься, позабылъ, старушку а я, отецъ мой, проигралась.

— Отыграемся, в. с—во!.. сказалъ Шилобрѣевъ, усаживаясь возлѣ княгини.—А я къ вамъ съ просьбой.

— Чѣмъ могу служить, дорогой Мылобрѣевъ?

— Влюбленъ, в. с—во! то есть врѣзался, или попросту почувствовалъ такую Силезію, что хоть со свѣту бѣги!

— И хорошо сдѣлалъ, хоть ты еще, чай, молодъ.

— Нѣтъ, в. с—во! пора остепениться или по просту надѣть узы Галилея.

— Не подумываешь ли жениться?

— Есть грѣхъ, и я именно пришелъ просить вашего позволенія.

— Благодарю за вниманіе. Я готова помогать тебѣ, любезный Брѣешиловъ. Кто же тебѣ понравился?

— Особа вамъ близкая, которую желаю осчастливить, если позволите... однимъ словомъ Наталія Михайловна.

— Какъ? моя Наташа? Ахъ, батюшка! Благодарствую, дружокъ! Но она бѣдная дѣвушка, ты, чай, извѣстенъ объ этомъ.

— Э, в. с—во! я не гоняюсь за многимъ. Что въ богатствѣ, лишь бы сердца пылали, или прямѣе—чувствовали другъ къ другу систематію.

— Ну, а Наташѣ ты говорилъ объ этомъ?

— То есть, нѣсколько разъ докладывалъ.

— Что же?

— Знаете, какъ вообще барышни, немножко ломается, но, если не ошибаюсь, я ей непротивенъ, и мазурку мнѣ обѣщала.

— Чѣмъ же вы будете жить, мой любезнѣйшій?

— Могу занять должность, в. с—во!

— А! это дѣло другое. Я за Наташей назначила пять тысячь серебромъ и приличное приданое. Это, правда, немного, но, если мужъ будетъ получать хорошее жалованье...

— Сколько разъ мнѣ предлагалъ Алексѣй Лазаревичъ; но я занимаюсь у него конными заводами по дружбѣ, какъ однополчанинъ...

— Это дѣлаетъ тебѣ честъ. Не могу сказать ничего рѣшительнаго, пока не переговорю съ Наташей.

Въ это время Базовъ подходилъ къ княгинѣ, и корнетъ, чувствуя что ему не ловко будетъ присутствовать при разговорѣ стариковъ, раскланялся и отретировался.

— Скажу вамъ новость, Алексѣй Лазаревичъ. Моя Наташа сдѣлала побѣду.

— Нисколько не удивляюсь, княгиня.

— И побѣду не шуточную. Этотъ вашъ... какъ бишъ его? Брѣешиловъ сейчасъ мнѣ сдѣлалъ предложеніе.

— Серьезно?..

— Вотъ, вотъ сію минуту. Каковъ онъ, отецъ мой?

— Что касается сослуживца моего Антона Михайловича, онъ человѣкъ хорошій, добраго сердца, не безъ достоинствъ; но если позволите говорить откровенно...

— Говорите, батюшка говорите!

— Мнѣ кажется, что онъ не партія для Наталіи Михайловны.

— И, батюшки! кого же ей ожидать? Не принцеса вѣдь она какая, не богачка, а просто на просто сирота, ни роду, ни племени.

— Не говорю уже, что Шилобрѣевъ старъ для нея, княгиня; но, при всѣхъ своихъ хорошихъ качествахъ, онъ не отвѣчаетъ ей образованіемъ; притомъ же его средства весьма ограничены.

— Знаю, отецъ мой! Да я вѣдь награжу Наташу, а онъ малый толковитый, найдетъ службу. Знаете ли, я

давно думаю какъ бы пристроить Наташу, но не хотѣлось бы какъ нибудь, а все жду пока ей кто понравится.

— Узнаю васъ, Варвара Петровна: такъ и быть должно. Взявъ на воспитаніе дѣвушку, первая обязанность— обезпечить ея судьбу. Признаюсь вамъ и я подумывалъ объ этомъ, но прочилъ другаго жениха. Мнѣ казалось...

— Кого же это, батюшка?

— Секретаря моего Львовскаго.

— А! да вѣдь онъ бука такой.

— Чрезвычайно умный и необыкновенно благородный молодой человѣкъ. Будь между нами сказано, о немъ есть довольно важный пунктъ въ моемъ духовномъ завѣщаніи.

— Да онъ не сродни ли вамъ? спросила княгиня, съ той тонкой улыбкой, которая слишкомъ была понятна Алексѣю Лазаревичу.

— Совершенно чужой, отвѣчалъ Базовъ, улыбаясь:— но тѣмъ не менѣе я люблю его какъ роднаго.

— Шалуны вы, сѣдые шалуны! говорила княгиня, лукаво грозя пальцемъ генералу.—Только этотъ, какъ его? Тѣлобреевъ, кажется, понравился Наташѣ.

— Сомнѣваюсь, княгиня; но если бы и такъ, я старался бы отклонить дѣвушку...

— Не должна васъ оспаривать, вы лучше знаете, кто изъ нихъ приличнѣе для Наташи; однако, все мнѣ надо поговорить съ нею. Видите ли, я завтра уѣзжаю, и мнѣ

хотѣлось бы знать что нибудь рѣшительное. Если Наташа согласна, можно бы на возвратномъ пути сочинить и свадьбу.

— Какъ прикажете.

— Вотъ что: сыграемъ еще пульку, а послѣ молодыхъ людей на исповѣдь. Я думаю столъ готовъ.

— Давно готовъ, сказалъ Базовъ съ улыбкою: я сію минуту соберу вамъ партнеровъ, а самъ поговорю съ Львовскимъ.

И старики разстались, раскланявшись самымъ церемоннымъ образомъ.

— Алексѣй Лазаревичъ отозвалъ Львовскаго и усѣлся съ нимъ въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ.

— Надѣюсь вы вѣрите въ мое къ вамъ расположеніе, Андрей Ивановичъ сказалъ онъ.

— Не понимаю даже зачѣмъ вы и говорите объ этомъ, в. п—во, поспѣшилъ отвѣчать Львовскій, удивленный предисловіемъ генерала.

— Безъ этого маленькаго вступленія, слова мои могли бы показаться вамъ странными.

— Я столько, и такъ давно знаю васъ, что не могу допустить съ вашей стороны ничего кромѣ расположенія.

— Однако, въ сторону обоюдныя любезности, милый Львовскій, а дѣло въ томъ, что мнѣ отъ души хотѣлось бы составить ваше счастье и вмѣстѣ счастье другой особы.

— Я не понимаю.

— Будто бы?

— Серьезно.

— Ну такъ слушайте же. Вамъ 25 лѣтъ, вы, слава Богу, поучились довольно на своемъ вѣку, и вамъ пора бы подумать о семейной жизни.

— Признаться откровенно, генералъ, послѣднее обстоятельство никогда не приходило мнѣ въ голову.

— Начнемте прямо по военному. Какъ вамъ нравится Наталія Михайловна?

— Очень нравится: она умная и кажется добрая дѣвушка.

— Стало быть, если бы за этой умной и доброй дѣвушкой было умное и доброе приданое...

— Позвольте генералъ! Отдавая справедливость достоинствамъ молодой особы, я ничуть не сказалъ этимъ, что желаю жениться на ней; наконецъ, предположивъ и это, почему же мы знаемъ, что Наталія Михайловна раздѣляетъ это желаніе?

— Вы, по скромности, мало придаете себѣ цѣны, почтеннѣйшій мой философъ; но сколько мнѣ кажется, московская красавица не такъ проста, чтобы не понять и не оцѣнить васъ.

Львовскій смутился не много при мысли, что, мо-

жетъ быть, онъ въ самомъ дѣлѣ произвелъ впечатлѣніе на дѣвушку.

— Но могу увѣрить, в. п—во, сказалъ онъ:—что во время знакомства моего съ Наталіей Михайловной, я не только не старался ей нравиться, напротивъ, кажется, по своему невольному обыкновенію, дѣлалъ все, чтобы показаться чудакомъ или оригиналомъ.

— Мы этакъ никогда не кончимъ. Видите ли, нашъ лихой Антонъ Михайловичъ влюбленъ въ Наташу и сдѣлалъ предложеніе. Разумѣется дѣвушкѣ не можетъ понравиться мой добрый сослуживецъ. Княгиня, будь между нами сказано, желаетъ выдать замужъ воспитанницу, которой уже назначила и приданое; но мнѣ жаль эту милую достойную дѣвушку, и вотъ, въ головѣ у меня мелькнула мысль, что, если ей быть счастливой, то развѣ съ вами.

При этомъ протянулъ руку секретарю. Львовскій, съ чувствомъ пожалъ эту руку.

— Благодарю васъ, генералъ! я никогда не сомнѣвался въ вашемъ добромъ мнѣніи; но, какъ благородный человѣкъ, долженъ отплатить откровенностью за откровенность и высказать свои задушевныя мысли. Мы говоримъ съ глаза на глазъ. Я бѣденъ, Наталія Михайловна тоже сирота; но не это пугаетъ меня. Не дай ей ничего княгиня, я умѣлъ бы найти средства содержать жену, если бы

насъ влекла другъ къ другу любовь, такъ безпощадно осмѣиваемая въ романахъ. Наконецъ если бы суждено было Натальѣ Михайловнѣ выдти за кого нибудь изъ насъ двухъ: за меня или за Шилобрѣева, я первый протянулъ бы ей руку, въ увѣренности, что со мной она была бы счастливѣе. Но, Алексѣй Лазаревичъ, прихоть княгини выдать замужъ воспитанницу въ Смуровѣ пройдетъ, Наталія Михайловна откажетъ Шилобрѣеву, и этимъ окончится вся исторія. Зачѣмъ же я вмѣшаюсь въ судьбу этой дѣвушки? Особенной любви я къ ней не чувствую, да сомнѣваюсь что бы и я успѣлъ вдохнуть въ нее что нибудь; а долгіе годы ученья, а эта жажда познаній, а цѣль моя ѣхать за границу и проложить себѣ дорогу учеными трудами... Неужели это все должно погибнуть? За что же, генералъ?

Въ голосѣ Львовскаго было такъ много искренности, что старикъ еще разъ пожалъ ему руку и съ любовью посмотрѣлъ на молодаго человѣка.

— Прости, другъ! сказалъ онъ, вставая: я ошибался въ тебѣ немного. Это было наше предположеніе съ княгиней; но Наташа вѣроятно откажетъ Шилобрѣеву.

Генералъ вышелъ въ танцовальную залу. Шилобрѣевъ выдѣлывалъ чудеса въ мазуркѣ, но не могъ развеселить своей дамы, которой яснѣе и яснѣе намекалъ о своихъ чувствахъ и раза два хотя и алегорически, однако далъ замѣтить, что и княгиня знаетъ объ этомъ.

Базовъ подсѣлъ къ Наташѣ и, побѣдивъ врожденную деликатность, началъ говорить съ ней по французски при корнетѣ, непонимавшемъ этого языка. Умолчавъ о разговорѣ съ Львовскимъ, онъ передалъ только то, что Шилобрѣевъ сдѣлалъ предложеніе княгинѣ, и что отъ нея зависитъ рѣшить судьбу корнета. При этомъ генералъ просилъ Наташу не стѣсняться откровенностью отвѣта, иприбавилъ съ улыбкой, что онъ заранѣе жалѣетъ о бѣдномъ своемъ сослуживцѣ.

Наташа сначала смѣшалась, но угадывая въ генералѣ заступника, сказала, что не только не чувствуетъ никакого расположенія къ Шилобрѣеву, но что напротивъ онъ ей ужасно наскучилъ. Воспитанница изъявила однако же опасеніе, что княгиня, желая непремѣнно выдать ее замужъ, вѣроятно будетъ настаивать; но генералъ разувѣрилъ ее и просилъ не безпокоиться.

Едва только отошелъ генералъ, Шилобрѣевъ подсѣлъ поближе къ Наташѣ.

— О чемъ вы задумались, Наталія Михайловна? Видите какіе вы не добрыя! Я пылаю къ вамъ страстью, попросту чувствую не только метроманію, но самую сильнѣйшую трансильванію; а вы не хотите ни однимъ словомъ утѣшить меня. Право-съ...

— Будемъ-те откровенны, М-г Шилобрѣевъ! Признаюсь вамъ, я долго не понимала о чемъ вы говорите;

но теперь только догадалась. Благодарю васъ, отъ души благодарю за вниманіе, но, къ сожалѣнію, должна сказать, что ничего не могу отвѣчать вамъ на это...

— Если сомнѣваетесь на счетъ княгини, то будьте спокойны: ея сіятельство отдаетъ на вашу волю, говорилъ корнетъ, не слыша земли подъ собою.

— Вы уже сказали княгинѣ?

— Доложилъ-съ.

— Напрасно вы это сдѣлали. Я хотѣла вамъ сказать, что не могу воспользоваться вашимъ лестнымъ предложеніемъ...

— Это почему-съ?

— Потому... потому, что не располагаю выходить замужъ.

— Шутите, ей Богу шутите, Наталія Михайловна. Съ вашей красотой не хотите выходить замужъ? А я васъ такъ люблю...

— Еще разъ благодарю васъ и повторяю, что мнѣ очень жаль, но не могу принять вашего предложенія.

Шилобрѣевъ окончательно растерялся.

— Да какъ же-съ? Это непонятно, или, прямѣе сказать здѣсь какая-то темная бухгалтерія.

— Согласитесь, M-r Шилобрѣевъ, что нельзя же повелѣвать своимъ сердцемъ...

*

— Эхъ, Наталія Михайловна! за то моимъ можете командовать какъ угодно! Да вы шутите! Я, ей Богу, съ честнымъ намѣреніемъ...

Но въ это время всѣ пары встали для общей послѣдней фигуры, и, по окончаніи мазурки, Наташа ловко ускользнула отъ своего кавалера, такъ, что онъ не успѣлъ и поблагодарить ее.

Воспитанница отправилась прямо къ княгинѣ, которая, передавъ на время свою игру оберъ-приживалкѣ, бесѣдовала съ Базовымъ. Старушка погладила по головѣ Наташу и передала ей предложеніе. Воспитанница кротко, но почтительно высказала свое мнѣніе, и когда Шилобрѣевъ подлетѣлъ къ этой группѣ, княгиня, пожимая плечами, сказала ему:

— Невѣста наша капризничаетъ, любезный Брѣешиловъ.

— Шилобрѣевъ, отвѣчалъ корнетъ недовольнымъ тономъ.

— Ну, извини, батюшка Тѣлобрѣевъ. Видишь ли, Наташа говоритъ что, не намѣрена выходить замужъ.

— Это одни меридіаны, в. с—во!

— Надѣюсь, M-r Шилобрѣевъ, сказала воспитанница, протягивая ему руку: что мы все таки останемся друзьями и дружба...

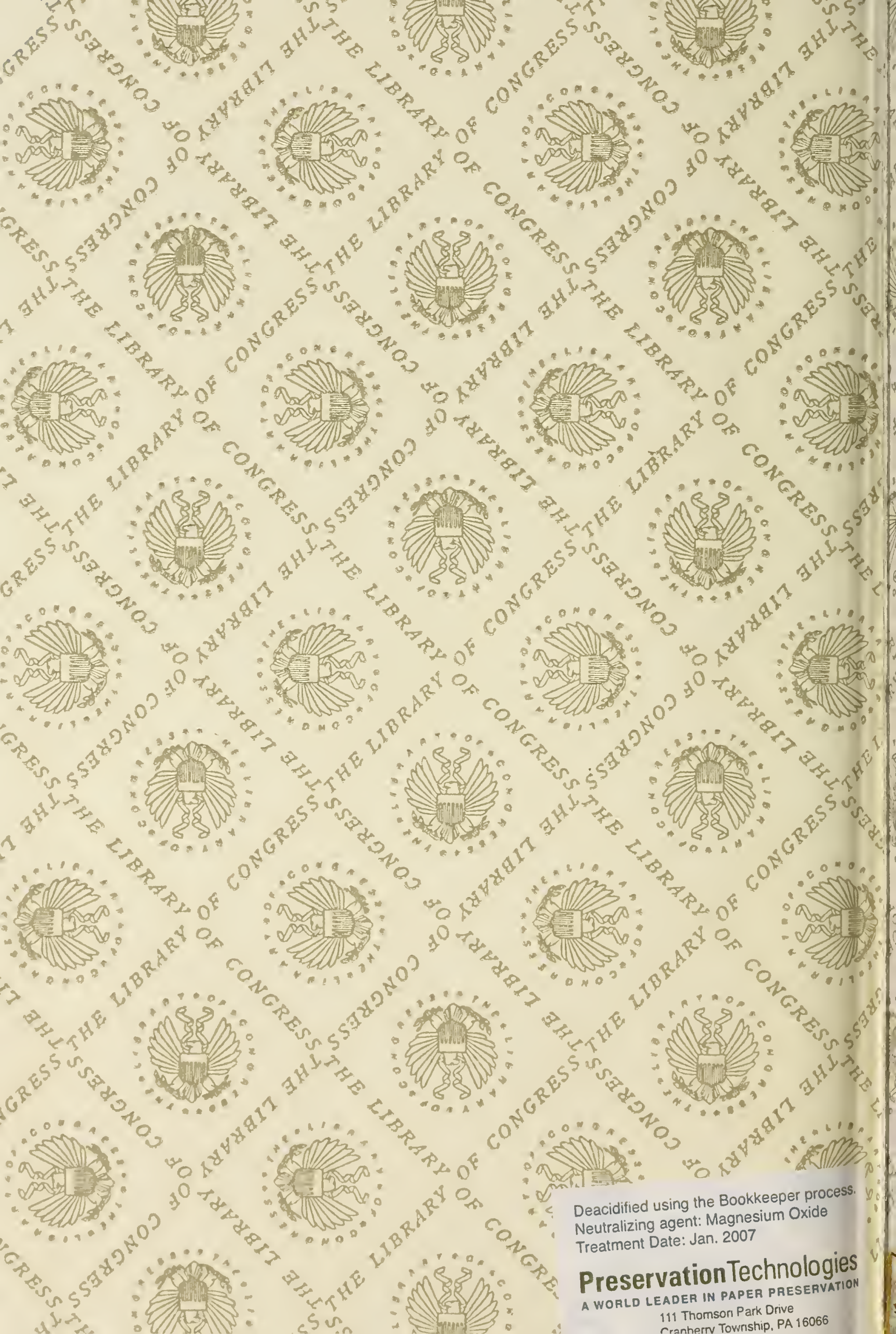
— Сухая ложка ротъ деретъ, сударыня, сказалъ корнетъ, лихо щелкнувъ шпорами и быстро поворотился на лѣво кругомъ.

Въ это время Алексѣй Лазаревичъ подошелъ къ княгинѣ, которая отозвавъ Наташу въ танцовальную залу, нетерпѣливо ожидала услышать, что скажетъ ей Базовъ. Но Генералъ не принесъ никакого извѣстія, и мечты старушки пристроить воспитанницу, должны были исчезнуть поневолѣ, потому что Львовскій не располагалъ жениться, а Шилобрѣевъ не нравился невѣстѣ и, по отзыву самаго генерала, былъ ей не пара.

Послѣ ужина, который подавали ранѣе обыкновеннаго по случаю завтрашняго отъѣзда княгини, когда всѣ гости окружили старушку, интереснѣе всего было прощанье послѣдней съ Базовымъ. Хотя генералъ и взялъ слово съ гостьи прямо заѣзжать къ нему на возвратномъ пути, и хотя старики разставались довольно весело, однако у обоихъ на лицахъ замѣтна была мысль о возможности не встрѣтиться болѣе въ жизни. Базовъ впрочемъ вызвался проводить ее на другой день за городъ и многіе пристали къ этому, такъ что княгиню ожидали шумные проводы. Одинъ Шилобрѣевъ велъ себя съ достоинствомъ и холодно поклонился княгинѣ, а еще холоднѣе воспитанницѣ.

На утро старуха дѣйствительно рано выѣхала изъ Смурова, провожаемая почти всѣми мужчинами и многими дамами, которыя успѣли принарядиться къ такому торжественному случаю.

Оглавленіе.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa
Sept.—Oct. 1987
We're Quality Bound